Деятели книги

И. Ф. Мартынов

Книгоиздатель НИКОЛАЙ НОВИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ,

на

1769 годъ,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Оня работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.

Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Заглавный лист журнала «Трутень».

Деятели книги

И.Ф. Мартынов

Книгоиздатель НИКОЛАЙ НОВИКОВ

Москва «Книга» 1981

ББК 76.1
М 29

ОГЛАВЛЕНИЕ

М $\frac{61002\text{-}004}{002(01)\text{-}81}$ 27-81 4504000000

© Издательство «Книга», 1981 г.

Светлой памяти
Александры Тихоновны
Мачуриной,
матери, друга, библиографа,
посвящаю

Глава 1
САТИРИК И УЧЕНЫЙ

Новый 1744 год начинался дурными предзнаменованиями. На Крещенье в небе над Москвой появилась комета. Это событие вызвало немало толков среди подмосковных помещиков, увидевших в небесной гостье предвестницу кровавых войн, голода, эпидемий. Богатые библиотеки с широким выбором книг по астрономии, философии и натуральной истории, большей частью на иностранных языках, были тогда еще очень редки в России.

Отставной моряк петровской выучки, алатырский воевода и статский советник Иван Васильевич Новиков не чуждался просвещения, однако в его доме жили постаринке: читали Часослов и Псалтырь, охотно слушали рассказы странников и не слишком жаловали новомодное французское воспитание. В этой патриархальной семье 27 апреля 1744 г. родился первенец — сын Николай. Вскоре после его рождения Новиковы переехали в свою подмосковную вотчину — село Авдотьино (Тихвинское то ж), привольно раскинувшееся на берегах притока Оки реки Северки, и зажили здесь в покое и достатке, как и подобало потомкам старинного дворянского рода. К сожалению, нам почти ничего не известно о годах детства человека, которому суждено было произвести поистине революционный переворот в судьбах русской книги. Биографам Новикова приходится довольствоваться лишь смутными намеками, рассеянными в его литературном наследии. «Я уже приходил лет под десяток, — горько сетовал на свою судьбу один из героев новиковского сатирического журнала „Несчастный Е***", — когда батюшка мой начал преподавать мне первые начала российской грамоты». Учение двигалось медленно, так как и сам наставник не был слишком тверд в книжной науке. В добавление ко всему сердобольная матушка всеми силами отрывала сына от книги, опасаясь, как бы он «от такого упражнения не повредился умом» [1]. Едва ли следует искать в этом рассказе прямых автобиогра-

фических параллелей, однако, судя по тому, что нам известно о родителях Новикова, его воспитание строилось примерно по такому же образцу.

«По тихости и чувствительности моего нравственного характера из детства, — признавался Николай Иванович Новиков впоследствии, — я... ни с кем и никогда ни малейшей не имел ссоры, даже со служителями моими поступал так, что в самом гневе никак не мог решиться наказывать» [2].

Николай рос любознательным, смышленым мальчиком, а тут, словно специально для него, в Москве открылся первый русский университет с гимназией, в которой предполагалось обучать основам наук недорослей из благородных фамилий. Познакомившись с программой нового учебного заведения, Иван Васильевич рассудил, что знание иностранных языков и математики не помешает сыну, какое бы служебное поприще он ни избрал впоследствии.

Принятый в начале 1757 г. во французский класс университетской гимназии, Николай Новиков ничем не выделялся из среды своих однокашников. Больше того, на первых порах он явно отставал по развитию от получивших основательное домашнее образование братьев Дениса и Павла Фонвизиных, Александра, Николая и Федора Кариных, Якова Булгакова и Сергея Домашнева. Уколы самолюбию, особенно болезненные в юношеские годы, когда формируется характер, запомнились Новикову на всю жизнь. Думается, что именно здесь следует искать истоки его огромной воли к самоутверждению.

Трехлетнее пребывание в университетской гимназии, несомненно, помогло Новикову существенно расширить свой интеллектуальный кругозор. Навсегда сохранил он чувство искренней признательности к любимым учителям и наставникам. Не следует, конечно, представлять себе это учебное заведение некоей идеальной платоновской Академией. «В бытность мою в Университете, — вспоминал на склоне дней Д. И. Фонвизин, — учились мы весьма беспорядочно, ибо, с одной стороны, причиной тому была ребяческая ленность, а, с другой, — нерадение и пьянство учителей» [3]. В этом отношении Новикову действительно не повезло. Однако процесс обучения воспитанников Московского университета складывался не только, а, может быть, и не столько из лекций и экзаменов, сколько из «приватного» общения учеников и

учителей, а главное — из самостоятельной работы с книгой.

Уже в первые годы существования Университета в нем воцарилась та неповторимая атмосфера культа книги, которая благотворно влияла на каждого, попадавшего в его стены. Два раза в неделю, по средам и субботам, студенты и гимназисты получали доступ к богатейшим фондам университетского книгохранилища. С июля 1759 г. была заведена специальная гимназическая библиотека с тщательно продуманным выбором учебных пособий. В качестве образцового сочинения изучающим французский язык рекомендовались диалоги Фенелона, а наставлением в «моральной философии» служила переведенная на русский язык детская энциклопедия великого чешского педагога Яна Амоса Коменского «Orbis pictus». Немалое место занимали вопросы чтения и работы с книгой на собраниях домашних литературных кружков, организованных для талантливой молодежи директором университетской библиотеки и типографии, поэтом М. М. Херасковым и преподавателем словесности, учеником немецкого просветителя Готшеда И.-Г. Рейхелем. Характерно, что первый литературный журнал Московского университета «Полезное увеселение» (1760) открывался статьей Хераскова «О чтении книг». «Чтение книг есть великая польза роду человеческому, — торжественно провозглашал он и тут же с презрением высмеивал «безумных чтецов» — предшественников новиковского Безрассуда, — «что на дурную книгу походят, которая ни мысли, ни складу не имеет» Только систематическое, осмысленное чтение под руководством мудрых наставников могло, по его мнению, открыть юношеству истинный путь к познанию природы и человека, ибо «великая разность читать и быть читателем».

При Университете существовал еще один литературный «клуб» — привилегированная книжная лавка. С начала 1760-х гг. ее содержал предприимчивый выходец из Дании X. Л. Вевер. Христиан Людвигович вел дело с европейским размахом: выписывал книжные новинки из Берлина, Парижа и Амстердама, поддерживал связи со знаменитым лейпцигским типографом Брейткопфом и его рижским компаньоном Гарткнохом, издавал в Университетской типографии собственным иждивением переводные и оригинальные сочинения московских литераторов. Частые посетители лавки Вевера — студенты и гимназисты узнавали здесь, что занятия словесностью

могут быть не только полезным и почетным, но и прибыльным делом. Правда, литературные вкусы ее хозяина нередко выходили за рамки строгой морали. Заказав любимому ученику Рейхеля Денису Фонвизину перевод басен датского Лафонтена — Гольберга, Вевер расплатился с ним «целым собранием книг соблазнительных, украшенных скверными эстампами». Напомним, что эпитет «соблазнительный» употреблялся в XVIII в. в значении «непристойный». Новикова мало привлекали «соблазнительные» эстампы, но и ему представлялась слишком пресной умственная диета, которую рекомендовали юношеству наставники-педанты. В беседах с Вевером он постигал азбучные истины живой практики книжного дела.

Подлинным бичом Университета были самовольные отлучки его воспитанников в родительские имения. «У нас учебных дней в году бывает немногим больше ста», — жаловалось университетское начальство [4]. Поэтому многим способным юношам зачастую приходилось учиться урывками и, не окончив курса, отправляться по воле батюшек и матушек в гвардейские казармы. Не миновала эта участь и Николая Новикова. 3 июня 1760 г. он был отчислен из Университета за «нехождение в классы», полтора года провел почти безвыездно в Авдотьине с больным отцом [5], а в первые дни царствования императора Петра III явился для прохождения действительной военной службы в Петербург.

Для рядового лейб-гвардии Измайловского полка потянулись серые будни, до предела заполненные фрунтовыми учениями и вахт-парадами. Перемена в его судьбе пришла неожиданно. Ранним июньским утром 1762 г. Николай Новиков стал невольным участником дворцового переворота, инспирированного властолюбивой супругой Петра III Екатериной. Сохранилось предание, что он одним из первых встретил новую императрицу в Петербурге и присягнул ей на верность. Так впервые скрестились их пути. Впечатлительный, начитанный юноша восторженно приветствовал «ученицу» просветителей, взошедшую на русский престол. Далеко не сразу Новиков понял, что за вдохновенными словами Екатерины II о всеобщем блаженстве, гуманизме, правах личности, законности и просвещении кроется стремление укрепить свои позиции.

Время для тягостных прозрений еще не настало, а пока все, казалось бы, в жизни Новикова складывалось

к лучшему. Екатерина явно благоволила к «героям дня» — измайловцам и щедро расточала им свои милости. Командир полка граф Кирилл Григорьевич Разумовский получил от нее в награду за преданность пожизненную пенсию. а солдат Новиков — первый унтер-офицерский чин. Вахт-парады сменились придворными балами, дисциплинарные строгости смягчились, и у гвардейцев появилось наконец немало досуга. Каждый из них заполнял его сообразно своим вкусам и воспитанию. Гвардейские казармы искони служили не только ареной буйных кутежей, но и прибежищем российской музы. «В то время, как другие, — писал в назидание потомству будущий сотрудник Новикова А. Т. Болотов, — время свое провождали в одних забавах, утехах и увеселениях разных, я занимался чтением, переводами, науками»[6].

Стоит ли удивляться, что за семь лет службы в гвардии гимназист-недоучка, усиленно занимаясь самообразованием, стал одним из наиболее тонких ценителей и знатоков русской книги. Успехам Новикова в книжном учении немало способствовала среда, в которой он жил. Его командир был президентом Петербургской Академии наук. Он охотно поощрял ученые занятия своих подчиненных. Близко сойдясь с некоторыми сослуживцами, Новиков не порывал связей с товарищами по гимназии. Дух университетского студенческого братства вносил в их отношения ту особую теплоту и сердечность, что так нужна молодому человеку, вступающему в жизнь. К середине 1760-х гг. в Петербург съехались многие участники херасковского и рейхелевского литературных кружков: Денис и Павел Фонвизины, Ф. А. Козловский, С. Г. Домашнев, В. Г. Рубан. Так, на берегах Невы возникло «московское землячество» — корпорация юных литераторов, связанных общими взглядами и интересами, служебными, дружескими, а иногда и семейными узами.

Круг литературных знакомств Новикова уже тогда был значительно шире той социальной среды, в которой он вырос. Получив по роду службы доступ во дворец и в Академию наук, каптенармус Измайловского полка не искал здесь могущественных покровителей, но зато приобрел немало искренних друзей. Огромное человеческое обаяние, внутренний демократизм, страстная приверженность идеалам добра и справедливости с годами создали вокруг его имени поистине гипнотический ореол. «Новиков был одарен превосходным даром красноречия, — восторженно рассказывал о встрече с ним извест-

ный русский архитектор А. Л. Витберг. — Речь его была увлекательна, даже самые уста его придавали какую-то сладость словам» [7].

В любом серьезном начинании моральная и деловая репутация его инициатора всегда является ценнейшим первоначальным капиталом. Первую половину 1760-х гг. в жизни и деятельности Новикова можно смело назвать периодом интенсивного накопления этого капитала. Организатор по натуре, он обладал редкостным даром глубоко вникать во все детали того дела, которым занимался, вовлекая в сферу своих интересов широкий круг людей, способных тем или иным способом помочь осуществлению его планов и замыслов.

Трудно сейчас сказать, какое событие послужило толчком к превращению Новикова из потребителя культурных ценностей в их производителя. Немалое значение для осознания им своего подлинного призвания могло иметь, на наш взгляд, знакомство с материалами первого русского универсального журнала «Ежемесячные сочинения». Основанный видным ученым-историком середины XVIII в. Г. Ф. Миллером, журнал оставил заметный след в истории отечественной культуры. Особое внимание современников привлекал критико-библиографический отдел — «Известия о ученых делах», в которых Миллер пытался с просветительских позиций активно воздействовать на формирование читательских интересов русского общества и — опосредствованно — на характер и состав текущего национального книжного репертуара. Систематически публикуя на страницах журнала в течение двух лет (1763—1764) «справедливые о новых книгах рассуждения», он надеялся со временем исправить «вкус охотников до книг, а через то вынудить типографщиков издавать только полезные сочинения». Постепенно из сотен внешне не связанных между собой сообщений и критических отзывов о русских и иностранных книжных новинках возникла широкая просветительная программа издания лучших, удачно приспособленных к местным условиям трудов «о экономии, коммерции, мануфактурах и агрикультуре или земледельчестве», популярных пособий по юриспруденции и медицине, нравоучительных романов в «англинском» духе, прославляющих «честность и добродетель», и книг для детского чтения. Весьма актуальными были, как показало время, разработанные Миллером проекты составления биобиблиографического словаря видных деятелей отечественного

просвещения и «Российской вивлиофики» — свода летописных и других документальных источников по истории России.

К сожалению, времени на претворение этих замыслов в жизнь у него так и не нашлось. Получив в конце 1764 г. место директора Московского архива Коллегии иностранных дел, Миллер с головой ушел в изучение древних хартий и заметно охладел к практической просветительной работе. Подлинным реформатором русского книжного репертуара суждено было стать его младшему современнику — Николаю Новикову.

Значительную роль в судьбе будущего книгоиздателя сыграла встреча с давним знакомым — Х. Л. Вевером. Частые поездки в Москву за амуницией, провиантом и фуражом входили в обязанности каптенармуса Измайловского полка, и он не видел в них никакой для себя корысти, если не считать возможности время от времени повидаться с родственниками и приятелями по Московскому университету. Х. Л. Вевер давно подумывал о том, как организовать широкую продажу своих изданий в Петербурге, но удобного случая не представлялось. Академия наук и петербургские переплетчики (И. Шубоц и М. Веге) брали его книги на комиссию небольшими партиями, а создание столичного филиала было тогда Веверу не по средствам. Поэтому появление Новикова зимой 1766 г. в университетской книжной лавке пришлось как нельзя кстати. Молодой лейб-гвардеец, серьезный и рассудительный, показался опытному коммерсанту человеком деловым и заслуживающим доверия. К тому же Новикову ничего не стоило отправить с полковым обозом в Петербург несколько тюков книг. Думается, Вевер не долго уговаривал Новикова стать его петербургским комиссионером. Эта сделка была обоюдовыгодной, она вполне соответствовала жизненным планам безвестного унтер-офицера, мечтавшего прославить свое имя трудами на поприще просвещения соотечественников. 13 февраля Вевер вручил Новикову под расписку книги и краткосрочную ссуду на «обзаведение» — 120 руб. «ходячею российскою серебряною монетою».

В Петербурге Новиков энергично принялся за дело. Дворянам запрещалось в нарушение сословных прав купечества заниматься книжной торговлей, поэтому он начал подыскивать посредника. Вслед за этим в Академическую типографию поступил от него заказ на печатание четырехсот экземпляров «Реестра российским книгам,

продаваемым в Большой Морской, в Кнутсоновом доме». И, наконец, 28 марта «Санктпетербургские ведомости» (1766, № 25) известили читателей об открытии новой книжной лавки, где можно было бесплатно получить каталог продающимся в ней «вновь напечатанным разным книгам», а также оформить подписку на московское переиздание первого русского ежемесячника «Примечание о разных материях» (М., 1766).

Торговля шла успешно, и Новиков по своей инициативе взял на комиссию еще несколько книг. Характерно, что даже в этом пустячном деле ярко проявилось то удивительное понимание психологии русского читателя и покупателя, которое было отличительной чертой всей его издательской и просветительной деятельности. Из пестрого потока книжных новинок он выбрал два в своем роде классических образчика, рассчитанных на любителей «высокого» и «низкого штилей»: возвышенно-назидательную трагедию своего первого наставника М. М. Хераскова «Пламена» (М., 1765) и сборник комически-шутовских новелл соученика по университетской гимназии литератора-разночинца М. Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки» (Спб., 1766) К концу мая книги, привезенные из Москвы, были распроданы, и новиковская лавка в доме купца Петра Кнутсона прекратила свое существование. Только глубокой осенью Новиков получил причитающиеся ему за труд проценты. Пути компаньонов навсегда разошлись, однако работа с книгой увлекла Новикова, и он задумал испытать счастья в новой для себя роли книгоиздателя.

Его издательский дебют прошел незаметно. 5 ноября 1766 г Новиков выкупил у типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса весь тираж (1000 экз.) напечатанной собственным иждивением тоненькой книжечки моральных наставлений под названием «Дух Пифагоров» [8] «Я нашел сие сочинение, — сообщал издатель в предуведомлении к читателям, — у некоторого моего приятеля между старыми тетрадями, без имени переводчика. Усмотря его превосходство, принял попечение выправить находящиеся в нем погрешности, касающиеся до слога и правописания, и потом выдать в свет для пользы и увеселения общества, которое само разберет, стоит ли оно его внимания» [9] Трудно теперь судить, как встретила русская читающая публика страстные филиппики «Пифагора» против суетности и нравственного убожества придворной жизни. Несомненно одно — в этих

рассуждениях героя Новикова слышен отзвук его собственных размышлений о выборе жизненного поприща, достойного человека и гражданина.

Выпустив в свет первую книгу, Новиков 6 ноября того же года обратился в Академическую типографию с просьбой напечатать 600 экз. двух повестей «Аристоноевы приключения, и Рождение людей Промифеевых», переведенных его давним приятелем М. И. Поповым[10]. Символично, что трагическая легенда о могучем титане, даровавшем людям свет знаний и жестоко наказанном за это богами, появилась в петербургских книжных лавках в тот день, когда Екатерина II подписала манифест о созыве Комиссии по составлению нового Уложения.

1767 г. был переломным этапом в жизни начинающего издателя. 31 июля в Москву со всех концов России съехались депутаты благородного и податных (кроме помещичьих крестьян) сословий, чтобы обсудить и принять новое Уложение — свод государственных законов, определяющих права и обязанности подданных русской короны. Со времен царя Алексея Михайловича страна не знала столь полномочного собрания народных представителей, и не удивительно, что споры, разгоревшиеся вокруг комиссии, оттеснили на задний план все остальные проблемы общественной жизни. Главным событием дня стал «Наказ» депутатам, собственноручно скомпилированный императрицей из сочинений западноевропейских просветителей.

Самый нелицеприятный биограф Екатерины II не может не воздать должное остроте ума этой незаурядной правительницы, гибкости проводимой ею политической линии. Казалось бы, императрица заранее приняла все меры для того, чтобы свести работу русских законодателей к пышным славословиям «матери отечества», однако она явно недооценила своих подданных. Среди депутатов Комиссии о сочинении нового Уложения оказалось немало истинных патриотов, людей с чуткой совестью и здравым умом. Их выступления, а также сотни наказов избирателей неопровержимо свидетельствовали о том, как много накопилось взрывчатого материала в русском обществе.

Первое время Екатерина II не придавала большого значения речам депутатов, ибо хорошо знала, что последнее слово останется за ней. Между тем заседания в Кремлевском дворце все дальше отклонялись от первоначального сценария, а его устроители, неведомо для себя, со-

вершали ошибку за ошибкой. Императрица распорядилась направить в Комиссию для ведения письменных дел наиболее способных и образованных молодых офицеров. Кандидатура Николая Новикова на первый взгляд вполне отвечала этим требованиям, и граф К. Г. Разумовский подписал 17 августа 1767 г. приказ о его новом назначении. Мог ли предвидеть командир Измайловского полка, какие, далеко идущие, последствия будет иметь служебная командировка молодого унтер-офицера. Новиков был вполне лоялен, прилежен, начитан... и, тем не менее, совершенно не подходил для роли слепого и безгласного орудия монаршей воли, которая отводилась «держателю дневной записки» (протоколисту) частной комиссии «о среднем роде людей». Полтора года службы в Комиссии открыли Новикову глаза на истинное положение дел в стране; здесь он прошел полный курс гражданского воспитания, утвердился в своих политических симпатиях и антипатиях, приобрел вкус к общественной деятельности.

Постепенно атмосфера в Комиссии накалилась до предела. Отголоски жарких споров о будущем России между представителями разных сословий начали проникать в широкую публику, сея смятение в умах. Такой поворот событий не устраивал Екатерину II, и она поспешила прекратить словопрения депутатов, распустив их в конце 1768 г. по домам. Начавшаяся война с Турцией пришлась как нельзя кстати. Звон оружия заглушил голоса недовольных. Однако не так-то просто было одним махом перечеркнуть широко разрекламированные проекты государственных реформ. Это могло иметь нежелательный для Екатерины политический резонанс за рубежом, да и внутри страны позиции дворянской фронды оставались еще достаточно сильными. Стремясь оградить себя от обвинений в деспотизме, она переложила ответственность за роспуск Комиссии на строптивых депутатов, не пожелавших с должным благоговением принять ее милостивые законы, как подобало разумным гражданам просвещенного государства. Поэтому в качестве единственно реальной перспективы социального развития России на ближайшие десятилетия провозглашался путь нравственных преобразований общества, просвещения умов и смягчения сердец. Поиски форм, в которых должна была проводиться очередная политическая кампания, напомнили Екатерине II о любимом ею в юности английском моралистическом журнале «Спектатор». «Легче лист

прочесть, нежели книгу, — рассуждала она. — Многие, книгу взяв в руки, уже зевают, а листочку навстречу с улыбкой бегут»[11]. Так появился на свет первый в России нравоучительно-сатирический еженедельник «Всякая всячина». Его вдохновителем и негласным редактором была императрица.

Объявив себя «бабушкой» нового поколения русских журналов, «Всякая всячина» выразила надежду, что у нее скоро заведутся многочисленные внуки. А пока, в ожидании потомства, открыла огонь из всех пушек... по бесплотным теням щеголей и нерях, скопидомов и мотов, ханжей и невежд. Читатели быстро разгадали уловки деспотичной императрицы. Больше всего на свете она боялась обсуждения серьезных общественных проблем. Однако вскоре у «Всякой всячины» родился дерзкий «внук», который не захотел играть в журналистику по правилам, предначертанным «бабушкой».

Горько было Николаю Новикову и его сверстникам расставаться с юношескими иллюзиями. Циничный указ Екатерины II о роспуске законодательной Комиссии не оставлял надежд на скорые перемены в общественной жизни России. Перспектива стать покорным исполнителем распоряжений свыше не привлекала Новикова. Военная служба представлялась ему «беспокойною и угнетающею человечество». Для «приказных» дел он был слишком принципиален и брезглив. Придворная должность «всех покойняе» — гласило общее мнение, однако чувство собственного достоинства не позволяло потомку старинного дворянского рода изощряться в «науке притворства» и «к большим боярам ездить на поклон». Поэтому при первом же удобном случае, зимой 1769 г. Новиков навсегда оставил государственную службу, решив безраздельно посвятить себя делу просвещения соотечественников.

Первые опыты издательской деятельности показали Новикову, насколько велика моральная ответственность перед обществом человека, взявшего на себя многотрудные обязанности посредника между сочинителями и читателями. Современных ему издателей-коммерсантов мало волновала этическая сторона их ремесла. Книга была для «парнасских щепетильников» (щепетильниками называли в то время мелких торговцев) таким же ходовым товаром, как «снурки, запонки и наперстки», и они легко приноравливались к любым вкусам покупателей. Большой фантазии для этого не требовалось. Не-

грамотный крестьянин, как и раньше, украшал свою избу лубочными портретами славных «лыцарей» Бовы и Еруслана, приказный любил на досуге от трудов полистать святцы, а скучающий от безделья дворянин часами мог колдовать над гербовниками и сонниками. Нет нужды доказывать, как мало способствовали эти образчики типографского искусства просвещению темных, невежественных умов. Не меньшую опасность для читателей представляли авантюрно-эротические романы, наводнившие русский книжный рынок. Ломка традиционных домостроевских норм общежития под влиянием скептических идей французского Просвещения была истолкована малообразованными дворянскими недорослями и их подругами в чисто нигилистическом духе, как крушение всех нравственных устоев. На потребу этим шаржированным копиям парижских петиметров издавались зло высмеянные Новиковым пикантные сочинения амурных дел мастеров «искушателевых», «обманов» и «соблазнителевых». Издания петровского времени зачастую были прагматичны и скучны, однако первые попытки расширить книжный репертуар носили явно сомнительный характер.

Новиков в вопросах издательской политики занял раз и навсегда принципиальную позицию, исключавшую любые компромиссы с совестью ради приобретения материальных выгод. Выпуская в свет осенью 1768 г. три тоненькие книжечки стихов своего сослуживца по секретарской работе в Комиссии, талантливого и самобытного поэта В. И. Майкова [12], он едва ли мог рассчитывать на прибыль от их продажи. «Черт меня дернул, — жаловался Новикову полгода спустя другой писатель-разночинец А. О. Аблесимов, — приняться за самое разорительное упражнение, а именно: за стихотворство. Я сочинил сказки в стихах и хотел их напечатать, но от меня за напечатание требовали денег прежде напечатания. Вам без сомнения известно, что люди моего промысла деньги почитают редкостию, а еще больше те, которые от стихов пропитание имеют... Я искал долгое время, кто бы у меня книжку мою купил, наконец, нашел книгопродавца; я пришел к нему с авторским подобострастием и просил его, чтобы он книжку мою купил и напечатал. Господин автор, сказал он мне, знаете ли вы, что платить деньги за напечатание стихов так же прибыльно, как и платить за папские индульгенции. Я опытами узнал, что стихами расторговаться никакой нет надежды» [13].

Бедственное положение российской Музы в те дни стало притчей во языцех. Читающая публика не желала замечать ее существования, и нужно было обладать незаурядной прозорливостью, чтобы пойти против течения. Новиков не испугался трудностей. Сознание огромной общественной значимости начатого им дела поддерживало издателя в часы сомнений, и он, невзирая на убытки, выпускал сочинения своих друзей и единомышленников, писателей-разночинцев М. И. Попова, В. И. Майкова, А. О. Аблесимова и И. А. Дмитревского. Заметим, что убытки были не так уж велики. Тираж в 60 экз. книжечки майковских стихов обошелся Новикову в 2 руб. 40 коп., 250 экз. «Сонетов» — в 3 руб. 24 коп. Такой расход был вполне по карману помещику средней руки, некоторая часть затрат несомненно возмещалась со временем, а о прибылях он пока еще и не думал.

Скептическое отношение читателей к трудам писателей-соотечественников далеко не всегда свидетельствовало об их космополитизме или невежестве. Даже самым ревностным патриотам наскучил традиционный репертуар русской словесности: панегирические стихи и доморощенные переделки чужеземных комедий. Стоило Новикову выступить в новом амплуа издателя остросатирического еженедельника, как к нему пришли слава и коммерческий успех. Выход первых номеров журнала «Трутень» вызвал в обществе огромный интерес Всех поразила злободневность и меткость обличительных зарисовок, независимость суждений и страстная публицистичность новиковского питомца. Казалось, что он подслушал то, о чем шептались в салонах и трактирах, сумел по тысяче мелких симптомов распознать признаки смертельной болезни. подтачивавшей русское общество.

Новиков был не только издателем журнала, но и самым активным его автором. Уроки, преподанные ему депутатами комиссии «о среднем роде людей», не прошли даром. С каждым днем он все больше убеждался в неизбежности острого социального конфликта между «благородным» сословием и угнетенными массами. Бить тревогу — вот что было, по его мнению, в то время высшим гражданским долгом. 25-летний журналист оказался прозорливее и дальновиднее убеленных сединами государственных мужей. «Они работают, а вы их хлеб ядите». Избрав эти строки из притчи Сумарокова эпиграфом к «Трутню», Новиков прямо и открыто заявил читателям о своих политических симпатиях и антипати-

ях. Не индивидуальные человеческие слабости и пороки, а самые отвратительные язвы современного русского общества — произвол крепостников, лихоимство чиновников, космополитизм дворянских трутней — стали мишенью для стрел новиковской сатиры.

«Безрассуд болен мнением, — сообщал „Трутень", — что крестьяне не суть человеки... Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание, за тем что насилу могут платить господские поборы... Всевышний благословляет их труды и награждает, а Безрассуд их обирает». Рачительный хозяин 400 крепостных душ, Новиков не собирался добровольно расставаться со своими доходами и привилегиями. Его политическая программа была весьма умеренной. В то же время он хорошо понимал, что любому терпению угнетенных есть предел. Гневно осуждая беззаконие и произвол царских чиновников, он видел в них главных виновников народных возмущений. Жестокость и безнравственность дворянских трутней таили в себе, по его мнению, смертельную угрозу благополучию и самому существованию всего благородного сословия. И не только абстрактный гуманизм, но и элементарный здравый смысл подсказывал Новикову единственно реальное в тех условиях средство, способное хотя бы на время предотвратить острый социальный конфликт: дворянам лучше поступиться своими безрассудными прихотями, чем потерять все. «Ты сам ведаешь, — предупреждал он жестокосердного помещика устами нищего бобыля Филатки, — что твоя милость без нашей братьи крестьян никуда не годишься».

Казалось бы, Новиков выступил в «Трутне» союзником и даже последователем Екатерины II. Законность, гуманность и умеренность — эти основополагающие принципы государственного правления были торжественно провозглашены императрицей в «Наказе» Комиссии о сочинении нового Уложения. Провозглашены... и прочно забыты! «Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, — язвительно вопрошал спустя несколько лет императрицу Д. И. Фонвизин, — потом же оставляются, а нередко и совсем забываются» [14]. Ответа он так и не получил. Новикову же вместо ободрения и поддержки дали понять, что он не в свои сани садится, дерзко поучая уму-разуму «больших бояр». Екатерина

была не на шутку разгневана. История с Комиссией повторялась, и ее остроумный отвлекающий маневр грозил закончиться очередным политическим скандалом. Начальственные окрики «Всякой всячины» трудно даже назвать литературной полемикой. Первое время редактор «Трутня» пытался их не замечать или высмеивать. «Госпожа Всякая всячина, — сообщал он читателям, — написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то-есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное, а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, итак их всех ей уничтожить не можно» [15].

Новиков не преувеличивал популярности своего журнала. Разночинная читательская аудитория его горячо встретила. А. О. Аблесимов сообщал издателю «Трутня», что его еженедельник «покупают ныне больше всех», и искал с ним дружбы [16]; старший «брат» новиковского питомца — журнал «Смесь» — от имени всех «истинных сынов отечества» выражал свою симпатию и поддержку этому отважному «другу человечества» [17]. Относительно скромный тираж первых 12 номеров «Трутня» (626 экз.) разошелся почти мгновенно. С конца июля 1769 г., всего лишь три месяца спустя после появления на свет, тираж журнала вырос вдвое (до 1240 экз.), и издателю пришлось срочно делать заказ на допечатку первых листов. В то же время читатели ясно и недвусмысленно отказали в признании «Всякой всячине». Ее тираж за год сократился в три раза: с 1500 до 500 экз. [18]

Журнал Новикова не залеживался в книжных лавках несмотря на то, что издатель назначил за него довольно высокую цену, в пять раз превышающую его себестоимость: по 4 коп. за недельный выпуск на серой «календарной» бумаге [19] и по 1 руб. 40 коп. за годовой комплект на белой — «любской», уступив подписчикам только 4 коп. с общей стоимости 36-ти листов. В 1770 г. подписная цена на «Трутень» была увеличена до 2 руб., а через два года книготорговец К. В. Миллер требовал с покупателей уже 8 руб. за два годовых комплекта. Успеху журнала в немалой степени способствовали многосторонние связи Новикова с Москвой и провинцией. Характерно, что в Москве отдельные выпуски и комплекты

«Трутня» продавались по петербургской цене не только в солидных книжных лавках Университета и переплетчика Ридигера, но и на Спасском мосту у торговцев популярной в народе лубочной книгой Я. Добрынина, Г. Ильина, Г. Петрова. Всего, по подсчетам В. П. Семенникова, первый же год издания «Трутня» принес Новикову невиданный в то время доход — более 1000 руб. Наиболее острые и злободневные материалы новиковского журнала (из II, VI, IX и других листов) вошли составной частью в традиционные рукописные сборники народной сатиры[20]. Их читали и переписывали друг у друга купцы и мещане, мастеровые и грамотные крестьяне во всех уголках России, читали... и делали выводы, нередко гораздо более радикальные, чем того хотелось самому Новикову.

Это не могло остаться безнаказанным. Екатерина II всегда страшилась гласности и решительно пресекала любые попытки своих подданных вмешиваться в дела государственного правления. Выход в свет шестого листа «Трутня» с сатирическим объявлением о наборе любовников для «престарелой кокетки» был воспринят императрицей как личное оскорбление. 4 июля 1769 г. граф В. Г. Орлов категорически запретил выпускать из Академической типографии какие-либо издания в продажу и сообщать о них в газетах прежде, чем «оные поднесены будут императрице». Пять дней спустя последовало новое предписание о доставке во дворец со специальным курьером свежеотпечатанных номеров «Всякой всячины» и «Трутня»[21], а 22 июля Екатерина «изустно» повелела «иметь за издаваемыми листами самое строгое наблюдение»[22].

В первые годы екатерининского царствования академические цензоры (большей частью люди просвещенные и свободомыслящие) относились к своим обязанностям не слишком добросовестно. С появлением сатирических журналов положение резко изменилось. В условиях, когда любой промах могли приравнять к государственному преступлению, цензор «Трутня» — академик С. К. Котельников утроил свою бдительность.

Цензурные препоны серьезно осложнили работу издателя. Выход в свет первых номеров его журнала за 1770 г. задержался на месяц[23], и Новикову волей-неволей пришлось сбавить тон. Читатели быстро заметили эту перемену. «Что тебе сделалося? — горестно вопрошали они редактора «Трутня». — Ты совсем стал не тот... Твой книгопродавец сказывал, что нынешнего года

листов не покупают и в десятую долю против прежнего»[24]. Новиков и сам хорошо понимал, что журнал теряет былую популярность, однако не в его силах было что-либо изменить. Он счел за благо «против желания» своего «разлучиться» с читателями.

«Трутень» прекратил свое существование, однако самолюбие императрицы было жестко уязвлено. Торжество грубой силы не могло изгладить в умах читателей воспоминания о позорном поражении «Всякой всячины» в открытом бою со своим литературным соперником. Понимала это и Екатерина, которой оставалось только делать вид, что она игнорирует дерзкие выходки «зеленого» юнца. Пройдет время — он остепенится!..

На первый взгляд может показаться, что Новиков в 1770-е гг. и вправду присмирел. Наученный горьким опытом, молодой журналист избегал открытых столкновений с императрицей и даже сумел на какое-то время заручиться ее сочувствием и поддержкой в осуществлении своих просветительных замыслов. Все это так, однако новые сатирические журналы Новикова «Пустомеля» и «Живописец» наглядно свидетельствовали о том, что их издатель не сложил оружия в борьбе за умы и сердца сограждан. Укрывшись за ширмой восторженных панегириков Екатерине II и ее фаворитам, он изобразил меткой и смелой кистью чудовищный паноптикум вершителей судеб русского народа, старых знакомых читателей «Трутня» — «криводушных» и «безрассудов». В третьем издании «Живописца» (1775) верноподданический камуфляж был отброшен. По существовавшему в России законодательству, переиздания не проходили через цензуру, и Новиков, воспользовавшись этим, заменил рептильные оды наиболее острыми, не потерявшими злободневности статьями из «Трутня». Читатели по достоинству оценили его труды. Литературный и коммерческий успех Новикова-сатирика — явление беспрецедентное в истории русского книжного дела XVIII столетия[25]. Деньги и слава пришли к вчера еще безвестному поручику.

Жизнь подтвердила самые пессимистические прогнозы Новикова. Кровью и слезами заплатило русское дворянство в дни пугачевского восстания за свою недальновидность. Молодой журналист был глубоко потрясен жестокостью восставших и их палачей. Только теперь Новиков по-настоящему осознал, как труден и непроторен избранный им жизненный путь, как много нужно

сил и терпения для борьбы с насилием и невежеством, с освященными традицией предрассудками.

В поисках позитивной программы общественных преобразований, способной увлечь соотечественников, он обратился к русской истории. Может быть там, в давно позабытых временах, действительно затерялся «золотой век», о возвращении к которому мечтал вождь консервативной дворянской фронды князь М. М. Щербатов. И Новиков со всей присущей ему энергией погрузился в изучение старинных хартий и манускриптов.

Патриотический порыв издателя оказался как нельзя более своевременным. Выход России на мировую арену в середине XVIII в. активно способствовал росту национального самосознания наших предков. С ревнивым вниманием следили русские читатели за каждой публикацией в западноевропейской печати, посвященной их стране. Приобщение новой великой державы к семье просвещенных, «политических» народов было встречено с одобрением многими государственными деятелями, учеными и литераторами Запада. Снисходительно-пренебрежительное отношение к «варварам-московитам» сменялось чувством удивления успехами России, верой в ее большие потенциальные возможности.

Далеко не все за рубежами России разделяли эту точку зрения. В середине 1768 г. в Париже появилось сенсационное сочинение известного французского астронома Ж. Шаппа д'Отероша «Путешествие в Сибирь». Острому глазу ученого аббата открывались во всей своей наготе картины жизни непонятной и не слишком привлекательной для просвещенного европейца. Однако язвительные замечания о «благоденствии» крепостных под игом непосильной работы и прозрачные намеки на эфемерность екатерининских реформ нередко перерастали в грубые нападки на русский народ, на русскую культуру. Столь безапелляционный приговор одному из величайших народов мира вызвал справедливое негодование у многих друзей России. Не могли, естественно, смолчать и оскорбленные Шаппом русские. Один за другим в полемику с высокомерным путешественником и его единомышленниками вступили анонимный сочинитель первого биобиблиографического словаря русских писателей[26], Екатерина II, издавшая в 1770 г. критический очерк о книге Шаппа с многозначительным названием «Antidote» («Противоядие»), редактор первого библиографического журнала в России «Russische Bibliothek»

(1772—1789), петербургский ученый Г. Л. Х. Бакмейстер и вслед за ними Н. И. Новиков.

30 марта 1772 г. переплетчики И. Х. Белке и К. В. Миллер известили читателей «Санктпетербургских ведомостей» о поступлении в продажу «Опыта исторического словаря о российских писателях», собранного «из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий» Николаем Новиковым. Его издатель проделал огромную работу, выявляя и сводя воедино сведения о 317-ти русских писателях и ученых. Новиков горячо поддержал сочинительницу «Antidote» в ее стремлении доказать всему миру, что русская культура имеет многовековую историю[27]. Он воскресил имена первых просветителей Руси Нестора и Макария, воздал должное «славным творениям» Кантемира, Ломоносова, Тредиаковского и их предтеч Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича, напомнил читателям о заслугах перед отечественной словесностью своих учителей — Сумарокова и Хераскова. Однако в оценке современных литературных течений позиции Екатерины II и издателя «Опыта» оказались диаметрально противоположными. Симпатии Новикова, естественно, были на стороне молодых писателей демократического лагеря, близких ему по образу мыслей и пониманию задач литературы — Д. И. Фонвизина, Ф. А. Эмина, В. И. Майкова и М. И. Попова, а в характеристиках придворных одописцев явно давало себя знать меткое и безжалостное перо редактора «Трутня».

Союз против общего врага приглушил, но не устранил разногласий между Екатериной II и Новиковым. Правда, до поры до времени императрица предпочитала не замечать его дерзких выпадов. Уже во время работы над словарем она открыла перед ним двери Эрмитажной библиотеки и других государственных древлехранилищ. Горячее одобрение двора встретило новое антишапповское сочинение, изданное Новиковым, — трактат реакционного парижского литератора Ф. Шампьона де Понталье «Французская нынешнего времени философия».

Перевод и издание этой книги едва ли делал честь человеку, употребившему на нее свое время и деньги. Новиков явно не понял или не захотел понять истинного смысла философии Шампьона. Выступая в защиту патриотизма и патриотов, парижский литератор гневно клеймил безродных космополитов, атеистов «по моде» и невежд, рядящихся в тогу философов. Именно эти мыс-

ли нашли отклик у русских читателей, тем более что в умозрительном портрете наглого лже-философа они несомненно видели черты ненавистного Шаппа. Однако основной мишенью демагога-клерикала были не столько уродливые наросты на древе просвещения, сколько живительные идеи вольности, терпимости к инакомыслящим.

Было бы неверно рассматривать книгоиздательскую деятельность Новикова в 1770-е гг. только как полемику с домыслами Шаппа. Посвятив свой последний сатирический журнал «Кошелек» (1774) осмеянию патологической галломании дворянских «недоумов», он выступил за развитие культурных и деловых связей между просвещенными народами. И все-таки вопросы национального престижа оставались для него острыми и злободневными. Не случайно, издавая уникальное описание водных путей Московского государства, составленное русскими топографами в начале XVII в., — «Книгу Большому чертежу» — Новиков считал своей важнейшей задачей «обличение несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, окроме церковных, да и того будто только служебных» [28].

Именно эти соображения и побудили просветителя-патриота разработать программу публикации ценнейших памятников истории, культуры и быта Древней Руси. Так появились 10 томов «Древней российской вивлиофики» (1773—1775), «Повествователь древностей российских» (1776 г.), «Древняя российская идрография» (1773), «Скифская история» царского стольника Андрея Лызлова (1776) и «История о невинном заточении ближнего боярина А. С. Матвеева» (1776). Стремясь расширить круг печатных источников по русской истории, Новиков издал монографии крупнейших отечественных историографов Г. Ф. Миллера «О народах, издревле в России обитавших» (1773) и М. М. Щербатова «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» (1774).

«Ученая республика» одобрила и поддержала новиковские планы. На призыв издателя к «благосклонным читателям... учинить вспоможение» в его трудах откликнулись сотрудники Московского архива Коллегии иностранных дел Г. Ф. Миллер и Н. Н. Бантыш-Каменский, библиотекарь Академии наук И. Ф. Бакмейстер, поэт-царедворец П. С. Потемкин, оберпрокурор Сената Н. И. Неплюев, князь С. Д. Кантемир и квартирмейстер

Измайловского полка В. П. Ознобишин. Их находки, а также десятки старинных рукописей и документов из Эрмитажной библиотеки, Патриаршей ризницы, древлехранилищ Успенского собора в Москве и Киево-Печерской лавры были скопированы в мастерской новиковского комиссионера-переплетчика К. В. Миллера. Немало книжных редкостей удалось собрать в эти годы и самому Новикову [29]. Археограф-самоучка, не получивший никакого специального образования, он быстро овладел навыками научно-публикаторской работы. Свидетельством тому может служить тот факт, что для критического издания «Книги Большому чертежу» им были привлечены шесть списков этого памятника: основной, принадлежавший известному библиофилу и меценату, фабриканту-миллионеру П. К. Хлебникову, и пять (из Библиотеки Академии наук, собрания А. Г. Сабакина и Патриаршей ризницы) — для выявления вариантов и разночтений. «Ученым человеком, оказавшим великую услугу нашей истории», назвал Новикова скупой на похвалы рецензент «Повествователя древностей российских», ученик Щербатова Г. Л. Брайко [30]. Это мнение закрепилось на века. Однако Новиков всегда был скорее просветителем и популяризатором, чем ученым в прямом смысле слова. Изданные им исторические памятники он адресовал не узкому кругу специалистов, а широкой читательской аудитории, видя в них могучее оружие против «молодых кощунов, ненавидящих свое отечество» [31].

Фанатически убежденный в огромном просветительном значении печатного слова, Новиков непрестанно искал все новые формы и методы издательской деятельности, расширял репертуар выпускаемых его иждивением книг. «Книгопечатание, — писал один из анонимных корреспондентов „Живописца“, — сближая века и земли, доставляя всем сведение о изобретенном и происшедшем, есть наивеличайшее изо всех изобретений, разуму человеческому подлежащих. Что может более, коли не печатание книг, расплодить единую истину, в забвении бы быть без оного определенную, и родить, так сказать, столько же прямо мыслящих голов, как сам изобретатель той истины, сколько есть читателей. Печатание соблюдает наилучшим образом все истины, доставляет наибольшему количеству народа об оных сведение, чрез то очищает общество от заблуждений...» [32].

Интересно, что эта апология книгопечатания появилась в новиковском журнале как раз в тот момент, когда

его издатель задумал вступить в деловое сотрудничество с «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг» — просветительно-филантропическим обществом, учрежденным Екатериной II в октябре 1768 г. «Собрание» несомненно сыграло свою роль в истории русской культуры. Более 100 неимущих петербургских литераторов и ученых получили, по словам Новикова, «чрез сие честное и довольное приумножение своих доходов» и тем самым поощрены были «ко прилеплению к наукам» [33]. Однако основная просветительная задача «Собрания» — издание библиотеки классиков всемирной литературы в русских переводах и фундаментальных трудов по истории, географии и естественнонаучным дисциплинам — решалась чрезвычайно медленно. Как и все начинания Екатерины, «Собрание» было задумано с размахом и широко разрекламировано. Императрица распорядилась ежегодно отпускать из государственной казны 5 тыс. руб. «на российские переводы хороших иноязычных книг», завела в Академической типографии четыре новых печатных станка со штатом рабочих специально для нужд «Собрания», собственноручно «апробовала» план-проспект намеченных к переводу сочинений. Шли годы. Новые заботы, проекты и интриги занимали ум Екатерины, и она охладела к своему «детищу». Издания «Собрания» раскупались плохо, а нерегулярно поступавших из «Кабинета ее императорского величества» средств едва хватало на оплату труда переводчиков. В этих условиях предложение Новикова взять на себя расходы и хлопоты по изданию скопившихся в «портфелях» «Собрания» рукописей пришлось как нельзя кстати.

Уже первый опыт посредничества между «Собранием» и Академической типографией наглядно показал Новикову, сколь тяжек груз, который он добровольно взвалил на свои плечи. Чуть ли не все его сбережения — около 400 руб. — ушли на печатание двух частей «ироической поэмы» Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» в переводе М. И. Попова (1772), а скорых доходов от их продажи явно не предвиделось. У многих на месте Новикова в такой ситуации опустились бы руки. Однако предприимчивый ум и тут подсказал ему спасительный выход. Фурьеру Измайловского полка не раз приходилось наблюдать, как при заключении крупного подряда несколько купцов объединяли свои капиталы, заранее условившись распределять будущие прибыли в зависимости от внесенного в общую казну «пая». Что мешало кни-

гоиздателям последовать их примеру? Так родился проект первого в России кооперативного издательства — «Общества, старающегося о напечатании книг».

За три года своего существования (1773—1775) новиковское Общество финансировало издание 24 переводных и двух оригинальных сочинений (около 25% всех изданий «Собрания»). Репертуар этих книг на первый взгляд представляется весьма пестрым и бессистемным. Прозаический перевод «Илиады» Гомера соседствовал с рассказами аббата Ла Шапеля о средневековых фокусниках, «Записки» Юлия Цезаря — с наставлением о правилах поведения офицера, принадлежавшим перу флигель-адъютанта прусского короля Фридриха II, фундаментальное «Описание Китайской империи» Дю Гальда — с тоненькой брошюркой о торжествах по случаю бракосочетания цесаревича Павла Петровича. И все-таки во внешне хаотическом смешении заглавий и имен явственно намечались основные направления, характерные для всей издательской деятельности Новикова.

Повышенный интерес завзятого театрала к одному из самых массовых и общественно значимых видов искусства проявился в его постоянном стремлении пополнять и обогащать репертуар российской Мельпомены. Не случайно первое место среди изданий Общества занимали театральные сочинения: трагедии Корнеля «Сид», «Смерть Помпеева» и «Цинна» в переводах Я. Б. Княжнина (1775), «Беверлей» Сорена (1773), поразивший воображение Радищева, и «Борислав» Хераскова (1774), творения великого итальянского комедиографа Гольдони и язвительная сатира на ханжей немецкого драматурга-моралиста Геллерта «Богомолка» (1774).

Удивительно, как много оказалось общих врагов у издателя «Живописца» и великого английского сатирика Джонатана Свифта, двух незнакомых людей, разделенных пространством и временем. Пусть новиковские «безрассуды» и «недоумы» и свифтовские «лилипуты» и «йеху» носили разные маски, все они были порождением одних и тех же темных сил — невежества, насилия, антигуманизма. Можно ли сомневаться в том, что Новиков с особой радостью встретил выход в свет первых двух частей «Путешествий Гулливеровых» на русском языке и охотно помог их переводчику, купцу-вольнодумцу Е. Н. Каржавину довести до конца начатое дело, напечатав в 1773 г. заключительный том «записок» славного мореплавателя из Бристоля [34].

Вымышленные сатирические «путешествия» всегда были надежным средством борьбы с национальной ограниченностью, духовной косностью и сословными предрассудками. Вырывая читателя из привычной колеи обыденной действительности, они помогли ему осознать истинные масштабы и пропорции окружающего мира. С высоты птичьего полета жалкими и ничтожными представлялись величественные кумиры, тысячекратно увеличенная под стеклом микроскопа монолитная стена выглядела грудой плохо сцементированных обломков. Однако эффект отстраненности успешно достигается не только умозрительным, но и вполне реальным перемещением наблюдателя в пространстве. «Путешествие есть училище, в котором познается различность жизней, — писал переводчик многотомного землеописания Ж. де Ла Порта Я. И. Булгаков. — Всякая земля, в которой наслаждаются добрым правлением, приводящим жителей в состояние предпринимать путешествия, имеет великое преимущество пред тою, где сия часть воспитания пренебрегается... Путешествия отворяют разум, возвышают его, обогащают и исцеляют от предрассуждений, в отечестве вкоренившихся» [35]. Новиков издал целую библиотечку книг, посвященных достопамятным уголкам нашей планеты, обычаям и нравам ее обитателей. Первыми ласточками в географической серии новиковского издательства стали «Путешествия чрез Россию в разные азиатские земли» Джона Белла (1776) и три тома упоминавшегося выше «Всемирного путешествователя» аббата де Ла Порта в переводе Булгакова (1778—1779). Вооруженные моральным компасом Гулливера, эти путешественники-философы умели разглядеть за внешним фасадом явлений их внутреннюю сущность, за частным — общее, за случайным — закономерное.

Путешествие в пространстве нередко превращалось в путешествие по времени. Здесь, за далью веков, лежало таинственное царство античных мудрецов и героев — своеобразный нравственный и эстетический эталон гармоничного общества, на который равнялись современники Новикова. Уже с конца XVII в. духовное наследие Эллады и Рима стало одним из важнейших факторов русской культуры. Воспитанные на классических образцах, организаторы «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» отводили особое место в своих планах изданию и пропаганде сочинений великих мужей древности. Новиков всецело одобрял и поддерживал их за-

мыслы. Античный мир представлялся ему золотым веком разума и справедливости, реальной антитезой современного общества, поправшего и извратившего естественные законы человеческого бытия. Поэтому вполне закономерно, что выбор издателя пал на книгу известного немецкого философа-гуманиста И. Г. Зульцера «О полезном с юношеством чтении древних классических писателей», переведенную на русский язык питомцем Геттингенского университета Д. Е. Семеновым-Рудневым (будущим епископом Дамаскиным). «Весь их (древних) жития образец, — писал Зульцер, — был свободен, непринужден и от естественного состояния меньше отдален, нежели наш»[36]. Падение республиканских режимов привело, по его мнению, к общему кризису античной культуры, к повреждению нравов.

Эта мысль, вскользь оброненная Зульцером, легла в основу фундаментального политико-философского трактата одного из первых идеологов утопического социализма аббата Мабли «Размышления о греческой истории». 24-летний обер-аудитор Финляндского полка, в недавнем прошлом лейпцигский студент Александр Радищев не только перевел Мабли, но и усилил радикальное звучание книги прелата-вольнодумца. Меткий и лаконичный выпад Мабли против самодержавной формы правления, «отъемлющей у души все ее пружины», дал переводчику удобный повод высказать собственное суждение по этому вопросу. «Самодержавство, — пояснял он в подстрочном примечании, — есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние... Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое дает ему закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества»[37]. Наивным было бы полагать, что Новиков, издавая в 1773 г. своим иждивением трактат Мабли, не обратил внимания на особое направление мыслей его переводчика. Скорее, как нам представляется, издатель разделял мысли оппозиционно настроенной молодежи.

Издание переводных сочинений западноевропейских просветителей открывало перед Новиковым и его единомышленниками поистине неограниченные возможности для продолжения борьбы за свои идеалы, начатой в период издания сатирических журналов. Дело в том, что первые два десятилетия после восшествия на русский престол Екатерина II придерживалась достаточно осторожной и гибкой литературной политики. Традиционно

огражденными от любых форм критики, как и при ее предшественниках, оставались три темы: вера (ортодоксальная православная), отечество (политический строй России) и личность монарха (ныне царствующего). Правда, и эти ограничения позволяли гонителям вольномыслия истолковывать их весьма расширительно. В разряд «сумнительных» книг с благословения Синода попадали не только творения старообрядческих начетчиков, но и трактат главы немецкой школы богословов-пиетистов Иоанна Арндта «Об истинном христианстве», напечатанный на церковнославянском языке в 1753 г. в г. Галле, русские переводы сочинений Фонтенеля и Попа, натурфилософические статьи в «Ежемесячных сочинениях». Ревностная защита самодержавным правительством «чести и достоинства» русского народа сводилась к искусной лакировке «смутных» эпох отечественной истории и темных сторон современной действительности. Плохо приходилось и тем, кто по неосторожности или по злому умыслу наступал на «больные мозоли» августейших персон: будь то распространитель «продерзостных» слухов об амурных похождениях императрицы, пасквилянт Эмин, заключенный в мае 1765 г. на две недели в Петропавловскую крепость как автор крамольных «цыдулек», или редактор «Трутня» Новиков. И все-таки Екатерина II, негласно пресекая все выпады против российских государственных установлений и своей особы, не торопилась распространять цензурные ограничения на фундаментальные труды по философии, истории и политике. Она была слишком заинтересована в тот период создать себе репутацию «просвещенной» монархини в глазах европейского и русского общества и ради этого сознательно шла на определенный риск. Собственно говоря, императрица не так уж и рисковала, смотря сквозь пальцы на издание сочинений, подобных «Размышлениям о греческой истории» Мабли. Круг русских читателей, способных взять на вооружение рассуждения аббата-вольнодумца и его переводчика, был в 1770-е гг. еще чрезвычайно узок, а потому их пропагандистский эффект оказывался минимальным.

К сожалению, наши сведения о компаньонах Новикова по «Обществу, старающемуся о напечатании книг» чрезвычайно скудны. Денежный «пай» в кассу Общества внесли, по-видимому, только известный заводчик-меценат П. К. Хлебников, Новиков и его комиссионер — владелец одной из крупнейших в Петербурге книжных

лавок (на Луговой Миллионной улице) и опытный издатель — К. В. Миллер[38]. Вкладом остальных «акционеров»-переводчиков могли быть рукописи, принятые с условием выплаты им гонорара лишь после реализации всего или части тиража отпечатанных иждивением Общества книг. Среди переводчиков преобладали старые новиковские друзья и сотрудники — М. И. Попов, И. А. Дмитревский и М. А. Матинский — и наиболее яркие фигуры «левого» крыла «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» — Е. Н. Каржавин, Я. Б. Княжнин, А. Н. Радищев и Д. Е. Семенов-Руднев. Дальнейшие архивные разыскания, возможно, помогут уточнить имена тех, кто по призыву неутомимого просветителя соединили капиталы и умы в «согласии и трудах» (как гласил девиз на издательской марке Общества). Несомненно одно — решающий голос в их собрании принадлежал Новикову.

Традиционное представление о Новикове как человеке «одной идеи» разбивается, когда на стол исследователя ложатся рядом две книги, выпущенные им в свет почти одновременно, — «Французская нынешнего времени философия» Шампьона де Понталье (1722) и «Размышления о греческой истории» Мабли с примечаниями Радищева (1773). Вся предыдущая и последующая деятельность крупнейшего русского просветителя XVIII в. наглядно подтверждала, насколько чужд и враждебен был ему абскурантизм Шампьона. Не менее трудно заподозрить в Новикове скрытого Брута — грозу тиранов. «Я всегда всякими изменами, бунтами, возмущениями гнушался и без внутреннего содрогания и отвращения не мог ни слышать о них, ни читать», — заявил он на допросе Шешковскому[39]. Политический максимализм любых оттенков не привлекал поборника мирных, гуманных методов общественного переустройства. Отсюда вытекало его чисто «функциональное» отношение к книгам Шампьона и Мабли. Первая из них представляла интерес для Новикова только как мощное оружие против клеветников России, вторая — приоткрывала таинственную завесу над «утраченным раем», указывала путь к жизни, достойной человека. Именно здесь лежат истоки того устойчивого интереса к сочинениям Руссо и его последователей, который характерен для всей его издательской деятельности.

Глава 2
УТРЕННИЙ СВЕТ

На пороге интеллектуальной зрелости к Новикову пришла пора духовных исканий, неизбежная в жизни каждого мыслящего человека, время смятенных мыслей и чувств, мучительной переоценки ценностей. Негативная критика общественных пороков уже не удовлетворяла его. Новиков пытался найти у других или открыть самостоятельно спасительную панацею от социальных недугов, снедавших Россию. Вера в силу положительного знания и мечты о возрождении евангельской чистоты христианства, ненависть к деспотизму и неприятие насильственных методов борьбы с насилием, жажда активной деятельности и отвращение к государственной службе боролись в его сознании. «Находясь на распутии между вольтерьянством и религией, — вспоминал Новиков, — я не имел точки опоры или краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие» [1].

Душевный разлад усугублялся у Новикова серьезными материальными трудностями. Судьба первых же книг, напечатанных собственным иждивением, наглядно показала, насколько ненадежно и убыточно ремесло издателя.

Более полувека светская книга, выполнявшая в России функции одного из самых мощных рычагов политики просвещенного абсолютизма, была практически выведена из сферы рыночных отношений. Время показало, что правительственные дотации не могут оставаться единственной материальной базой успешного развития отечественного книгопечатания. Преемникам Петра I расходы на просвещение представлялись достаточно обременительными для государственной казны, и они неоднократно пытались перестроить деятельность крупнейшей в стране Академической типографии на чисто коммерческой основе. И все-таки первенцы русской гражданской печати расходились плохо. «Причина тому, — жаловался начальству комиссар (директор) единственной в России до 1760 г. академической книжной лавки, — что положено оные книги продавать дорогими ценами, почему весьма иных мало, а других и совсем не покупают». Лавка всегда пустовала. Создание ее московского филиала существенно не отразилось на сбыте академических изданий, так как емкость книжного рынка старой и новой столиц была сравнительно невелика. Тщетными оказались и все по-

пытки правительства наладить продажу книг по умеренным ценам в провинции силами местной администрации. Малообразованные чиновники не видели для себя никакой выгоды в этом обременительном, непривычном занятии.

Мало охотников брать на комиссию русские книги находилось и среди купечества. Не только цена, но и содержание многих академических и университетских изданий отпугивали купцов. Объемистое сочинение по древней истории, философский трактат и многотомное землеописание было гораздо сложнее продать, чем яркую лубочную картинку или фривольный роман, выписанный из Парижа. «Что касается подлинных наших книг, — горько сетовал издатель „Живописца", — то они никогда не были в моде и совсем не расходятся, да и кому их покупать? Просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невежам и совсем не годятся... Какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся?» [2].

Действительно, придворная аристократия и столичное дворянство почти не читали русских книг. Подлаживаясь к вкусам состоятельных покупателей, владельцы первых частных книжных лавок в Петербурге и Москве торговали главным образом иностранными книгами. Простолюдины-книголюбы редко заглядывали в эти лавки. В Москве, как и 100 лет назад, основным источником для пополнения их библиотек был шумный торжок у Спасских ворот, в Петербурге — темные, сырые каморки Гостиного двора. Атмосферу, царившую на этих убогих «ярмарках» российских муз, прекрасно передает рассказ одного из забытых петербургских литераторов конца XVIII в. «За весьма немного пред сим лет, — писал он другу, — торговать книгами у купечествующих не почиталось торгом. Если ими и перебивались некоторые частные лица, то без всякой коммерческой дальновидности, и где же? Стыдно сказать, в толкучем, вместе с железными обломками, наряду с подовыми, на рогожках или на тех самых ларях, в ком на день цепных собак запирали, так что и подойти бывало страшно. Да какие же и книги были? Коли не сплошь, то большею частью, розница — иноземщина — старь — запачканные — ну, сущий дрязг, — иная без начала, другая без конца, третья и без того и другого, у четвертой брюхо как ножом выпорото, словом, всякая всячина, лишь бы лавочнику попалась

посходнее, коли ни на то, так на другое. И господа купечествующие, имея в виду какой-нибудь главный промысел, на продажу книг глядели сквозь пальцы. Не говоря уже о другом: блинами, кислыми щами и другими сим подобными мелочами торговать они считали для себя выгоднее, нежели сею душевною пищею»[3].

В первые годы издательской деятельности Новикова едва ли всерьез занимали эти вопросы. Одновременно с литературным к нему пришел и коммерческий успех. Острые, злободневные листки «Трутня» находили дорогу к читателям практически без каких-либо усилий со стороны их редактора. Однако, когда он, воодушевленный первым успехом, выпустил на русский книжный рынок сочинения Цезаря и Мабли, многотомные памятники русской истории, культуры и быта, для него началась полоса неудач. Знаменитый «Опыт исторического словаря о российских писателях» не принес его автору ожидаемых доходов. Весной 1772 г. Новиков выкупил у Академической типографии (уплатив 150 из 198 р. 69 к.) только $^{3}/_{4}$ тиража словаря; остальные 139 экз. 12 лет пылились в казенных складах, пока он не сумел погасить старую задолженность[4]. Современники по достоинству оценили патриотический порыв и редкостную осведомленность первого проводника по Российскому Парнасу. Не случайно во многих рукописных сборниках 1770-х гг., принадлежавших людям разного социального и интеллектуального уровня, встречаются выписки из «Опыта»[5]. И все-таки высокая цена (1 р. 50 к.)[6] и специфически ученый характер новиковского словаря значительно сузили круг его покупателей.

Еще хуже расходились издания «Общества, старающегося о напечатании книг». Это представлялось Новикову тем более непонятным, что, как ему казалось тогда, он основательно продумал все меры, долженствовавшие обеспечить рентабельность нового предприятия. «Торговля книгами, — писал Новиков в программной статье „Живописца", — по существу своему весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие и большее бы прилагалось старание о распространении оныя в нашем отечестве, нежели как было доныне... Не довольно сего, чтобы только печатать книги, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг. Петербург и Москва имеют способы покупать книги, заводить книгохранительницы и употреблять их во свою пользу, лишь только была бы у покупающих охота. Но... петербургские и москов-

ские жители много имеют увеселений... следовательно, весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг, а сверх того и просвещение наше, или так сказать, слепое пристрастие ко французским книгам не позволяет покупать российских. В российской типографии напечатанное редко молодыми нашими господчиками приемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга чрез трои или четверо руки дойдет, например, в Малую Россию, всякий накладывает неумеренный барыш для того, что производит сию торговлю весьма малым числом денег. Итак, продающаяся в Петербурге книга по рублю приходит туда почти всегда в три рубля, а иногда и больше. Чрез сие охотники покупать книги уменьшаются, книг расходится меньше, а печатающие оные, вместо награждения за свои труды, часто терпят убыток. Вот цель, куда должно стремиться намерение сего Общества, и, если Общество сие будет в состоянии привести торговлю книжную в цветущее состояние, то, по-справедливости, заслужит похвалу»[7].

Трудно не согласиться с разумными доводами в пользу развития провинциальной книжной торговли, которая к тому же мыслилась Новиковым как дело частной инициативы, свободной от государственной регламентации («... о распространении сей торговли не государю, но частным людям помышлять должно»). И все-таки Новиков, подобно своим предшественникам, заблуждался, полагая, что увеличение числа магазинов само по себе может обеспечить устойчивый спрос на высоконаучные и высокохудожественные отечественные книги в разных слоях русского общества. Несмотря на первые неудачи, Академия наук и Московский университет не оставляли попыток найти на местах, заслуживающих доверия, энергичных и предприимчивых комиссионеров, однако из этого ничего не получилось.

Естественно, что новиковскому Обществу, с его незначительным первоначальным капиталом, высокими издательскими расходами и сравнительно бедным книжным ассортиментом, трудно было рассчитывать на успех там, где потерпели неудачу такие могущественные конкуренты. В этих условиях любой просчет издателя, не потрафившего вкусам покупателей, мог стать для него роковым. Казалось бы, чем рисковал Новиков, принимая

на себя труды и расходы по изданию поэмы М. Боярдо «Влюбленный Роланд» в прозаическом переводе своего бывшего однокашника Я. И. Булгакова? Отпечатанная в одной из лучших петербургских типографий, у Вейтбрехта и Шнора, сравнительно недорогая (1 р. 20 к. за том), книга «славного италианского стихотворца» с «заманчивым» названием имела, как можно было предполагать, все шансы на успех у читающей публики. Более того, издатель и типографы не поскупились на рекламу, прославлявшую героические подвиги и любовные похождения героев Боярдо Разночинная публика с интересом встретила искусно «выхваленную» книгу, однако успех ее был недолгим. Пресыщенному рыцарскими романами русскому читателю поэма Боярдо показалась слишком пресной; это и решило ее участь. «Роланд продается весьма тупо, — сообщал Новиков Булгакову, — я его в некоторые места разослал, но везде с малым успехом»[8]. Издателю оставалось только «употреблять его в промен на другие книги», чтобы возместить хотя бы часть расходов.

Неистощимый на выдумку Новиков изобретал все новые способ: для более успешного распространения своих изданий. Опыт журналиста подсказал ему остроумную мысль объявить предварительную подписку на подготовленные им к печати сочинения по истории России и сопредельных с нею стран. «Господам пренумератам» были обещаны немалые льготы[9], однако читающую публику не прельстили даже столь выгодные условия. Об этом наглядно свидетельствуют подписные листы, напечатанные в виде приложений ко многим новиковским изданиям 1770-х гг. Комиссионерам Новикова с большим трудом удалось собрать подписку на 75 экз. (50 подписчиков) «Древней российской идрографии»[10]. Еще меньше желающих (44 подписчика на 50 экз.) оказалось уплатить задаток в размере от 2 р. 50 к. до 200 руб. за восьмитомное «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи» Ж. Б. Дю Гальда. Дворовый человек 26 лет от роду, обученный разным «письменным делам», обходился в ту же цену, что и два полных комплекта «Описания». Столь дорогая покупка оказалась по карману только богатейшим людям России: Екатерине II, епископу Платону (Левшину), фабриканту П. К. Хлебникову и им подобным.

Не удивительно, что печатание книги Дю Гальда прекратилось на втором томе.

Трудно сказать, смогли бы вообще увидеть свет собранные Новиковым историко-культурные материалы без той поддержки, которую оказало ему правительство. «В моем журнале, — жаловался 9 декабря 1779 г. Г. Ф. Миллеру придворный переводчик, редактор „St. — Petersburgisches Journal" Б. Ф. Арндт, — почти не остается места для публикации пространных и интересных источников по истории России. Если бы мне хоть малую толику тех средств, которые были отпущены Новикову на издание „Древней российской вивлиофики", сколько полезного для науки я сумел бы сделать»[11]. Действительно, увлечение былого издателя «Трутня» и «Живописца» русской историей устраивало Екатерину II. Она хорошо знала, что издание фундаментальных исторических трудов требует огромных расходов. Где взять такие деньги помещику средней руки? Только у правительства! Ради соблазнительной перспективы купить послушание дерзкого сатирика, не побоявшегося ее угроз, расчетливая Екатерина готова была даже раскошелиться, забыв о старых обидах. Монаршьи милости посыпались на Новикова. Императрица включила новоявленного историографа в узкий круг участников интимных литературных вечеров в Эрмитаже, открыла перед ним двери государственных архивов, распорядилась выдать издателю «Древней российской вивлиофики» из «кабинетской суммы» 1000 руб., а затем — дополнительно — еще 200 голландских червонцев[12]. Вслед за Екатериной, подписавшейся на 10 экз. «Вивлиофики», в списке «пренумератов» значились имена первых вельмож российского двора: Г. Г. Орлова (тоже 10 экз.) и Г. А. Потемкина, П. Б. Шереметева и К. Г. Разумовского, Р. Л. и А. Р. Воронцовых. Не отставали от начальства и другие правительственные чиновники пониже рангом, высшее духовенство, богатые купцы. Окончательно уверовав в то, что ей удалось приручить Новикова, Екатерина шутливо (хотя и не очень грамотно — мы сохраняем орфографию подлинника) журила его за пышное посвящение к «Вивлиофике»: «Мой совет есть, если Автор мне приписать хочет свое издание, то вымарать из тителя все то, что свету показаться может ласкательство, я подчеркнула на титуля все излишество»[13]. Однако их идиллические отношения длились недолго.

Углубленные занятия русской историей убедили Новикова в том, что ее золотой век — не более, чем миф. Вместо обетованных островов древнеправославных добродетелей перед ним предстала зловещая трясина извеч-

ных пороков сословного общества: вероломство, насилие, дикие суеверия. Эти же чувства испытывали, по-видимому, и многие читатели «Древней российской вивлиофики», горячо одобрившие на первых порах замыслы ее издателя. Среди подписчиков «Вивлиофики» мы встречаем чуть ли не всех видных деятелей русской культуры середины XVIII в.: маститых ученых — Г. Ф. Миллера и М. М. Щербатова, В. Е. Адодурова и Г. Н. Теплова, верных друзей и соратников Новикова на литературном поприще — М. М. Хераскова и И. П. Елагина, А. Н. Радищева и А. М. Кутузова, В. И. Майкова и И. А. Дмитриевского, А. В. Храповицкого и А. А. Ржевского, архитектора В. И. Баженова и совсем еще юного Ф. В. Каржавина.

Время шло. Интерес «ученой республики» к новиковским историческим публикациям заметно ослабевал. Специалисты справедливо считали, что они могли бы справиться с изданием древних памятников гораздо квалифицированнее, чем журналист-дилетант. Фрондирующая молодежь тоже была разочарована. Материалам «Вивлиофики» явно не доставало, по ее мнению, политической остроты и публицистичности. Но самым грозным симптомом надвигающегося кризиса было для Новикова равнодушие основного потребителя его книжной продукции — разночинной читающей публики.

Несмотря на энергичную поддержку правительства, в 1773 г. разошлось по подписке чуть больше 1/5 тиража «Вивлиофики» — 246 экз. (198 «пренумератов»). В результате этого Новикову пришлось начиная с июльского выпуска сократить тираж на 100 экз. Новый год принес с собой только новые огорчения. Число подписчиков резко уменьшилось (133 «пренумерата» на 166 экз.) [14] причем из подписных листов исчезли имена многих людей, чьим мнением Новиков особенно дорожил. Оставалось надеяться только на благоволение императрицы. Однако и она не спешила на помощь попавшему в беду издателю. Новиков уже не представлялся ей опасным. Постепенно правительственные дотации на «Вивлиофику» совсем прекратились, и Новикову пришлось униженно напоминать о своем отчаянном положении секретарю Екатерины II Г. В. Козицкому. «Отъезд Двора (в Москву на празднование Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией — *И. М.*) произвел в делах моих такое замешательство, — писал он 26 марта 1775 г. — что я не знаю, как могу окончить „Вивлиофику" на нынешний год, ибо не только что не прибавляются подписчики, но и других книг почти сов-

сем не покупают... Без сей (правительства — *И. М.*) помощи я нахожусь в крайнем принуждении бросить все мои дела неоконченными. Что делать, когда усердие мое во оказании услуг моему отечеству так худо приемлется!..»[15]. Жалкая подачка Екатерины не могла поправить пошатнувшиеся дела издателя. Окончив с горем пополам «Вивлиофику», он был вынужден отказаться от публикации нового сборника старинных хартий — «Сокровища древностей российских»[16]. Открытая война с императрицей оказалась для Новикова непосильной, дружба — унизительной и разорительной. Только за издания «Общества, старающегося о напечатании книг» Новиков задолжал Академической типографии 839 р. 11,5 к.[17]. А ведь у него были еще, вероятно, неоплаченные счета других типографий, переплетчиков и авторов!

Десятилетний опыт работы с книгой убедительно доказал Новикову полную несостоятельность издательской политики, игнорирующей реальные запросы читателей-разночинцев. Выпуская в свет под видом третьего издания «Живописца» (1775) сборник наиболее острых и злободневных статей из своих сатирических журналов былых лет, Новиков справедливо объяснял их успех тем, что они «попали на вкус мещан», ибо в России только такие книги «третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию чужестранных языков, нравятся». Гневные филиппики журналиста-трибуна против «гнили», разъедавшей устои Российского государства, нашли отклик в сердцах и умах читателей. И не по их вине прекратили свое существование «Трутень» и «Живописец», «Пустомеля» и «Кошелек»! Лишенный возможности открыто обсуждать и осуждать пороки современного ему сословного общества, издатель попытался продолжать борьбу иными, легальными средствами, широко используя исторические аллюзии, иносказание, ретроспекцию. Однако на сей раз «простосердечные люди» не поняли и не оценили по достоинству его трудов. Новиковская «Вивлиофика» и «Размышления» Мабли не смогли занять место издавна популярных в разночинной среде «Синопсиса» и «Троянской истории» и тем самым были обречены, наряду с другими «весьма хорошими и полезными книгами», лежать мертвым капиталом «в хранилищах, почти вечною для них темницей назначенных»[18].

Не раз благие начинания просветителей-одиночек разбивались о глухую стену непонимания, косности и

равнодушия толпы. Одни из них, несмотря на неудачи, упорно не желали отказываться от раз и навсегда избранной тактики, другие — принимали безоговорочно вкусы мещан за «глас народный» и, потакая им, наживались на невежестве масс. Новиков не был ни слепым фанатиком, ни алчным дельцом. Эту особенность крупнейшего и оригинальнейшего деятеля русского просвещения XVIII в. удачно подметил Я. Л. Барсков, видевший в нем «смелого, энергичного и бескорыстного работника, искренне сливавшего свою личную выгоду с пользою общественной»[19]. Новикова не привлекала спокойная и доходная роль «карманного» литератора ее величества, столь же твердо и принципиально он отказался от надежных доходов, которые сулило ему издание пользовавшихся спросом у малообразованных читателей правил хорошего тона столетней давности, сомнительных романов и сонников.

Если нельзя было говорить с массами простым и вразумительным языком политического памфлета, следовало вооружить их ключами к сокровищницам знаний, заполнить интеллектуальную пропасть между учителями человечества и «малыми сими» тысячами томов дешевых и доступных для разных категорий читателей книг. Задача формирования читательской психологии в духе гуманных идей эпохи Просвещения легла в основу всей дальнейшей деятельности Новикова.

«Путеводительницей и наставницей» читающей публики справедливо называл журнальную библиографию и неразрывно связанную с нею в те годы литературную критику младший современник просветителей XVIII в. В. Г. Анастасевич. Попытки первых русских журналистов помочь начинающему читателю в выборе лучших отечественных и переводных книг, научить его отделять «зерна от плевел» наглядно доказали необходимость и возможность активного воздействия на литературные вкусы и запросы общества. Следуя их примеру, Новиков и К. В. Миллер задумали организовать первый русский критико-библиографический журнал. «Сие периодическое издание, — сообщалось в объявлении о подписке на «Санктпетербургские ученые ведомости», — содержать в себе будет: 1) уведомление о напечатанных в России книгах, с присовокуплением критических оным рассмотрений; 2) об успехах и состоянии ученых дел в России и 3) известия, касающиеся до описания жизни российских писателей»[20].

Появление в свет этого еженедельника вызвало в среде петербургских литераторов немало кривотолков. Поэтому от издателей журнала, целиком посвященного критическому разбору новых книг, потребовалось много такта и выдержки для того, чтобы избежать столкновения с собратьями по перу. «Ничто сатирическое, относящееся на лицо, — предупреждали они любителей литературных скандалов, — не будет иметь места в „Ведомостях" наших, но единственно будем мы говорить о книгах, не касаясь нимало до писателей оных. Впрочем, критическое наше рассмотрение какой-либо книги не есть своенравное определение участи ее, но объявление только нашего мнения об оной»[21]. Решительно осудив грубые, оскорбительные формы полемики, характерные для русского литературного быта 50—60-х гг. XVIII в., Новиков не только не поступился своими идейными и эстетическими принципами, но постарался использовать библиографический журнал для самой активной пропаганды книг, созвучных его мыслям и чувствам.

«Санктпетербургские ученые ведомости» просуществовали сравнительно недолго. За несколько месяцев, с марта по июнь 1777 г., здесь были критически рассмотрены 34 книги, напечатанные Академией наук, Московским университетом и «вольными» типографиями (в том числе четыре новиковских издания). Явно демонстративный характер носила публикация в первых номерах журнала, на самом видном месте библиографического обзора полузапретного в России и широко разрекламированного за границей издания екатерининского «Наказа» Комиссии по составлению нового Уложения. Наперекор желанию императрицы, Новиков вновь напомнил обществу о несбывшихся «конституционных мечтаниях» обманутого поколения. Просвещенные читатели горячо поддержали выступления «Ведомостей» в защиту чистоты родного языка, внимательно прислушивались к их отзывам о книгах по истории, государственному праву и педагогике, приветствовали появление в свет дополнений к «Опыту исторического словаря» и «Древней российской вивлиофике». К сожалению, разночинная публика не разделяла энтузиазма «ученых господ». Сочтя журнал слишком пресным и однообразным, она по-прежнему довольствовалась той информацией о новых книгах, которая регулярно появлялась на страницах официозных «Санктпетербургских ведомостей». Книготорговцы, поддержавшие Новикова и Миллера на первых порах, быстро разгляде-

ли полную бесперспективность преждевременно явившегося в свет журнала. Лишенные финансовой поддержки, издатели «Санктпетербургских ученых ведомостей» вынуждены были расстаться с читателями, так и не осуществив своих далеко идущих планов.

Безрезультатно окончились все попытки отважного поручика захватить штурмом бастионы косности и невежества. Приходилось менять тактику, памятуя о том, что нередко длительная, упорная осада оказывается гораздо эффективнее стремительной атаки. Человек не рождается на свет читателем, эта потребность возникает у него с годами. Поэтому вполне естественно то огромное влияние, которое оказывают первые наставники на круг и характер его книжных интересов. Последовательный и деятельный просветитель, Новиков всегда отводил в своих планах особое место вопросам чтения женщины-матери, воспитательницы новых поколений. Умная, начитанная женщина с хорошим литературным вкусом могла несомненно лучше исполнить материнский долг, чем корреспондентка «Трутня» — «Ужесть как мила», — у которой от серьезных книг делалась «теснота в голове». Мысль о создании первого в России литературного журнала для женского чтения возникла у Новикова еще на заре его издательской деятельности. Однако только спустя 10 лет на полках книжных лавок появились изящные томики «Модного ежемесячного издания, или Библиотеки для дамского туалета» (ч. 1—4, Спб.—М., 1779). Вниманию читательниц предлагались чувствительные элегии и сентиментальные повести, исторические анекдоты и назидательные притчи, а в дополнение — 12 картинок новейших парижских мод. Казалось, Новиков все продумал, все предусмотрел. И все-таки итоги подписки на «Библиотеку» не оправдали надежд издателя, твердо уверенного в том, что одно название этого журнала избавит его от убытков. Далеко не каждая любительница книг могла выкроить из своего бюджета 5 руб. на покупку столь дорогой «безделушки». Не случайно в списке 57 «пренумератов» «Модного ежемесячного издания» встречается так много сановных имен и громких титулов.

И все-таки не «Санктпетербургские ученые ведомости» и не модный журнал помогли Новикову привлечь внимание русской читающей публики к серьезным общественным и нравственным проблемам. В самые критические для издателя дни на помощь к нему пришли руководители петербургских масонов, давно уже с симпатией

следившие за его энергичной просветительной деятельностью. Укоренившись на русской почве в середине XVIII в. ложи масонов — вольных каменщиков разных систем постепенно приобрели немалый вес во всех сферах общественной жизни страны. Атмосфера бюрократического государства, принижавшего и калечившего человеческую личность, создавала особенно благоприятные условия для расцвета масонства. Поиски моральной опоры, стремление к «самоочищению» от сословной скверны лакейства и палачества были присущи значительной части дворянской интеллигенции тех лет. Этот процесс в какой-то степени усугублялся кризисом русского вольтерьянства, истолкованного некоторыми последователями фернейского патриарха в чисто нигилистическом духе. Естественно, что уже сама по себе полулегальная форма существования масонского братства, легенды о его таинственных связях с потусторонним миром, фантастическом богатстве и влиянии привлекали в ложи разного сорта политических авантюристов, мистиков и шарлатанов. Однако не они определяли лицо масонства. Лучшие умы человечества — Гёте и Франклин, Лессинг и Гердер, Флориан и Дантон — видели в масонстве, «поднимающемся над всеми сословными различиями, над всяким сектанским духом», могучее орудие моральной революции умов, прототип будущих, более гуманных и справедливых отношений между людьми.

Страстная приверженность издателя «Трутня» и «Живописца» идеалам добра и справедливости, ненависть к насилию и пороку вполне согласовались с краеугольными принципами масонского учения. Масонами были чуть ли не все его наставники и друзья: А. П. Сумароков и М. М. Херасков, В. И Майков и М. И. Попов, А. М. Кутузов и А. Н. Радищев, И. А. Дмитревский и К. В. Миллер. Поэтому вступление Новикова в июне 1775 г. в ложу «Астрея» помогло ему обрести ту «точку опоры», которой так нехватало просветителю-одиночке. Обретя солидную моральную и материальную поддержку собратьев по ордену, Новиков смог приступить к осуществлению давно задуманных планов интеллектуального и нравственного просвещения соотечественников.

Первым шагом на пути к реализации этих замыслов было издание литературно-философского журнала «Утренний свет» (1777—1780), сплотившего вокруг себя наиболее талантливых писателей и переводчиков из среды вольных каменщиков. В журнале стали публиковаться

подобранные с большим вкусом разнообразные и занимательные сочинения в стихах и прозе мыслителей всех стран и эпох (от Платона и Вергилия до Виланда и Юнга), наглядно иллюстрировавшие важнейшие положения масонской этики и морали. Именно эта идейная целеустремленность, мессианский дидактизм, поиски позитивной программы действий, способных сделать более счастливыми каждого человека в отдельности и общество в целом, выгодно отличали «Утренний свет» от большинства современных ему периодических изданий. И все-таки нельзя объяснить фантастический успех журнала петербургских масонов только его публицистическими и эстетическими достоинствами, хотя они и несомненны. Не меньшую роль сыграли здесь оригинальные методы издания и распространения «Утреннего света», представлявшего собой лишь одно из звеньев в широком комплексе просветительных и филантропических предприятий Новикова.

Справедливо отметив в предисловии к журналу, что «все с непрестанными бдениями издаваемые ученые труды были бы тщетны и бесполезны, если б они читателям не понравились», Новиков на сей раз сознательно отказался от сиюминутных выгод ради осуществления своих далеко идущих стратегических планов. «Положим, — обращался он со страниц „Утреннего света" к друзьям и единомышленникам, — что любовь ко чтению не во всех еще российских городах совершенно распространилась. Будем ли мы тем освобождены от нашей должности, которою обязаны к нашим единоземцам?.. Не должны ли мы тогда все наши старания с большим предусмотрением и благоразумием учреждать, дабы читающим согражданам доставлять удовольствие, а не читающих привлекать к собственной их пользе?..» [22] Ответ на этот риторический вопрос несомненно был однозначным. Однако Новиков не только сумел четко сформулировать важнейшую задачу, стоявшую перед русскими просветителями, но и нашел практические пути для ее решения. Сын своего века, когда положение человека в обществе начинало определяться не столько древностью рода, сколько толщиной кошелька, он хорошо понимал, что для серьезных социальных реформ мало красивых слов и благих пожеланий. Нужны были деньги, и деньги немалые. Но кто их даст на явно неприбыльное дело? В поисках выхода из этого тупика Новикову и пришла на ум удивительно простая и вместе с тем поистине гениальная идея — сделать

пайщиками своего нового предприятия не какую-то отдельную группу меценатов, а все русское просвещенное общество. Теперь оставалось только изыскать способ объединить бескорыстные усилия столь разнородных элементов.

Теория и практика масонства, уделявшие огромное внимание вопросам благотворительности, сами подсказали издателю нужный ответ. Так родился и начал претворяться в жизнь план, согласно которому «Утренний свет» должен был стать организационным центром филантропической деятельности в России. Приняв решение пожертвовать «все выручаемые деньги от продажи сего журнала на заведение школ для бедных и сиротствующих детей, равномерно и для содержания бедных и престарелых людей», Новиков передал руководство финансовой стороной дела специальной контрольно-распорядительной комиссии, состоявшей из 10 авторитетных членов масонских лож. Ежегодно на страницах «Утреннего света» публиковались подробные бухгалтерские отчеты о приходно-расходных операциях комиссии, что позволяло каждому подписчику-пайщику оценивать эффективность ее работы.

Как и предполагал издатель, филантропическое начинание петербургских масонов вызвало сочувственный отклик в разных слоях русского общества. Успех журнала превзошел все самые смелые ожидания. В первый год (с сентября 1777 по август 1778 г.) было распространено по подписке 875 экз. «Утреннего света» (802 подписчика), благодаря чему кассовая выручка превысила на 2000 руб. издательские расходы[23]. Устанавливая сравнительно невысокую цену на годовой комплект журнала (3 руб. 50 коп. в Петербурге и 4 руб. в других городах), Новиков стремился сделать его доступным максимально широкому кругу покупателей. Однако, ввиду благотворительного характера этого издания, многие подписчики вносили по 5, 10. 20 и 25 руб. за экземпляр (граф Я. А. Брюс, заводчик Н. Н. Демидов, вяземский купец Т. А. Масленников и другие), а миллионер П. К. Хлебников пожертвовал Новикову сотню пудов бумаги собственного производства, «потребной для печатания „Утреннего света" через целый год» тиражом в 1000 экз.

Императрица холодно встретила новиковские замыслы. До поры до времени она не мешала масонам собирать пожертвования на благотворительные нужды, однако демонстративно избегала любых знаков одобрения и

поощрения в их адрес. Правда, список подписчиков на «Утренний свет» открывался «неизвестной особой», уплатившей за экземпляр журнала 100 руб., в которой современники несомненно узнали наследника престола Павла Петровича, но в данном случае он выступал как частное лицо. Скептицизм двора не был тайной для правительственных чиновников, и они, как правило, не спешили вступать в число пайщиков «Утреннего света». Только самые сановные и независимые вельможи (князья П. Б. Шереметев и А. Б. Куракин, графы П. И. Панин, К. Г. Разумовский, Н. Г Румянцев и З. Г. Чернышев, входящий в силу секретарь императрицы А. А. Безбородко) дерзнули нарушить этот негласный запрет.

Принципиально иную позицию по отношению к Новикову заняли высшие сановники православной церкви. Они не только одобряли, но и активно поддерживали его проекты, видя в них богоугодное дело. Именно поэтому архиепископ новгородский и санктпетербургский Гавриил охотно дал согласие стать официальным покровителем «Утреннего света», а многие другие архиепископы взяли на себя обязанности новиковских комиссионеров в своих епархиях. Журнал имел огромный успех среди просвещенного духовенства.

Не менее горячий прием встретил «Утренний свет» у русской интеллигенции. Литераторы и переводчики, ученые и художники, независимо от их убеждений и отношения к масонству, живо откликнулись на призыв Новикова помочь делу просвещения соотечественников. Широкая гуманистическая программа журнала была равно приемлема консервативно настроенному Г. Р. Державину и масону В. И. Баженову, вольнодумцу И. Г. Рахманинову и придворному поэту П. С. Потемкину, маститому ученому В. Е. Адодурову и бедному археографу-самоучке из Твери Д. И. Карманову.

Общественное движение, возникшее вокруг новиковского ежемесячника, не оставило равнодушными и читателей-разночинцев. Едва ли можно найти какой-нибудь другой русский журнал XVIII в. со столь демократичным составом подписчиков. И это не удивительно. Третье сословие справедливо увидело в Новикове выразителя своих интересов. Если многим титулованным вельможам масонские «выдумки» зачастую представлялись всего лишь очередной модной забавой, то для сотен мелких чиновников, купцов и мастеровых народные училища, приюты и больницы были гарантией более счастливого бу-

дущего их детей, последним убежищем в случае разорения, болезни, старости. Поэтому каждый из них, будь то просвещенный издатель-коммерсант С. Л. Копнин, мастера шпалерной мануфактуры С. В. Куликов и М. И. Пучиков или малограмотные купцы из захолустной Епифани, охотно внесли посильную лепту в общую филантропическую копилку.

Примечательна география распространения «Утреннего света». Косная и глухая русская провинция словно на мгновение пробудилась от векового сна. В 58 городах и местечках России, куда порой и газеты приходили с полугодовым опозданием, у Новикова нашлись добровольные помощники и восторженные почитатели. Бескорыстная преданность идеалам просвещения и гуманизма связала его на многие годы деловыми узами с провинциальными комиссионерами, среди которых были люди разного социального положения и интеллектуального уровня: тверской вице-губернатор Н. А. Муравьев, коломенский и тамбовский воеводы П. Ф. Жуков и Н. А. Охлебнин, чиновники С. Н. Веницеев (Калуга) и А. М. Кожевников (Псков), купцы Т. А. Масленников (Вязьма) и И. Е. Бородин (Епифань), войсковой товарищ П. Ф. Паскевич из Полтавы и капитан И. В. Тибекин из Астрахани. Каждый месяц почтовые тройки развозили свежие номера новиковского журнала за тысячи верст от Петербурга. 43 подписчика в Тамбове, 42 — в Казани, 32 — в Нижнем Новгороде, 28 — в Астрахани, 20 — в Полтаве, подписчики в далеком Кунгуре, в забытом богом Царево-Кокшайске, в владимирском селе Починок... Такой широкой читательской аудитории не имел еще ни один русский журнал!

Издавна вся интеллектуальная жизнь русской провинции концентрировалась вокруг немногочисленных «культурных гнезд». Такими притягательными центрами были подмосковное поместье потомственных библиофилов Яньковых, орловская усадьба супругов Плещеевых, дома Дмитриевых в Сызрани и Муравьевых в Твери, С. И. Тевяшева в Острогожске и С. М. Полянского в Казани. В богатейших библиотеках гостеприимных хозяев местные «цицероны» и «вергилии» черпали книжную премудрость, здесь выносились приговоры новым книгам и формировалось общественное мнение. Поэтому признание ими нравственных и литературных достоинств «Утреннего света» окончательно закрепило у современников авторитет журнала и его издателя.

Не прошло и двух лет со дня выхода в свет первого номера «Утреннего света», а маленькое филантропическое общество петербургских масонов превратилось в разветвленное просветительное предприятие, располагавшее значительным по тому времени капиталом. Все доходы (более 4500 руб.!) ушли на организацию и содержание двух начальных школ-интернатов, в которых бесплатно обучались и жили на всем готовом около 100 сирот мелких чиновников и мастеровых. Благородный поступок масонов в свою очередь вызвал приток новых подписчиков, новых капиталов. Популярность Новикова, сделавшегося, по меткому выражению одного из его учеников, «истинным министром народного просвещения», с каждым днем росла. Такой оборот дела явно не устраивал Екатерину II. Политически и экономически независимое новиковское предприятие создавало опасный прецедент, наглядно демонстрируя русскому обществу его огромные потенциальные возможности самостоятельно, без правительственной опеки решать важнейшие задачи общегосударственного значения. Кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба Новикова, если бы не очередной каприз изменчивой фортуны, открывшей перед ним столь заманчивые перспективы издательской деятельности, о которых он не смел даже мечтать.

Глава 3
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ТИПОГРАФЩИК

28 июля 1778 г. куратором Московского университета был назначен М. М. Херасков, талантливый поэт и педагог, убежденный масон, давний друг и наставник Новикова. Среди многочисленных дел, требовавших неотложного решения, нового куратора особенно беспокоило плачевное состояние Университетской типографии. Он не забыл тех хлопот и огорчений, которые довелось ему испытать в бытность первым надзирателем за типографскими делами Университета. Не лучше справлялись со своими обязанностями и его преемники. Все попытки превратить типографию в коммерчески прибыльное предприятие оказались тщетными. Печатание казенных и «приватных» книг затягивалось на годы из-за нерадения мастеровых и изношенности типографского оборудования. Произвол в издательской и тиражной политике, проводившейся по чисто вкусовому принципу, без должного учета конъюнктуры книжного рынка, приводил к затовариванию. Посылая 21 декабря 1775 г. к управляющему Кабинетом е. и. в. А. В. Олсуфьеву книгу Я. Ф. Бильфельда «Наставления политические» (ч. 1—2, М., 1768—1775), напечатанную «по высочайшему соизволению» Екатерины II тиражом в 1200 экз., директор Московского университета И. И. Мелиссино горько сетовал на ее непопулярность у читателей. За семь лет при затратах в 3019 р. 67,5 к. типографией было продано первого тома «Наставлений» всего лишь на 355 р. 35,5 к. Существование столь крупного предприятия, как Университетская типография, не могло зависеть только от правительственных дотаций. В то же время ее ежегодный доход в 2 тыс. рублей едва позволял сводить концы с концами, а самое рентабельное издание — газета «Московские ведомости» — расходилась мизерным тиражом в 500—600 экз.

Беды Университетской типографии не были чем-то из ряда вон выходящим. Государственная монополия в русском книгоиздательском деле давно уже стала серьезным тормозом для его дальнейшего развития. Феодально-чиновничий принцип организации и финансирования казенных типографий неминуемо вел к их полному краху. Так, с 1767 по 1773 г. «оставалась без употребления» типография при Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе, оборудование которой пришло в крайнюю

ветхость. Не многим лучше обстояло дело и в других «присутственных местах», по роду деятельности имевших собственные типографии.

Требования жизни вынудили правительство пойти на уступки частному капиталу в сфере, которую оно по идеологическим соображениям столь долго стремилось не выпускать из своих рук. Промежуточной формой между казенными и вольными стали типографии, сдававшиеся в аренду на обусловленный договором срок частным предпринимателям. Первой была отдана «в содержание» книготорговцу Иоганну Карлу Шнору типография Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. Около 12 лет, с 1773 по 1784 г. она переходила от одного арендатора к другому, пока со смертью последнего из них вообще не прекратила своего существования. В 1778 г. лифляндский уроженец Оттос Густав Мейер взял на откуп две Сенатские типографии — петербургскую и московскую. Слухи о выгодах вольного книгопечатания, несомненно, доходили до Хераскова. Они и подсказали ему выход из трудного положения, в котором находилась Университетская типография. Оставалось только продумать наиболее выгодные условия ее сдачи в наем и наметить кандидатуру будущего содержателя. Выбор пал на Новикова. Предложение приехавшего в 1778 г. в Петербург Хераскова принять в «содержание» Университетскую типографию не могло не увлечь Новикова. «Что касается до собственного моего побуждения к сему, — писал он впоследствии, — то, признаваясь искренне, скажу, что хотя любовь к литературе и великое в сем подвиге участие имела, но главнейшее побуждение было, конечно, гордость и корыстолюбие; ибо я видел, что типография была в крайне худом состоянии, и я, по знанию моему, надеялся в скором времени ее поправить и тем себя высказать»[1]. Конечно, это признание сделано в весьма специфической обстановке пыточного каземата и краски в нем явно сгущены, однако роль будущего законодателя литературного вкуса и крупного предпринимателя-мецената несомненно льстила самолюбию Новикова.

Серьезным доводом в пользу перемены места жительства были для Новикова не лишенные основания надежды на поддержку во всех его просветительных и филантропических начинаниях со стороны влиятельных московских сановников. Древняя столица с петровских времен превратилась в оплот дворянской фронды. Сюда удалялись на покой опальные временщики, здесь нашло

для себя благодатную почву масонство. Екатерина II не любила шумный «азиатский» город и редко бывала в Москве; наместникам же императрицы волей-неволей приходилось приноравливаться к причудам местных вельмож, смотреть сквозь пальцы на их затеи.

Для того чтобы трезво оценить выгоды, ожидаемые от нового предприятия, Новиков в начале 1778 г. посвятил несколько недель знакомству с Университетской типографией. Результаты осмотра подтвердили его самые худшие подозрения, однако издатель не спасовал перед трудностями. Завершив в Петербурге все необходимые формальности, он навсегда переселился на родину и 5 июля подписал с Университетом контракт на 10-летний срок (с 1 мая 1779 г. по 1 мая 1789 г.), согласно которому обязался «в сие время привести типографию в наилучшее состояние как в рассуждении производства работ, так и чистоты печатания, и во все те десять лет содержать оную своим иждивением, делать вновь потребные вещи, переливать ветхие литеры, словом, производить все работы» [2].

В распоряжение арендатора временно переходило все оборудование типографии и словолитной мастерской. Для их размещения Университет выделил шесть комнат и складские помещения в нижнем этаже каменного дома у Воскресенских ворот. Прием материалов по описи у инспектора И. П. Перелывкина «весом, счетом и мерою» растянулся на несколько месяцев.

В октябре 1779 г. Х. Ридигер передал Новикову университетскую книжную лавку и две торговые палатки на Красной площади, после чего производство и сбыт книг, издававшихся Московским университетом, сосредоточились в руках одного хозяина.

Помимо всевозможного движимого и недвижимого имущества Новиков принял под свое управление всех рабочих и служащих Университетской типографии. Отныне их судьбой безраздельно распоряжался арендатор, хотя ему и предписывалось «содержать работных людей порядочно, в исправности и не в отягощении, производя всем им ныне получаемое жалованье или по добровольному согласию переменя оное для лучшего поощрения в заработные деньги». Введение сдельщины вместо твердого оклада, как правило, способствовало укреплению дисциплины лучше любых посулов и угроз, и Новиков старался материально заинтересовать мастеровых в результатах их труда.

Одна из самых выгодных для содержателя типографии статей контракта предоставляла ему монопольное право на издание и распространение «Московских ведомостей», а также на взымание платы за публикуемые в них «партикулярные» (т. е. частные) объявления. Со своей стороны, Новиков обязался «стараться, чтоб оные ведомости» печатались «лучше и чище и были бы более интересны для публики». Выполнение этого условия в конечном итоге отвечало его же собственным интересам.

Расчеты с арендатором за печатание книг «для классов», т. е. заказных университетских изданий, производились по твердой таксе, установленной еще в 1772 г. Тем самым Университет застраховал себя от дополнительных расходов, неизбежных в условиях роста цен на полиграфическое оборудование и материалы. В то же время Новиков имел право по своему «произволению» установить цены на типографские работы, выполнявшиеся для частных лиц [3], а также издавать книги собственным иждивением. 10 экз. каждого новиковского издания (и 15 экз. — «Московских ведомостей») безвозмездно предоставлялись Университету. Кроме того, содержатель типографии был обязан печатать за свой счет для господ кураторов по 200 экз. речей профессоров на торжественных актах и подносных од сиятельным особам, а также отпускать им по себестоимости «некоторое число классических книг», необходимых для совершенствования в науках гимназистов и студентов.

Ежегодная арендная плата первоначально составляла незначительную сумму — 4500 руб., выплачивающуюся Университету в два срока. Тем не менее университетское начальство было радо и такому скромному доходу.

Подписав контракт, Новиков получал на 10 лет «протекцию и защищение» Университета, пользовавшегося как полуавтономное учреждение некоторыми особыми (в области судебной, цензурной и хозяйственной) правами и привилегиями. Это, конечно, не избавляло его от цензурных ограничений, обязательных для всех русских типографий. «Книги, кои будут печататься первым тиснением и нигде прежде в России напечатаны не были, — клятвенно обещал он властям, — без подписки цензоров мне не печатать, и ту цензуру припечатывать у каждой книги. Ежели ж во время содержания моего окажутся в Университетской типографии напечатанными какие недозволительные книги и без подписки ценсорской, за то ответствовать мне по законам». И все-таки у Новикова

имелись все основания рассчитывать на то, что московские цензоры, кормящиеся от его щедрот, окажутся снисходительнее своих петербургских коллег. Как показало время, он не ошибся. Кроме того, определенный простор для независимой издательской политики оставляло условие, согласно которому книги, выходящие в свет «вторым и другим тиснением», разрешалось печатать «вольно и без цензуры». Это давало издателю возможность отобрать в русском книжном репертуаре, уже довольно обширном к тому времени, близкие ему по духу сочинения и широко распространить их среди читающей публики.

На опыте своих первых издательских предприятий Новиков убедился в том, что осуществление столь грандиозных просветительных замыслов явно не по плечу одному человеку. И не случайно в его договоре с Университетом специально было оговорено право арендатора приглашать «к себе в сотоварищи и прикащики» кого он захочет. Судя по письму Новикова к Я. И. Булгакову от 21 апреля 1779 г., он принял в долю трех своих приятелей [4]. Их имена до сих пор остаются неизвестными. Однако, учитывая активную поддержку, которую оказал на первых порах Новикову один из влиятельнейших масонских начальников И. П. Елагин, дело здесь, конечно, не обошлось без участия братьев-каменщиков.

Протекция петербургских и московских масонов, оказанная Новикову, ни в коей мере не ущемляла казенных интересов, как впоследствии утверждали его враги. Условия соглашения были взаимовыгодны обеим сторонам. Более того, договор с Новиковым практически стал «типовым», повторяясь почти слово в слово при заключении контрактов с новыми арендаторами Университетской типографии.

Приняв на себя нелегкие обязанности университетского «типографщика», Новиков не считался ни с какими затратами. Около 20 тыс. руб., вырученных от продажи отцовского имения в Мещовском уезде, ушли на замену устаревшего типографского оборудования, выписку из-за границы новых шрифтов, покупку бумаги, краски, столярного и слесарного инструмента. Эти жертвы не были напрасными. Уже к концу 1780-х гг. Университетская типография, по свидетельству современников, ни в чем не уступала лучшим полиграфическим предприятиям Европы [5].

Не меньше хлопот, чем переоборудование типографии, доставляли Новикову ее работники. «Человек со ста от

меня зависит, по большей части избалованных, ленивых и пьяных, — жаловался он Я. И. Булгакову в письме от 15 июля 1779 г. — Стараюсь, сколько сил моих достает, во всем этом их поправить и, благодаря бога, имею некоторый успех» [6].

Конечно, далеко не все служащие Новикова были лентяями и пьяницами. Время сохранило для потомков лишь имена наиболее энергичных и бескорыстных помощников русского просветителя: фактора (начальника над типографскими рабочими) Андриана Федоровича Аничкова, «много поощрявшего», по словам его биографа, «литераторов своего времени к знакомству с публикой», корректоров Ивана Крамаренкова (1779—1780 гг.), Михаила Копьева (1782—1784 гг.) и Михаила Садикова (1784—1789 гг.).

С каждым годом административные обязанности становились все более обременительными для Новикова. «Свидетельствую совестью, — писал он одному из своих покровителей поздней осенью 1783 г., — что сие бремя удручает меня... сие страдание, как наказание, я действительно заслужил, ибо при начале заведения сих дел я многое делал по умственности и тем самым распространилось сие дело весьма обширно; частию же и непредвиденные происшествия столь увеличили оное, что силы одного человека не могут обнимать его» [7].

Первое время поистине неоценимую помощь Новикову оказывал его верный друг и единомышленник профессор Иван Григорьевич Шварц, добровольно принявший на себя должность «надзирателя» за университетскими книжными лавками и складами (магазинами). Дружбу и доверие между ними не могли поколебать никакие испытания. Это было известно всем. Тем с большей решительностью Новиков отверг предложение братьев по ордену передать в управление Шварцу Университетскую типографию. «Ежели поручить ему же дела типографические, — разъяснял арендатор свою позицию, — то он столь обременится, что невозможно ему будет всего исполнить, ибо и порученные уже теперь ему дела столь обширны, что едва ли не все займут его время, хотя это часть только; к тому же, кажется мне, что по тихости его нрава и нежной чувствительности, не может он с пользою исправить сие дело... В смотрении за типографскими делами главнейшее и беспокойнейшее есть то, что беспрестанно иметь смотрение за рабочими людьми, чтобы они приходили на работы, чтобы исправно работали и чтобы

не было краж и напрасного медления и остановки в деле»[8]. Слова Новикова оказались пророческими. Бремя непосильных забот и гонения ярого недруга масонов — университетского куратора И. И. Мелиссино свели Шварца 17 февраля 1784 г. в могилу. Гораздо более подходящим для роли управляющего типографией оказался другой масон — И. А. Алексеев. «Ревность и прилежание» нового помощника с лихвой компенсировали положенное ему хозяином ежегодное жалование в 250 руб., бесплатную комнату и «стол». Впоследствии, по некоторым сведениям, должность Алексеева перешла к питомцу Шварца — М. И. Невзорову, человеку предприимчивому и разносторонне образованному.

Помимо решения чисто административных и хозяйственных вопросов, Новикову приходилось постоянно изыскивать способы для повышения доходности своего предприятия. Добиться этого было трудно. Особенно на первых порах ему не хватало опыта в проведении сложных коммерческих и финансовых операций. Прибыль с капитала, вложенного в книги, поступала с большим запозданием и крайне нерегулярно, в то время как для расплаты с многочисленными поставщиками и кредиторами требовались наличные деньги. Мизерных доходов с имений Новикова едва хватало для прокормления его семейства, на помощь правительства рассчитывать не приходилось. Оставалось только брать деньги в долг под ростовщические проценты, пожиравшие то немногое, что удавалось выручить за проданные книги. «Как вам известно, — жаловался Новиков начальству, — беспрерывное помешательство в делах типографских и сильные расстройки по сим делам, со стороны Университета происшедшие, так запутали все сии дела, что не мог уже я их обозреть, ни удержать в руках своих и по неосторожности, более же по умственности, желая поправить оные, часто умножал только их... Сверх того, как по известным вам бывшим обстоятельствам, не мог я делать свободных оборотов в денежных делах, то от всего сего произошло, что я боялся дать слово и отказывался в таких делах... которые после с удобностью исполнял»[9].

Можно с уверенностью сказать, что Новикова в те годы спасло от финансового краха только его удивительное умение находить «сочувственников», готовых материально поддержать любые начинания этого страстного поборника просвещения. К сожалению, сведения о первых пайщиках новиковского книгоиздательского товарищества

чрезвычайно скудны. Сам факт их существования подтверждается только пометой «Иждивением Новикова и Компании», появившейся в конце 1782 г. на некоторых книгах. Столь же проблематично официальное участие в его издательских предприятиях 1779—1782 гг. масонских лож и филантропических обществ. Думается, что, принимая финансовую помощь у тех или иных лиц, Новиков юридически и реально оставался единовластным хозяином Университетской типографии [10].

Важным рубежом в деятельности московского просветителя стало 15 января 1783 г., день, когда после долгих колебаний Екатерина II вынуждена была наконец узаконить существование вольных типографий. Новиков не мог упустить столь благоприятную возможность, сулившую ему долгожданное освобождение от правительственной опеки, моральную и материальную независимость. Правда, финансовое положение издателя, и без того не блестящее, особенно осложнилось в связи с покупкой и перестройкой осенью 1782 г. дома на Лубянской площади, где разместилась Университетская типография, выселенная из старого помещения губернскими присутственными местами [11]. Однако и на этот раз на помощь к нему пришли братья-масоны — руководители «Дружеского ученого общества».

Созданная в начале 1781 г. по инициативе И. Г. Шварца, эта филантропическая организация развила столь энергичную деятельность, что уже несколько лет спустя превратилась в разветвленное просветительное предприятие, имевшее свои учебные заведения, библиотеку и дом близ Меншиковой башни. Полуофициальный характер Общества, сохранившийся и после того, как оно было признано «де факто» московскими властями 6 ноября 1782 г., существенно ограничивал его юридические права. Поэтому все движимое и недвижимое имущество, приобретенное на щедрые пожертвования богатых масонов, либо записывалось на имя доверенных лиц, либо переходило в собственность Московского университета, под чьим номинальным покровительством состояло «Дружеское ученое общество».

Указ о вольных типографиях открыл перед Шварцем и его единомышленниками новую, чрезвычайно привлекательную для них сферу деятельности. «Печатание различного рода книг» (официально — «учебных», а неофициально — «духовных и наставляющих в нравственности», т. е. масонских) было провозглашено важнейшей

задачей Общества[12]. Ей подчинялись учебные программы семинарий, финансировавшихся масонами; ради ее осуществления приобретались дома, оборудование, нанимались высококвалифицированные специалисты книжного дела.

Полиграфической базой «Дружеского ученого общества» стали две вольные типографии, числившиеся за Новиковым и его собратом по ордену — И. В. Лопухиным. Первая из них размещалась в доме на Лубянской площади, в соседстве с Университетской типографией, вторая — Лопухинская — в Армянском переулке. Два станка, предназначавшиеся для печатания мистических книг, перевезли в дом Общества близ Меншиковой башни. Здесь же, под надзором Шварца, поселили рабочих, труд которых оплачивался по особым, повышенным расценкам. Московские масоны очень дорожили и гордились «орденской» типографией. Издание и повсеместное распространение среди адептов ордена сочинений учителей и идеологов масонства признавалось делом достойным и «богоугодным», вся же финансовая сторона дела была слишком скучна и обременительна для знатных господ.

Поэтому, распределив между собой обязанности переводчиков, корректоров и комиссионеров тайной типографии, они целиком передоверили управление легальными типографиями Новикову[13].

Трудно сказать, много ли доходов принесла издателю эта операция, однако сосредоточение в его руках целого комплекса типографий, оснащенных новейшим оборудованием, было решающим шагом к установлению новиковской монополии в русском книжном деле 1780-х гг.

Екатерининский указ вызвал к жизни в Москве несколько других вольных типографий. Две из них принадлежали опытным издателям Х. А. Клаудию и И. Ф. Гиппиусу, третью завел московский купец А. П. Пономарев. Искушенные в делах коммерции и не слишком щепетильные в выборе книг для издания, они сумели отвоевать себе «место под солнцем». И все-таки ни один из них не мог даже мечтать о размахе и доходах Новикова. Больше того, новиковские типографии успешно конкурировали с крупнейшими предприятиями России — типографиями Академии наук, Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, Вейтбрехта, Шнора — и активно влияли на формирование национального издательского репертуара в выгодном для масонов направлении, устанав-

ливая свои расценки на различные виды работ, проникая на традиционно петербургские рынки.

Первые успехи вольных типографий наглядно доказали перспективность капиталовложений в эту новую отрасль русской экономики. Печатание книг становилось делом не только общественно полезным, но и достаточно выгодным. Поэтому не удивительно, что вскоре многие члены «Дружеского ученого общества» пожелали принять более активное финансовое участие в доходных предприятиях Новикова, основав 12 сентября 1784 г. небывалую в России по числу пайщиков «Типографическую компанию».

В отличие от прежних просветительных учреждений московских масонов, материальную базу которых составляли безвозмездные, а следовательно, и необязательные для их участников пожертвования, Компания носила ярко выраженный коммерческий характер. Каждый из 10 ее членов-учредителей, в большинстве своем людей знатных и состоятельных, внес в общую кассу пай в размере от 3 до 10 тыс. руб. Два брата Николай и Алексей Новиковы вместо денег передали Компании книги на 80 тыс. руб. с уступкою 75% против их продажной цены. От вступительного взноса были освобождены только двое — князь П. Энгалычев и широко известный в масонских кругах мистик и бессеребренник С. И. Гамалея, люди бедные, но полезные Компании своими знаниями, энергией и авторитетом. До наших дней не дошло ни подлинного учредительного акта, ни счетов Типографической компании, однако есть все основания предполагать, что доля компаньонов в будущих доходах зависела как от размеров их денежного пая, так и от степени личного участия в делах товарищества.

Чуть ли не весь первоначальный капитал Компании — 57 500 руб. — ушел на заведение новой обширной типографии, в которой к 1792 г. насчитывалось 19 печатных станов, пять видов русских шрифтов и шесть — латинских, а также немецкие, греческие, английские и еврейские шрифты. Мощность типографий товарищества особенно сильно выросла в 1786 г. после слияния новиковской, лопухинской и тайной типографий. Помимо типографского оборудования, Компания имела разнообразное движимое и недвижимое имущество: два дома (у Меншиковой башни и на Лубянской площади), перешедшие к ней от «Дружеского ученого общества» и Новикова, библиотеку и книжные склады, в которых по самым

скромным подсчетам, хранилось новиковских изданий на 150 тыс. руб. [14] Итак, внешне все обстояло благополучно, однако компаньонам постоянно не хватало наличных денег, и они не в силах ускорить оборот капитала, с каждым годом все глубже увязали в долгах. Первое время долги были невелики. Роковым для Компании стала покупка в конце 1785 г. огромного дома на Садовой улице, ранее принадлежавшего графу Гендрикову. Новиков едва ли решился бы на такое предприятие, если бы не обещание нового масонского начальника барона Шредера заплатить за дом. Шредер не выполнил своих обязательств, и долги Компании мгновенно возросли до астрономической цифры в 300 тыс. руб. [15]

Новиков принял все меры, чтобы избежать банкротства, реально нависшего над Компанией. Недостаток наличных денег он восполнял путем «промена» собственных книг на пользовавшиеся спросом издания других типографий и «платежа книгами кредиторам за братые разные материалы». Существенным подспорьем для дальнейшего расширения дела служила подписная плата на «Московские ведомости» и многотомные издания, надежно гарантировавшая распространение значительной части их тиража, а также доходы от печатания «разных особых мелких пиес, как-то: объявлений театральных, маскерадных и других, векселей для купеческих контор, питейных контрактов, ярлыков и прочих мелких известий, которые все по причине их множества и малого расхода в материалах, на них употребляемых, приносили прибыли весьма много». В целом же прибыль Компании в иные годы достигала 80 тыс. руб., что позволяло не только своевременно рассчитываться с кредиторами, но и вкладывать деньги в новые предприятия [16]. Именно поэтому уважение и доверие компаньонов к деловым способностям Новикова первое время было непоколебимо, и хотя формально всеми делами Компании управляла комиссия из семи человек, он был подлинной душой и хозяином всего дела.

Естественно, что новиковские типографии не могли существовать исключительно за счет рукописей, поступавших «самотеком» от авторов, вольных издателей и казенных мест. Основную часть продукции составляли книги, выпускавшиеся на средства Новикова, а затем Типографической компании. Охотно передоверяя своим помощникам те или иные административные функции, Новиков почти всегда лично вел переговоры с авторами и

переводчиками, заказывал им полезные, с его точки зрения, в идейном или коммерческом отношении сочинения, просматривал приносимые рукописи и определял их пригодность к печати.

Взаимоотношения автора и переводчика с издателем в России XVIII в. складывались довольно трудно, так как они практически не регулировались никакими юридическими нормами. Закон, в какой-то степени охранявший права издателя книги, не распространялся на авторов неопубликованных произведений. Поэтому каждый, желающий увидеть свою книгу напечатанной, а тем более получить от этого доход, вынужден был либо издавать ее собственным иждивением, либо искать богатого мецената, либо продавать рукопись учреждению или частному лицу, которые брались оплатить типографские расходы. Далеко не всякий автор располагал достаточными средствами для издания своих трудов, однако даже при полном расчете с типографией перед ним вставала не менее сложная проблема реализации отпечатанных книг.

Еще в июне 1759 г. президент Академии наук граф К. Г. Разумовский издал указ, согласно которому типографскому начальству предписывалось принимать у приватных лиц, сочинивших или переведших «сверх должности своей» какие-либо «полезные» книги и выплачивать им вознаграждение «книгами или деньгами из Академической книжной лавки». К сожалению, ни это, ни последующие распоряжения академической администрации не устанавливали точных размеров авторского вознаграждения, а также не содержали никаких критериев для определения степени полезности того или иного сочинения. Явное предпочтение, отдававшееся трудам членов Академии наук, вынуждало большинство русских литераторов — служащих других ведомств — искать более сговорчивых покупателей для своих рукописей. С появлением вольных типографий их владельцы, как правило, одновременно становились активными издателями. Были среди них люди честные и принципиальные, видевшие в печатном станке могучее средство для распространения просвещения, однако нередко встречались и алчные дельцы, нещадно эксплуатировавшие труд литературных поденщиков.

В этих условиях издателю приходилось быть особенно деликатным и щепетильным в отношениях с авторами, если ему хотелось, чтобы они работали на него не

за страх, а за совесть. Как свидетельствуют дошедшие до наших дней документы, Новиков быстро сумел найти верный подход к таким полезным для его предприятия людям, как А. Т. Болотов, М. И. Веревкин и В. А. Левшин. Конечно, между ними случались недоразумения, и все-таки книги, сочиненные и переведенные этими неутомимыми тружениками, заложили фундамент материального благополучия новиковского издательства.

Еще находясь в Петербурге, Новиков установил деловые связи со своим былым однокашником по университетской гимназии, видным дипломатом и переводчиком Я. И. Булгаковым. Издание многотомного «Всемирного путешествователя» Ж. де Ла Порта первоначально предполагалось осуществлять на паритетных началах, согласно которым переводчик и Новиков делили пополам все расходы за печатание книги и доходы (за исключением авторского гонорара), полученные от ее реализации. Трения между компаньонами начались с того, что Булгаков не внес в типографию причитавшейся с него суммы, и Новикову пришлось одному нести все расходы. Огорченный неаккуратностью старого знакомца, он предложил ему продать свой перевод, обещая выплачивать гонорар в размере 200 руб. за каждый том «Путешествователя» и сверх того 25 авторских экземпляров. «Больше сего, — писал Булгакову Новиков 15 июля 1779 г., — пропозировать вам не смею, в рассуждении того, что велик увраж, но если в течение продажи увижу я от него выгоды, то будьте уверены, что я не корыстолюбив»[17]. Переводчик нашел для себя более выгодным продолжать издание «Путешествователя» на прежних условиях с новым компаньоном, а Новиков, несмотря на понесенные убытки, предпочел ради сохранения деловой репутации уладить это дело миром.

Далеко не все авторы и переводчики, с которыми приходилось работать Новикову, были столь несговорчивы, как Булгаков. «Наидостопамятнейшим» в своей жизни назвал один из самых энергичных тружеников русского просвещения Андрей Тимофеевич Болотов день 2 сентября 1779 г. когда, отправившись по делам в Университетскую типографию, он впервые познакомился там с ее арендатором; Новиков очаровал гостя «отменною ласкою и благоприятством». «Он был, — вспоминал Болотов, — человек в науках и литературе весьма знающий... и можно было с ним обо всем говорить», так что уже в самые первые минуты беседы «слепилась» между ними крепкая

дружба. Светский разговор неожиданно для ученого провинциала завершился деловым предложением Новикова возобновить под новым названием издание первого в России экономического журнала «Сельский житель», прекратившего свое существование в марте 1779 г. из-за «малого числа бывших на него пренумерантов» Новиков назначил автору «Экономического магазина» ежегодный гонорар в размере 400 руб. (с 1781 г. — 500 руб.), в два раза превышавший вознаграждение, которое выплачивал ему издатель «Сельского жителя» — Х. Ридигер, а сверх того 15 авторских экземпляров каждого номера. Сделка оказалась на редкость выгодной для обеих сторон. С каждым годом деловое сотрудничество Новикова с Болотовым расширялось. Публика охотно покупала нравоучительные сочинения, драмы и переводные немецкие романы, потоком шедшие в Москву из города Богородицкого. Еще за несколько месяцев до ареста Новиков готовил второе издание «Экономического магазина» [18].

Не менее плодовитыми и универсальными сотрудниками были Михаил Иванович Веревкин и Василий Алексеевич Левшин. Последний напечатал у Новикова 22 оригинальных и переводных сочинения.

Большой удачей для Новикова было знакомство с Веревкиным. «Себя самого с взрослыми детьми, — писал другу этот мелкопоместный владелец 37-и крепостных душ, — содержу небольшею пензиею, жалованьем и высочайшим позволением печатать сочинения мои и переводы на счет казны и продавать с моим собственным прибытком [19]. Сие право приносит мне половину наличными деньгами, а другую — печатными русскими книгами, коих у меня накопилось по цене на 1500 рублей» [20]. Бедность вынуждала Веревкина дни и ночи проводить за письменным столом. Четыре послушника-писца, предоставленные в его распоряжение тверским архиепископом Арсением (В. И. Верещагиным), исписывали всякий день «под диктатуру» неутомимого переводчика по «три белые тетради». Не было, кажется, ни одной крупной типографии в России тех лет, где бы не печатались веревкинские сочинения и переводы. Новиков издал два тома переведенных им «Сказаний о мореплавании» (1782—1783), 22 части «Истории о странствиях вообще по всем краям земного круга» А. Ф. Прево д'Экзиля (1782—1787) и шесть томов «Записок, надлежащих до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев» (1786—1788).

В результате этого сложилось парадоксальное положение, когда Екатерина II, в силу данного ею указа, вынуждена была финансировать предприятие своего врага. А тут еще один облагодетельствованный императрицей литератор — автор «Исторического описания российской коммерции» М. Д. Чулков, недовольный медлительностью и плохим качеством работ Академической типографии, передал издание книги, начиная с третьего тома, Новикову. Печатание трудов Веревкина, Чулкова, а также переведенного по приказанию Екатерины II профессорами Московского университета С. Е. Десницким и А. М. Брянцевым «Истолкования аглинских законов» У. Блэкстона (кн. 1—3, 1780—1782) обошлось казне с января 1781 по октябрь 1788 г. в 30 тыс. руб. Больше того, императрица оказалась неисправным должником Новикова, ибо, как выяснилось в ноябре 1790 г., с нее причиталось типографии Московского университета 9807 р. 56 к.[21]

Екатерина II попыталась заставить своих «пенсионеров» прервать деловые связи с Новиковым. «Мои труды, — оправдывался М. И. Веревкин осенью 1786 г. перед одним из клевретов императрицы, — печатаются в Университетской типографии более уже двадцати лет, следовательно, с господином Новиковым лично нет у меня ни малейшей связи. Он откупщик сей типографии на десять лет, из коих семь уже миновало, а я непосредственно с типографиею имею дела»[22]. Оправдания литератора не были приняты во внимание.

Анархия, царившая в русском книжном деле XVIII в., приводила к тому, что даже самый осторожный и честный издатель, зачастую невольно, рано или поздно вступал в конфликт с автором и переводчиком. Об этом лишний раз напоминает объявление в июньском номере «Санктпетербургских ведомостей» за 1788 г., где старый недруг Новикова, переводчик комедий Мольера «Мещанин во дворянстве» и Леграна «Слепой ведущий» П. С. Свистунов обвинил издателя в контрафакции, найдя к тому же в напечатанных пьесах «множество ошибок типографских». Действительно, эти книги не свободны от ошибок. Однако, как можно легко убедиться, большинство из них объяснялось тем, что переводы Свистунова печатались не по его рукописям, а со списков, полученных от кого-то из актеров.

Более строго правительство преследовало контрафакцию в тех случаях, когда она затрагивала интересы каз-

ны. Первое столкновение с законом на этой почве произошло у Новикова в самом начале его карьеры арендатора университетской типографии. Причиной конфликта послужил учебник «Священной истории для малолетних детей» на пяти языках, написанный епископом архангелогородским и холмогорским Вениамином (В. Ф. Румовским-Краснопевковым). Напечатанная в 1778 г. иждивением Е. К. Вильковского в типографии Академии наук, эта книга имела большой спрос у покупателей. Тираж ее оказался недостаточным, и Новиков два года спустя по просьбе дирекции Московского университета, переиздал учебник. Официальный характер заказа позволил издателю, обвиненному Академией наук в контрафакции, легко доказать свою невиновность [23].

Серьезнее были осложнения, возникшие у Новикова с Комиссией об учреждении народных училищ. Заключив 11 июля 1783 г. контракт с владельцем вольной типографии Б. Т. Брейткопфом, Комиссия обязалась печатать все свои издания только у него. К сожалению, сын знаменитого лейпцигского издателя не обладал организационными талантами и деловой хваткой отца. Время шло, в стране с каждым месяцем ощущалась все более острая нехватка учебных пособий. В июле 1784 г. член Комиссии Ф. И. Янкович де Мириево усмотрел из каталога Университетской книжной лавки, что там, равно как и у петербургского комиссионера, купца Федора Антамонова, продавались «Сокращенный катехизис» и «Руководство к чистописанию», ранее распространявшиеся исключительно в централизованном порядке. Оказалось, что эти книги были напечатаны в Москве Новиковым. Комиссия обратилась к московскому главнокомандующему с требованием взыскать с издателя штраф за контрафакцию и конфисковать нераспроданные экземпляры учебников. Однако Новиков и адъютанты московского главнокомандующего графа З. Г. Чернышева И. П. Тургенев и Н. И. Ртищев показали на допросе в полиции, подтвердив это официальными документами, что «Сокращенный катехизис» и «Руководство к чистописанию», а также еще две другие книги — «Правила для учащихся» и «Руководство к арифметике» — были напечатаны по прямому указанию Чернышева. Несправедливость требования конфисковать эти издания стала очевидной даже ярому недругу масонов, новому московскому главнокомандующему графу Я. А. Брюсу. «Как в сих книгах настоит великая надобность, — писал он 25 ноября 1784 г. директо-

ру Комиссии П. В. Завадовскому, — по причине того, что в здешних и уездных городов школах преподают учение по оным, то и буду ожидать ответа: пустить ли те книги в продажу или препроводить в Комиссию, в каковом случае считаю, что содержатель типографии Новиков, по невинности своей, заслуживает удовлетворения за понесенный напечатанием их убыток»[24]. Комиссии пришлось принять издательские расходы Новикова на свой счет.

Думается, что Новиков не злоупотреблял незаконной контрафакцией. Договор с Университетом предоставлял ему право переиздать книги, выпущенные в свет университетским иждивением с 1756 по 1779 г. Кроме того, у него всегда были в резерве несколько периодических изданий и десятки оригинальных и переводных сочинений, ранее напечатанных им в Петербурге. Вторые, третьи и четвертые тиснения этих книг составляли немалый процент в репертуаре новиковского издательства, однако он отлично понимал, что никакая серьезная издательская политика не может базироваться исключительно на переизданиях, а также на контрактах с несколькими плодовитыми писателями и переводчиками-профессионалами. Его огромная по масштабам просветительная деятельность требовала создания прочного коллектива сотрудников, способного удовлетворить запросы читателей всех социальных категорий. Новиков не только сплотил вокруг своего издательства такой коллектив, но и сделал его ядром литературно-общественного союза, который перерос рамки масонства и к концу 1780-х гг. стал важнейшим идейно-политическим фактором современной русской жизни.

В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» зарегистрировано около 90 авторов, печатавших свои оригинальные и компилятивные сочинения у Новикова. Более четверти из них — профессора и студенты Московского университета, примерно столько же лиц духовного звания, главным образом преподавателей гуманитарных дисциплин в Славено-греко-латинской академии и провинциальных семинариях, остальные — учителя, чиновники, военнослужащие, лица свободных профессий.

Обусловленная договором обязанность арендатора Университетской типографии печатать своим иждивением подносные оды и речи профессоров на торжественных актах не была для него слишком тягостной. Лучшие творения признанных законодателей московского Парнаса

М. М. Хераскова и Е. И. Кострова, блестящие образчики научной публицистики, принадлежавшие перу математика и философа Д. С. Аничкова, юриста С. Е. Десницкого, врача С. Г. Зыбелина и филолога А. А. Барсова, имели несомненный успех у читающей публики. Не меньшим спросом пользовались учебные пособия, подготовленные тесно связанным с Университетом историком и лингвистом Н. Н. Бантышом-Каменским (четыре учебника) и студентом-филологом «малороссийского мещанина сыном», в будущем — профессором М. Г. Гавриловым (три учебника).

Помимо Болотова и Левшина, Новиков привлек к сотрудничеству в своем издательстве не уступавшего им в творческой активности литератора и экономиста С. В. Друковцова. Семь его книг по домоводству, напечатанных в Университетской и Компанейской типографиях, можно было найти чуть ли не в любой библиотеке того времени. Эти бесхитростные энциклопедии житейской мудрости пользовались особой популярностью у сельских помещиков, купцов, мещан и зажиточных крестьян, они проникли в самые глухие «медвежьи углы». При активном содействии Новикова состоялся литературный дебют многих провинциальных писателей и ученых (И. А. Переверзева из Харькова, М. И. Прокудина-Горского из Нижнего Новгорода), а также одной из первых русских писательниц Н. А. Нееловой.

Плоды молодой российской Музы не могли насытить всех жаждущих знаний о мире и человеке. Поэтому доминирующее место в новиковском издательском репертуаре занимала переводная литература. Трудно теперь установить точное число переводчиков, работавших на Новикова, так как многие из них по тем или иным соображениям предпочитали сохранять инкогнито. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» зарегистрировано 163 литератора разных по социальному положению, возрасту и профессии, чьи переводы классических сочинений и последних новинок с французского, немецкого, латинского, греческого, английского, итальянского и китайского языков печатались в Университетской и Компанейской типографиях. Для большинства из них (110 переводчиков) сотрудничество с Новиковым заканчивалось после выхода первой книги, переведенной ими. Однако постепенно при новиковском издательстве сложился довольно стабильный актив (около 40 человек) переводчиков-профессионалов. Трудолюби-

вые и энциклопедически образованные В. А. Левшин и М. И. Веревкин, крепостной библиотекарь графа Шереметьева В. Г. Вороблевский и купеческий сын Ф. В. Каржавин с равной охотой переводили новые романы и наставления в поваренном искусстве, философские трактаты и лечебники.

Немалый вклад в общее дело внесли собратья Новикова по масонской ложе. И. В. Лопухин, А. М. Кутузов и И. П. Тургенев переводили, наряду с мистическими сочинениями предтеч и учителей масонства, нравственно-философские трактаты Руссо, аллегорические повести Мерсье, духовные поэмы Клопштока и Юнга. Эти книги, по замыслу вольных каменщиков, должны были подготовить к восприятию масонских идей их будущих адептов и «сочувственников».

Верными помощниками своих наставников стали первые «стипендиаты» ордена — А. А. Петров, М. И. Багрянский, Д. П. Рунич и А. Ф. Лабзин. Переведенные ими на русский язык классические труды по педагогике, драматические миниатюры и назидательные повести для юношества заметно повысили в русском обществе интерес к вопросам воспитания подрастающего поколения. Как переводчики начинали литературную карьеру два наиболее известных питомца Новикова, чьи имена навсегда вошли в историю отечественной словесности — Н. М. Карамзин и В. С. Подшивалов. На всю жизнь сохранили они любовь и признательность к своему учителю.

В отличие от переводчиков-универсалов, некоторые сотрудники Новикова специализировались по определенным отраслям знания, национальным литературам и даже отдельным писателям. Примером тому могут служить переводы философских трактатов Руссо, сделанные секретарем Хераскова, а затем профессором Московского университета П. И. Страховым. Профессор С. Е. Десницкий регулярно знакомил русских читателей с новейшими английскими работами по политэкономии, юриспруденции и аграрному вопросу. Немецкая эстетика и философия представлена в новиковском издательском репертуаре переводами учителя Смоленской духовной семинарии И. Г. Морозова. Старый друг и сотрудник университетского типографа М. И. Попов переводил сочинения итальянских политических мыслителей.

Самой многочисленной и пестрой по составу была группа переводчиков зарубежной беллетристики. Большинство среди них составляли студенты Московского

университета, впоследствии известные литераторы и ученые Я. И. Благодаров, Ф. В. Генш, И. С. Захаров, А. Ф. Малиновский и Н. И. Страхов. Примечательна литературная деятельность одного из первых русских германистов, «сержантского сына» Ф. И. Сапожникова. Страстный пропагандист творчества Виланда, он перевел пять романов любимого писателя, по достоинству признанных современниками образцами сентиментально-философской прозы. Перевод романа Фенелона, изданный Новиковым, был первым в огромном списке ученых и литературных трудов преподавателя Воронежской духовной семинарии, будущего митрополита Е. А. Болховитинова. Не менее знаменательно для истории отечественной словесности активное участие в новиковских просветительных предприятиях женщин-переводчиц М. В. Сушковой (урожденной Храповицкой), Е. К. Ниловой и Е. И. Воейковой. Среди сотрудников Новикова можно найти даже целую семью переводчиков, отпрысков старинного дворянского рода брата и двух сестер Вельяшевых-Волынцевых.

Приватные переводы у русских студентов были способом пополнить свой скромный бюджет. Литературные дельцы нещадно эксплуатировали их. «Тогдашние издатели, — вспоминал современник Новикова, ученик Александроневской семинарии И. И. Мартынов, — студенческими переводами не брезгали, зная по опыту, что они дешевле всяких других. Случалось и так, что перевод делал студент за ничтожную плату, а на заглавном листке выставлялось имя какого-нибудь известного уже российского Клопштока» [25]. По свидетельству сотрудников, Новиков выгодно отличался от многих своих собратьев по профессии. Он не скупился на плату авторам и переводчикам. Чаще всего это был твердый и довольно высокий для того времени гонорар, составлявший, по дошедшим до нас сведениям, 10 руб. за печатный лист переведенной с иностранного языка книги [26]. Стремясь поддержать в учащейся молодежи охоту к литературным занятиям, он иногда покупал два или три перевода одной книги. Лучший из них издавался, а остальные уничтожались. Новиков активно стремился приобщить молодых переводчиков к своим просветительным начинаниям. Немалую помощь в подготовке будущих сотрудников новиковского издательства сыграл И. Г. Шварц. Созданные по его инициативе на средства Дружеского ученого общества Педагогическая (1779—1786) и Переводческая

(1782—1786) семинарии подготовили из талантливых воспитанников провинциальных духовных училищ десятки высококвалифицированных переводчиков, литераторов и издательских работников. Практически те же цели преследовало корпоративное студенческое объединение «Собрание университетских питомцев» (1781—1786), участники которого регулярно собирались для чтения и обсуждения своих литературных опытов. Первую школу самостоятельного творчества новиковские питомцы прошли в его журналах «Утренний свет» (1779—1780), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782), «Городская и деревенская библиотека» (1782—1786) и «Покоящийся трудолюбец» (1784). Эти журналы, хотя и не приносили издателю и сотрудникам практически никаких доходов, были полезны Новикову уже тем, что помогали создать прочный авторский коллектив, выявить наиболее способных и деятельных молодых литераторов.

«Стараниями Новикова, — как справедливо считал А. Т. Болотов, — весьма многим одаренным склонностью к наукам и способностью к писанию и сочинениям отворен был путь и преподан случай и возможность к оказанию своих способностей и сил разума, так что чрез самое то сделались они потом сочинителями и такими авторами, которые ныне истинную честь приносят своему отечеству» [27].

Важное место в системе новиковских просветительных предприятий занимала филантропическая библиотека. Наряду с педагогической и переводческой семинариями она успешно обслуживала его издательство, являясь одновременно центром пропаганды идей нравственного самоусовершенствования и масонского учения. Ни в официальных документах, ни в эпистолярном наследии читателей этой библиотеки не сохранилось почти никаких сведений о ней. Однако факт ее существования не подлежит сомнению, об этом свидетельствуют воспоминания двух сотрудников Новикова — поэта И. И. Дмитриева и митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова) [28].

Нам представляется, что библиотека дружеского ученого общества, а затем — Типографической компании была подобна дому с потайными комнатами. Непосвященные в масонское братство допускались только в «прихожую», хотя и здесь имелся богатый выбор философско-назидательных сочинений, вводивших в круг нравственных и теологических проблем масонского учения. По-

священие в орден открывало доступ в «герметическую» (тайную) библиотеку, укомплектованную полным собранием трудов учителей и теоретиков вольного каменщичества [29]. Первое время публичная и «герметическая» библиотеки находились в разных концах Москвы (первая — при Университетской типографии, другая — на квартире у Шварца), однако впоследствии они слились воедино и были размещены в шести просторных комнатах Гендрикова дома.

О характере и структуре фондов этого книжного собрания можно судить только по дошедшим до наших дней описям, составленным при конфискации новиковского имущества [30]. В силу многих причин документ подобного рода не дает реальной картины состояния библиотеки Дружеского ученого общества в годы расцвета просветительной деятельности Новикова. И все-таки, за неимением других источников, воспользуемся плодами многомесячных трудов екатерининских цензоров.

К апрелю 1792 г. в библиотеке насчитывалось более 4000 названий (8,5 тыс. томов) книг, журналов и рукописей на русском, латинском, греческом, немецком, французском, голландском, польском, английском и арабском языках.

Здесь был представлен практически полный репертуар новиковских изданий. Избранную библиотеку оригинальных и переводных сочинений на русском языке дополняли книги, напечатанные в других петербургских и московских типографиях. Из отечественной беллетристики следует назвать первые издания сочинений М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского, «Сатиры» (Спб., 1762) А. Д. Кантемира, «Россияду» (М., 1779) и «Чесменский бой» (Спб., 1771) М. М. Хераскова, романы Ф. А. Эмина, драматические сочинения Екатерины II, И. А. Дмитриевского, Б. Е. Ельчанинова и В. И. Лукина. Читатели могли получить в новиковской библиотеке «Илиаду» Гомера в переводе Е. И. Кострова (Спб., 1787), трагедии Корнелия, переведенные Я. Б. Княжниным, «Телемака» Фенелона (Спб., 1767) и «Дон Кихота» Сервантеса (Спб., 1769). Вниманию любителей книг философских и политических предлагались «Наказ» Екатерины II, «Российская история» Ф. А. Эмина (Спб., 1768—1769), «Полное описание деяний Петра Великого» Ф. О. Туманского (Спб., 1788) и «Журнал Н. П. Рычкова» (Спб., 1770). Картину современного состояния российской словесности довершали комплекты журналов, начиная с «Ежемесячных со-

чинений к пользе и увеселению служащих» (Спб., 1755—1764) и «Трудолюбивые пчелы» (Спб., 1759) до «Санкт-петербургского вестника» и «Беседующего гражданина».

Коллекция классических сочинений античных писателей, крупнейших мыслителей и художников Возрождения, мэтров классицизма и провозвестников эпохи сентиментализма, а также естественнонаучные труды, широко представленные в библиотеке, могли бы украсить собой любое крупное государственное книгохранилище того времени.

Библиотека Дружеского ученого общества не стояла мертвым капиталом на книжных полках. Об этом косвенно свидетельствуют неожиданные лакуны в многотомных сочинениях и комплектах периодических изданий — следы находящихся в чтении и «зачитанных» книг. Любопытно отметить, что здесь имелось по нескольку экземпляров наиболее популярных у читателей романов и драматических сочинений.

И все-таки описи масонского книгохранилища интересны прежде всего как наиболее достоверная информация о первоисточниках, на которых базировалась издательская деятельность Новикова. При просмотре цензорских описей выявляются сотни оригинальных сочинений, переведенных или скомпилированных сотрудниками Новикова.

Любовно и со знанием дела скомплектованный фонд новиковской библиотеки избавлял переводчиков от необходимости приобретать дорогие подлинники либо искать их в малодоступных государственных книгохранилищах. В свою очередь, Новиков с помощью умело подобранных книг имел великолепную возможность использовать творческую энергию своих молодых сотрудников для решения наиболее важных, с его точки зрения, идеологических и эстетических задач.

Глава 4
ИЗДАНО ИЖДИВЕНИЕМ НОВИКОВА

За 13 лет (1779—1792 гг.) в пяти новиковских типографиях было напечатано более 1000 книг и журналов на русском, латинском, французском и немецком языках, что составляет почти 1/3 всей книжной продукции России того времени. Эта цифра окажется еще внушительнее, если учитывать число томов, а не названий, так как Новиков выпустил в свет немало объемистых романов, пространных пособий по домоводству и фундаментальных трудов отечественных и зарубежных историографов. Постепенно повышая производительность труда на своих предприятиях, он добился поистине впечатляющих результатов. В период наивысшего расцвета его просветительной деятельности (1787—1788 гг.) здесь ежегодно печаталось до 150 новиковских и заказных изданий.

Трудно, а может быть даже и невозможно из-за отсутствия типографских архивов установить точное количество книг, изданных Новиковым в Москве на собственный счет. В 1781—1785 гг. вышли в свет иждивением арендатора Университетской типографии и его компаньонов 125 сочинений самой разнообразной тематики: несколько десятков богословских трактатов и театральных пьес, роман К. М. Виланда «Агатон» в четырех частях (1783—1784) и философские повести Вольтера (1784), «Русские сказки» В. А. Левшина (1780—1783) и второе издание «Поваренных записок» С. В. Друковцова (1783). Столь же пестрым был репертуар изданий Типографической компании (40 книг, напечатанных в 1785—1792 гг.), где мирно уживались знаменитый «Плач» Э. Юнга в переводе А. М. Кутузова (1785) и настольная книга провинциальных помещиков — «Псовый охотник» (1785). Несомненно, что Новиков, как и многие его современники, нередко предпочитал сохранять инкогнито, печатая на свой «кошт» малозначительные развлекательные повестушки или полузапретные мистические сочинения [1]. Еще сложнее выявить источники финансирования потаенных изданий масонских лож, предназначавшихся для узкого круга вольных каменщиков. Затраты на печатание скорее всего покрывались за счет добровольных пожертвований богатых масонов либо самим Новиковым из выручки от продажи ходовых романов и пособий по домоводству.

Крупнейшим заказчиком московского просветителя был Университет, регулярно выпускавший в свет учебные пособия, научные труды и литературные опыты преподавателей и студентов. Примерно таков же по составу, только с богословским уклоном репертуар книг, напечатанных у Новикова иждивением Московской славено-греко-латинской академии и провинциальных духовных училищ. Нередко в роли издателей выступали частные лица: авторы и переводчики, их покровители-меценаты, а чаще всего — предприимчивые книготорговцы и переплетчики. Нам известны имена лишь нескольких новиковских клиентов: купца А. С. Сыромятникова, переводчика комедии П. Бомарше «Фигарова женитьба» (1787) масона А. Ф. Лабзина, а также известного археографа конца XVIII в. Н. Н. Бантыша-Каменского. Думается, что на самом деле их было в десятки раз больше.

Немалое место в продукции типографии Новикова (до 25%) занимали переиздания книг, ранее напечатанных на его счет, либо являвшихся собственностью Московского университета [2]. Именно они приносили ему основной доход в период жестоких полицейских репрессий. Объявляя осенью 1786 г. о подписке на второе издание Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова, арендатор Университетской типографии сообщал в «Московских ведомостях», что первоначальный тираж разошелся весь без остатка. Наглядным показателем большого спроса на книги, напечатанные иждивением Новикова, могут служить не только их многочисленные переиздания, но и списки особенно полюбившихся разночинным читателям романов, «душеполезных» поэм и философских сочинений [3].

Невозможность абсолютно точно распределить всю или достаточно большую часть новиковской книжной продукции по издателям вынуждает нас рассматривать ее как некий идейно монолитный комплекс. И это вполне правомерно. Известно, что Новиков скупал и уничтожал переводы вредных, по его мнению, книг. Поэтому, пусть и не в полной мере, все книги с новиковской маркой отражают характер и основные направления издательской деятельности русского просветителя.

Классификация книжного репертуара новиковских типографий — задача чрезвычайно сложная и трудоемкая. Только внимательно перечитав более 1000 книг, выпущенных Новиковым, исследователь может достаточно компетентно, без субъективизма и предвзятости судить

о каждой из них. Кроме того, ему неизменно следует помнить о своеобразном синкретизме науки и литературы XVIII в., о многоаспектности, сложной композиции (символика, аллегоризм, аллюзионность) и разном читательском назначении сочинений, внешне относящихся к тому или иному разделу. Поэтому любая попытка четко систематизировать всю новиковскую продукцию по ее тематике неизбежно наталкивается на неполноту наших сведений об этих книгах и многогранность их содержания. В этих условиях разумнее всего отказаться от точных статистических подсчетов, ограничившись только выяснением основных пропорций между важнейшими тематическими разделами.

Первое место среди книг, напечатанных в типографиях Новикова, неизменно занимала оригинальная и переводная беллетристика (около 50%); далее следовали богословские и масонские сочинения (около 20%), а затем общественно-политическая (история, философия и юриспруденция), педагогическая, экономическая и справочная литература. С 1779 по 1792 г. Новиковым было выпущено более 300 произведений русских авторов, правда, далеко не равноценных по своим литературным и познавательным достоинствам. Характерно, что даже разделение новиковских книг на оригинальные и переводные оказывается довольно затруднительным, так как многие из них до сих пор не атрибутированы.

Многоцелевое назначение книжной продукции Новикова оставляет возможность для ее тенденциозного истолкования. Его первый биограф М. Н. Лонгинов, а вслед за ним А. Н. Пыпин пытались свести всю его издательскую деятельность к пропаганде масонской идеологии. С этих позиций любая книга, где встречались религиозно-нравственные рассуждения, зачислялась в разряд теологии. Сочинения светского и беллетристического содержания, не укладывавшиеся в эту схему, либо объявлялись чисто «коммерческими» изданиями, либо попросту игнорировались. Примером другой крайности могут служить статья Л. Я. Фридберга «Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова в Москве (1779—1792)», опубликованная в журнале «Вопросы истории» (1948, № 8), и книга Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века» (М., Л., 1951).

В этих работах на первый план выдвигалась чисто просветительная направленность новиковских изданий и

затушевывалась, вплоть до полного отрицания, приверженность Новикова масонской идеологии.

Масонство, по своей природе тяготевшее к мистике и теософии, не противопоставляло себя положительному знанию о мире и человеке. Излагая студентам Московского университета основы учения вольных каменщиков, друг Новикова, профессор И. Г. Шварц учил, что средствами к достижению истины должны служить разум (наука), чувство (литература и искусство) и откровение (религия). Только просвещенный, высоконравственный неофит мог, по его мнению, подняться до понимания сокровенных тайн бытия.

Первое время московские масоны с одобрением встречали каждое новиковское издание, будь то духовные поучения блаженного Августина, сентиментальный роман Руссо или учебник математики. Все они в той или иной степени годились для «полировки дикого камня» (по масонской терминологии) русских душ, подготавливая их к восприятию мистических истин. Однако после того, как орден завел в Москве тайную типографию, печатавшую «богооткровенные» сочинения, все остальное было забыто. Шредер, Лопухин, а вслед за ними большинство других масонов стали считать полезным издание только таких книг. В конечном итоге общественные интересы, служение которым немало укрепило авторитет Новикова и его единомышленников, приносились в жертву узкоорденским целям. Постепенно хвалы разуму сменились призывами к интеллектуальному самоограничению, страхом перед умственным «пресыщением». После запрещения правительством печатать мистические сочинения интерес масонов к издательской деятельности Новикова заметно угас. «Книги печатаются только такие, — с горечью сообщал И. В. Лопухин А. М. Кутузову в Берлин 18 ноября 1790 г., — и не могу сказать какие, ибо такая дрянь, что я и не интересуюсь ныне знать о типографской работе. Сказки да побаски, только для выручки денег на содержание» [4].

Можно не сомневаться, что Новиков не меньше, чем другие масоны, способствовал распространению в русском обществе трудов своих собратьев по ордену. И все-таки он не мог и не считал разумным ограничиться только их изданием. Если для Шредера, Лопухина и Гамалеи печатание романов, учебников, книг по русской истории и экономии было лишь чисто коммерческим предприятием, средством покрыть орденские расходы, то Но-

виков видел в них могучее орудие в борьбе за умы и сердца соотечественников. Практически чуть ли не каждая выпущенная им в свет книга представляла собой еще один шаг в осуществлении программы воспитания идеального человека. Возвышенный духом мудрец (масонство, философия), проникающий умственным взором в тайны природы (наука), знаток человеческого сердца (литература, искусство) и достойный гражданин (политика, история), рачительный хозяин своего имения и добрый пастырь подначальных ему людей (экономия, медицина), а кроме того умелый воспитатель грядущих поколений (педагогика) — таким виделся Новикову его читатель, для которого он самоотверженно работал всю жизнь.

Более трети книг, изданных Новиковым, составляла оригинальная и переводная беллетристика. В отличие от многих его современников, русскому просветителю было чуждо пренебрежительное отношение к любым сочинениям, входившим в этот разряд словесности. Предостерегая неискушенных читателей от чрезмерного увлечения «забавными книгами нынешнего времени», друг и наставник Новикова в исторических разысканиях академик Г. Ф. Миллер настойчиво советовал переводчикам восточных сказок и рыцарских романов переводить древних греческих и латинских авторов. Однако наивным было бы ожидать, что круг чтения учащейся молодежи, а тем более купечества и разночинцев, впервые приобщавшихся к книге, удастся искусственно ограничить Гомером и Платоном, Горацием и Цицероном. Не случайно в новиковском издательском репертуаре античные авторы занимали незначительное место. Новиков напечатал знаменитый роман Л. Апулея «Превращение, или Золотой осел» в великолепном переводе Е. И. Кострова (1780—1781), а несколько лет спустя — «Афинские ночи» Авла Геллия (1787), представлявшие определенный интерес для масонов описанием древних таинств, и тем ограничился. Он хорошо помнил, как плохо расходились издания, выпущенные в свет «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг», и не считал нужным повторять его промахи. Воздавая должное основоположникам западноевропейского классицизма, Новиков почти не печатал их сочинений.

Единственное исключение делалось для предшественника бытовой, антифеодальной комедии XVIII в. Жана Батиста Мольера.

Смелый разрыв с догмами классического воспитания позволил московскому издателю избрать единственно верный в тех условиях путь. Он вел незаметную, но упорную борьбу против бульварного чтива, наводнившего русский книжный рынок. «Оставь опасные сочинения, — взывал новиковский журнал к вступающему в свет юноше, — сколь сердце твое ни хорошо, не читай их однако ж ныне. Ты знаешь, что я люблю веселость и тонкость остроумия, но остроумие в сочинении развратном, хотя бы оно было тончайшее, представляется не лучше, как красота в доме распутствия, и тем она обманчивее, чем более приятности и вид невинности пороку придать умеет»[5].

Случалось, что из стен Университетской типографии выходили книги, явно не отвечавшие требованиям строгой пуританской морали и не блиставшие особыми литературными достоинствами. Именно здесь впервые был напечатан популярный еще в рукописной традиции приключенческий роман Ж. Кастийона «История о славном рыцаре Златых Ключей Петре Прованском и о прекрасной Магелоне» (1780), переизданы «Повесть о княжне Жеване» К. Ф. Ламбера (1788) и «История о принце Солии» А. Пажона (1788). Книгами, «не имеющими никаких совершенств», справедливо называл А. Т. Болотов сочинения подобного рода[6].

Не менее суровый прием у просвещенных читателей встретили новиковские переиздания первенцев отечественной приключенческой литературы: романов Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» (1781) и «Приключения Фемистокла» (1781), «Похождения Ахиллесова» М. Д. Чулкова (1788) и знаменитого «детектива» М. Комарова «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина; второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей» (1788). Филистерам типа Болотова не по душе пришлись эминские герои — «авантуриеры и проходимцы»; в их рассуждениях о гражданской вольности и правах человека они видели только «неприличное умничанье», «глупую и вздорную галиматью».

Еще больше упреков в адрес Новикова вызвали изданные им сборники русских сказок, песен и пословиц. По мнению московского архиепископа Платона, все они были «бесполезными», не заслуживавшими печати книгами. Причину столь сурового отзыва нетрудно понять,

познакомившись с содержанием «Нового и полного собрания российских песен» М. Д. Чулкова, доработанного и напечатанного на свой счет Новиковым (1780—1781). «Ты взойди ко мне в келейку погреться, — умоляла милого друга несчастная инокиня, заточенная против своей воли в монастырь, — принеси мне цветно платьице одеться, я оставила бы мрачную пустыню и притворного смиренства благостыню» (ч. 5, с. 105). Не менее «кощунственно» звучали слова других песен, герои которых жаловались на тяготы монастырского житья, мечтали о счастье и любви. От зоркого глаза духовного цензора не укрылись песни, прославлявшие удалого донского казака Степана Разина и отважную «воровскую» атаманшу. Читатели-разночинцы, чутко откликавшиеся на каждое сочувственное народу слово, горячо приняли новиковский песенник. Его покупали, перепродавали, зачитывали до дыр, списывали, заучивали наизусть.

За 14 лет издательской деятельности в Москве Новиков напечатал около 20 томов русских сказок. Большей частью это были даже не народные сказки, а авантюрно-любовные романы в «декорациях» Древней Руси. Условность сюжетов и их литературного обрамления позволяла герою одной из повестей в сборнике В. А. Левшина «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787—1788) надевать очки, читая новгородцам указы их первых князей, а в доказательство существования русалок приводить цитаты из парижского «Journal Encyclopedigue». Ученые мужи снисходительно смотрели на эти псевдобылины об отечественных Сидах и Телемаках, разночинная публика упивалась подвигами и любовными похождениями добродетельных Вадимов и Судиславов, а издатель получал неплохой доход.

Совсем иначе воспринимались разными слоями читателей сказки сатирические и бытовые, содержавшие в себе порой серьезный обличительный заряд. Отвратительный паноптикум спесивых дворян, мотов и картежников, представленный в «Сказках» А. О. Аблесимова (1787) и «Бабушкиных сказках» С. В. Друковцова, напоминал современникам Новикова печально знаменитых героев «Трутня» и «Живописца». Немного найдется в русской литературе XVIII в. столь острых антикрепостнических памфлетов, как рассказ о бешеной барыне, выпоровшей спасшего ее от смерти лакея[7].

Особой популярностью в купеческой и разночинной среде пользовались 10-томные «Русские сказки» искусно-

го компилятора В. А. Левшина (1780—1783), составившего довольно пестрый «букет» из рыцарских романов, восточных сказок, оригинальной сатирической повести о «новомодном» петиметре Несмысле и вульгарно-язвительных фацетийных рассказов об удачливых ворах Тимоше и Фомке. «Вешают только дураков, кои мало крадут, — поучал своих неразумных сообщников Фомка. — Например, третьего дня видел я: в городе повесили крестьянина за то, что он, умирая с голоду, украл у скупого богача четверть ржи. А старый наш воевода украл у короля 30 000 рублев; его только сменили с места и не велели впредь к делам определять» (ч. 2, с. 33). Намек на русскую действительность был слишком прозрачным, и не случайно архиепископ Платон счел левшинские сказки столь же вредными, как и песенник Чулкова. Совсем с иных позиций раскритиковали эту книгу петербургские просветители-дворяне, увидевшие в рассказах о ворах лишь грубые кабацкие басни, на тиснение которых «жаль бумаги, перьев, чернил и типографских литер»[8].

Трудно сказать с полной уверенностью, имел ли Новиков заранее продуманную программу приобщения к моральным и общественным проблемам малоподготовленных читателей с помощью авантюрных романов, песенников и сказок, либо этот раздел новиковского репертуара складывался стихийно. Ясно одно: массовая литература не была для него простым «типографским продуктом» и являлась первой, пусть еще очень шаткой и ненадежной ступенькой к истинному знанию, к настоящим, в его понимании, книгам.

Дифференцированный подход к разным категориям читателей, отвергающий барское пренебрежение к «неучам» и беспринципное заигрывание с толпой, Новиков завещал своим ученикам. Самый талантливый из них — Н. М. Карамзин — сумел емко и лаконично сформулировать то, что на практике много лет осуществлял его наставник и друг. «Надо всякому что-нибудь поближе, — писал он, — одному Жан Жака (Руссо), другому Никанора (роман неизвестного русского писателя XVIII в.)... И кто начинает (Никанором), нередко доходит до Грандисона (роман С. Ричардсона)»[9], т. е. до чтения действительно полезных книг.

Рано поняв, как трудно приохотить к чтению малообразованного человека, предлагая ему сочинения древних классиков, философские трактаты и диссертации академиков, Новиков обращал особое внимание на издание и

рекомендацию книг, в которых развлечение органично соединялось бы с пользою. «Искусство соединять нравоучение с повествованием приключений, — писал он в отзыве о „Новых восточных сказках“, собранных А. Келюсом, — и вывести из худого дела великую истину, которая всем видна, составляет одну важнейшую приятность, сопряженную с чтением сих сказок... Читатель восхищен бывает, находя достойное примечания дело между множеством невероятных рассказов»[10].

Стремясь содействовать воспитанию у читателей хорощего литературного вкуса, Новиков издал в 1783 г. филологическое сочинение П. Д. Гюэ «Историческое рассуждение о начале романов» с приложением «Разговора о том, какую можно получить пользу от чтения романов» Ж. Б. Бельгарда. «Чтение романов, — говорилось в рекламном объявлении о выходе в свет этой книги, — таким же и в любезном нашем отечестве сделалось поветрием, каким оно есть во Франции, Германии, Англии и других землях; и многие из почтенных наших соотчичей, не говоря уже о прекрасном поле, столько заражены им, что и совсем не читают никаких книг, кроме оных; других же, водимы будучи таковым же пристрастием, читают их, не зная сами, какую от чтения оных можно получить пользу. Всем таковым надеемся мы услужить сею предлагаемою книжкою, в которой... находится весьма нужное и полезное наставление о том, как чтением оных можно и воспользоваться. Трудившиеся в переводе оной и издатель довольно награждены будут, ежели все любители романов примут на себя труд прочесть сие сочинение, посвященное очищению их вкуса»[11]. Эти мысли были очень близки Н. М. Карамзину, его соратникам и последователям — провозвестникам эпохи сентиментализма в русской литературе, и не утратили своей актуальности вплоть до пушкинских времен.

Среди тысячи книг, напечатанных Новиковым, можно найти полтора-два десятка легковесных романов. Своим появлением в свет они были обязаны недосмотру издателя, алчности заказчиков и другим подобного рода причинам, которые неизбежны в любом предприятии таких масштабов. И все-таки подавляющее большинство повестей, романов, драматических и поэтических сочинений с книжной маркой Новикова и, в первую очередь, его собственные издания наглядно демонстрировали принцип соединения развлечения с нравоучением в самых разнообразных

формах: от элементарных моральных наставлений до высокой философской и политической публицистики.

Характерно, что среди первых новиковских изданий, напечатанных в Университетской типографии, были две фундаментальные антологии лучшей европейской прозы: «Библиотека немецких романов» в трех частях (1780) и 12-томный журнал «Городская и деревенская библиотека» (1782—1786), распространявшийся по подписке вместе с газетами. Многообразие эстетических и идейных устремлений просветителей 1780-х гг. ярко проявилось при отборе материалов для очень похожих, но далеко не одинаковых по составу сборников. Если внимание переводчика берлинской «Bibliotek der Romane»[12] В. А. Левшина привлекли полные мистических аллегорий легенды о рыцарях Круглого стола, история чернокнижника Фауста и фантастический роман писателя-масона Ж. Казотта «Влюбленный дьявол», то центральное место в литературных приложениях к «Московским ведомостям» заняли остросатирические «Пословицы российские» и вольнодумная повесть Вольтера «Энни, или Мудрец и Атеист».

В 1784 г. Новиков напечатал «Сатирические и философские сочинения» фернейского патриарха (в том числе знаменитую «Похвалу разуму»), а несколько лет спустя переиздал одну из его самых дерзких антиклерикальных сказок «Принцесса Вавилонская» (1788). Можно не сомневаться, что многие богобоязненные и благонамеренные читатели сурово осудили этот поступок. Повальная мода на Вольтера в России отходила в прошлое, и былые вольтерьянцы спешили уличить автора «Кандида» и «Орлеанской девственницы» в цинизме, атеистической безнравственности и политическом авантюризме. Многое из того, что говорил и писал Вольтер, было глубоко чуждо и Новикову, поэтому он не рекомендовал читать юношеству его «острозамысловатые» книги, напечатал антипросветительский трактат И. В. Лопухина «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил» (1780), активно пропагандировал ненавистный великому скептику мистицизм. Все это так, однако в отличие от большинства собратьев по ордену, московский книгоиздатель сохранял терпимость к инакомыслящим и стремление к свободе и справедливости. «Кто бы ни был Вольтер, — писал летом 1784 г. неизвестный корреспондент новиковского журнала, скрывшийся под псевдони-

мом Ханженелюбов, — хотя впрочем и он в некоторых случаях неизвинителен, при всем том он один гораздо был полезнее для общества, нежели все полчища пустосвятов»[13].

Апология мудрого уединения, культ искренних чувств и глубокое отвращение к любым проявлениям фанатизма и нетерпимости составляли основу нравственного учения великого современника и антагониста Вольтера — Руссо. Не удивительно, что изданный Новиковым в прекрасном переводе П. И. Страхова отрывок из знаменитого философского романа Руссо «Емиль и София» (1779) встретил восторженный прием в самых разных слоях русского общества. Московские масоны, петербургские вольнодумцы и прагматичный А. Т. Болотов проявили удивительное единодушие, высоко оценив литературные и педагогические достоинства этого выдающегося памятника просветительной мысли XVIII в.

Тонкий психологизм и высокая патетика, изящество слога и страстная гражданственность издавна привлекали читателей в сочинениях французского писателя-гуманиста Ж. Ф. Мармонтеля. Ученик Фенелона и Вольтера, один из ранних предшественников сентиментализма, он сумел воплотить в новых художественных формах традиционные для просветителей сюжеты. «В сей книге, — писал рецензент „Московских ведомостей“ о переизданном Новиковым философском романе Мармонтеля „Инки, или Разрушение Перуанской империи“ (1782), — описано падение сей империи от рук испанцев, и цель сего сочинения клонится к тому, чтобы вселить всевозможное омерзение к суеверию, истребляющему вселенную, воспрепятствовать смешению оного с верою и вперить столько же почтения и любви к сей последней, сколько ненависти и омерзения к первому»[14]. Те же идеи, талантливо вплетенные в канву увлекательного повествования, читатели находили в третьем издании романа-утопии «Велизер» (1785), на страницах лирических комедий и «Нравоучительных сказок» (1787—1788) Мармонтеля[15].

Не меньшей популярностью в России пользовались последователи Вольтера и Руссо: автор изящной пасторали «Галатея» (1790) Ж. П. Флориан и создатель целой серии «ужасных» повестей, мрачный преромантик Ф. Арно де Бакюлар. Поэзия бурных, но чистых страстей, трагическое столкновение чувства и долга вполне искупали в глазах Новикова надуманность безысходных ситуаций, столь характерную для творческой манеры Арно, и его чрезмер-

ную «кровожадность». За 10 лет он издал четыре книги этого плодовитого писателя: «Зенотемис» (1779), «Люция и Мелания, или Две великодушные сестры» (1782), «Макин» (1782) и «Сидней и Силли» (1788), а в 1789 г. было напечатано собрание «арнодовых» сочинений в двух частях с мало подходящим названием «Успокоение чувствительного человека».

Прямой противоположностью «черным» романам Арно был светлый мир героев «немецкого Вольтера» — К. М. Виланда, «заслужившего себе», по мнению Новикова, «не последнее место между славнейшими писателями... приятным предложением, красотою замыслов, тонкостью мыслей и философскими познаниями»[16]. Московский издатель регулярно знакомил своих соотечественников со всеми новейшими произведениями виландова пера. К концу 1780-х гг. русские читатели получили великолепные переводы двух его поэм «Музариона, или Философия граций» (1784) и «Оберон, царь волшебников» (1787), нравоучительной сказки «Комбаб» (1783) и гимна гармоничному человеку «Агатон» (1783—1784), язвительной пародии на рыцарские романы «Новый Дон Кишот, или Чудные похождения дона Сильвио де Розальвы» (1782). Особое место в новиковском репертуаре заняла философская повесть Виланда «Золотое зеркало, или Цари Шешианские» (1781). Именно здесь писатель-масон, высоко чтимый собратьями по ордену за умеренный гедонизм, веру в торжество «здравого смысла» и острый ум, нарисовал картину идеального царства разума и справедливости.

Реальная жизнь современников Новикова была непохожа ни на волшебные вымыслы Виланда, ни на чудовищные мелодрамы Арно. Утопия, даже самая прекрасная, ненадолго занимает воображение читателя, тогда как повседневная действительность постоянно напоминает о себе. Английские писатели-сентименталисты XVIII в. первыми поняли, как важны для маленького человека уроки обыденной морали. Их романы стали в лучшем смысле этого слова учебниками нравственности для тысяч просвещенных европейцев. «Не буду я удивляться, — писал на страницах новиковского журнала И. П. Тургенев, — если и одна книга — „Кларисса“ и „Грандисон“ (С. Ричардсона — *И. М.*) — примечательному читателю более изрядных и благородных вольет чувствований, нежели полная библиотека нравоучительных сочинений»[17].

Новиков целиком разделял это убеждение, свидетельством чему могут служить напечатанные его иждивением

автобиографический роман Т. Д. Смоллета «Похождение Родрика Рандома» (1788), «Повесть о Томе Ионесе, или Найденыше» Г. Филдинга (1787—1788) и печальная история «Вакефильдского священника» О. Голдсмита (1786). За внешней обыденностью сюжетов и непринужденной манерой повествования английских сентименталистов русский издатель сумел разглядеть глубину и тонкий психологизм авторских характеристик, «простой и привлекательный слог, изображение происшествий так, как оные случаются в общежитии, безо всякого романтического и сильного напряжения, здравые рассуждения и советы, трогающие картины превратностей жизни сей»[18].

«Семена самовластия и мучительства не распространяют никогда корня своего между людьми вольными»,— писал Г. Брук, автор «англинской» повести «Слабоумный вельможа», напечатанной на русском языке только в отрывках[19]. Художественная литература всегда была одним из самых могучих средств в борьбе с идеологией рабства и насилия, что не раз блестяще доказал Новиков умелым отбором для русских читателей произведений французских, английских и немецких просветителей.

Отечественная проза XVIII в. представлена в новиковском репертуаре двумя аллегорическими повестями М. М. Хераскова «Золотой прут» (1782) и «Кадм и Гармония» (1789), несколькими сентиментальными рассказами молодых писателей и многочисленными переизданиями «Живописца». Современная критика и читатели тепло встретили появление тоненькой книжечки «Разных повествований, сочиненных некоторою россиянкою» (1779) и «Утренников влюбленного» В. А. Левшина (1779), увидев в этих слабых ростках нового для русской словесности жанра задатки его будущих успехов. Та же «нежность» слога и «чистота» языка отличали чувствительный роман первой тамбовской писательницы Н. А. Нееловой «Леинард и Термилия» (1784), просто и безыскусственно рассказавший о судьбе двух несчастных влюбленных — жертв алчности и эгоизма родителей. Проклятия золоту, как символу многих несчастий, восторженные хвалы кротким поселянам и добродетельным царям надолго стали излюбленной темой русских писателей. Их можно найти и в наивных пасторалях юного автора «Непорочных забав» (1783), студента Московского университета М. С. Бенедиктова, и в утонченно-философских, пронизанных масонской символикой сочинениях маститого литератора М. М. Хераскова.

Издавая сатирические романы и сентиментальные повести, Новиков ориентировался на просвещенных читателей, число которых в России тех лет было сравнительно невелико. Главным же потребителем продукции его типографий — городскому мещанству, купечеству, малообразованным разночинцам — адресовались более доступные по форме, но не менее серьезные и поучительные драматические сочинения: тираноборческие трагедии, «слезные» драмы, комические оперы и бытовые комедии.

Классическая французская трагедия представлена в новиковском репертуаре всего лишь двумя книгами: «Родогуной» П. Корнеля в переводе Я. Б. Княжнина (1788) и духовно близкой русским масонам «Афалией» Ж. Расина (1784). В 1786 г. Новиков переиздал девять трагедий А. П. Сумарокова, а несколько раньше напечатал «Идолопоклонников, или Гориславу» М. М. Хераскова (1782) и псевдоисторическую драму студента Московского университета Ф. П. Ключарева о мудром и гуманном киевском князе «Владимире Великом» (1779).

Гораздо более серьезный политический резонанс имели две тираноборческие трагедии Вольтера «Брут» (1783) и «Смерть Цесарева» (1787), изданные Новиковым незадолго до Великой Французской революции. Закон превыше монарха, а потому народ вправе свергнуть деспота, поправшего его права. Эта идея вдохновляла не только французского вольнодумца, но и его не менее знаменитого предшественника В. Шекспира, автора трагедии «Юлий Цезарь» (1787), блестяще переведенной на русский язык Н. М. Карамзиным. Не удивительно, что их пьесы в 1794 г. были сожжены московской полицией, разделив участь «Вадима Новгородского» Княжнина и радищевского «Путешествия».

Новиковский театральный репертуар явно не давал покоя екатерининским цензорам. Осенью 1786 г. московский архиепископ Платон сурово раскритиковал комедии, выходившие из стен Университетской типографии. Первые сочинения Мольера появились в России задолго до Новикова, однако лишь его многотиражные и недорогие издания завоевали автору «Тартюфа» и «Мещанина во дворянстве» огромную популярность среди русских разночинцев. Страстный протест против социальных предрассудков, беспощадные насмешки над дворянской спесью и ханжеством святош вызывали сочувственный отклик у читателей комедий Детуша, Вольтера, Голь-

берга и Шеридана. Особенности комедийного жанра позволяли драматургам в легкой и непринужденной форме затрагивать самые острые, политически злободневные вопросы современности.

Подлинным любимцем и образцом подражания для демократических слоев европейского общества в предреволюционные годы стал остроумный, дерзкий и житейски мудрый цирюльник Фигаро, герой одного из талантливейших идеологов третьего сословия Бомарше. Переводчик «Фигаровой женитьбы» (1787) юный масон А. Ф. Лабзин и ее издатель Н. И. Новиков проявили редкую оперативность, если учесть, что первые публикации этой комедии во Франции и России разделяли лишь три года. Обличая аморализм и нравственную несостоятельность дворянства, драматурги-просветители противопоставляли им высокие добродетели человека из народа. Так зародилась «мещанская» или «слезная» драма, представленная в новиковском репертуаре сочинениями Дидро («Побочный сын» и «Чадолюбивый отец») и Мерсье («Ложный друг», «Женневал, или Французский Барнавельт», «Беглец»), а также трагедией их немецкого единомышленника Г. Э. Лессинга «Эмилия Галотти» (1788) в переводе Н. М. Карамзина.

Тесная дружба и глубокое идейное родство связывали Новикова со многими русскими драматургами конца XVIII в. Московский издатель высоко ценил их первые, пока еще несовершенные и наивные попытки правдиво показать жизнь соотечественников.

Продолжая традиции Сумарокова, драматурги нового поколения гневно выступали против одного из самых отвратительных явлений феодально-чиновничьей России — судейского крючкотворства и взяточничества приказных. На страницах переизданной Новиковым комедии М. И. Веревкина «Так и должно» (1788) и одноактной пьесы О. Чернявского «Купецкая компания» (1780) перед читателями предстал целый паноптикум хапуг, готовых ради своей выгоды на любую подлость. Не лучше чиновников были помещики-самодуры в драме А. Т. Болотова «Несчастные сироты» (1781). Законы жанра требовали от писателей благополучной развязки злоключений их героев. Тогда и появлялись на сцене доброжелательный граф Благонравов с отрядом солдат для укрощения жестокого помещика или бескорыстный жених Доблестин. Гораздо труднее удавалось сохранить правдоподобие драматических ситуаций авторам идил-

лий из жизни крепостных крестьян: «драмы с голосами» «Розана и Любим» (1781) и «драматической пустельги» «Приказчик» (1781) Н. П. Николаева, комической оперы С. К. Вязмитинова «Новое семейство» (1781) и лучшей из пьес В. А. Левшина «Торжество любви» (1787).

Но не следует слишком строго судить драматургов новиковского круга, не обладавших гражданским мужеством Радищева. Судя по дошедшим до нас читательским откликам, их пьесы о крестьянах, даже самые идиллические и приглаженные, несли в себе серьезный социальный заряд.

Стремление сделать достоянием широких читательских кругов лучшие достижения отечественной словесности побудило Новикова задумать издание полных собраний сочинений русских писателей «одного после другого». Первым среди них было названо имя А. П. Сумарокова, поэта и драматурга, духовно близкого ему своей гражданской непримиримостью, философским складом ума и приверженностью масонским идеям. «Доныне, — писал Новиков в объявлении о подписке на сумароковский десятитомник, — изданы и напечатанные многие его пьесы каждая порознь, от чего происходил великий труд в собирании оных, да и ценами оные, по причине разбивчивости их, так увеличивались, что многие недостаточные любители российской литературы были не в состоянии получать их». Новое издание, за которое назначалась сравнительно невысокая цена, включало в себя как ранее напечатанные сочинения Сумарокова, так и оставшиеся после смерти писателя рукописи. Итогом большой, кропотливой работы Новикова и его сотрудников с сумароковским архивом была публикация трех книг ранее неизвестных читателям притч и двух томов «мелких прозаических» статей, памфлетов и черновых набросков «русского Расина»[20].

Обстоятельства не позволили Новикову продолжить публикацию литературного наследия первых русских поэтов. Издание трудов Ломоносова взяла на себя Академия наук; Тредиаковский казался ему безнадежно устаревшим. Московский издатель близко знал и высоко ценил многих из молодых питомцев отечественных муз: Г. Р. Державина, Я. Б. Княжнина, М. Н. Муравьева. К сожалению, после вступления Новикова в масонскую ложу и его отъезда в Москву пути былых знакомцев навсегда разошлись. Единственным видным поэтом тех лет, печатавшим в Университетской типографии чуть ли

не все свои сочинения, был М. М. Херасков. Именно здесь увидели свет его лучшие нравоучительные оды «Знатная порода», «Богатство» и «Злато», включенные в сборник «Утешение грешных» (1783), классическое произведение масонской литературы — поэма «Владимир Возрожденный» (1785) и, наконец, двухтомное собрание «Эпических творений» (1786).

Раздел поэзии в новиковском книжном репертуаре носил ярко выраженную философскую и религиозную окраску, что определялось как специфическими возможностями этого вида литературы для пропаганды абстрактных идей, так и ориентацией издателя на образованную часть русского общества.

Особое значение придавал Новиков изданию сборников духовных песен немецких поэтов Ангела Силезского («Райские цветы», 1784) и Х. Ф. Геллерта (1782), оказавших большое влияние на масонскую ритуальную гимнографию. Эти стихи, полные презрения к мирской суете, роскоши и низменным наслаждениям, страстные призывы их творцов к самопознанию и борьбе с пороками наиболее полно отражали основную суть учения вольных каменщиков. Трудно не согласиться с историком русской литературы XVIII в. Н. К. Пиксановым, считавшим, что «писатели-масоны именно в художественном творчестве бывали свободнее и смелее, чем в теоретических суждениях»[21].

Важную роль в популяризации нравоучительно-философской беллетристики сыграли новиковские журналы «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782) и «Покоящийся трудолюбец» (1784). Здесь печатались преимущественно оригинальные и переводные сочинения литературной молодежи, видевшей свою цель в том, чтобы, «приводя себя в совершенство, приносить пользу другим»[22]. Будущие прозаики и поэты, публицисты и переводчики впервые получили общественную трибуну, позволявшую им с юношеским жаром отстаивать право своих соотечественников на жизнь, достойную человека. Истинный патриот своей страны, непримиримый борец против невежества и фанатизма, скромный и гуманный ревнитель «общего блага» — таким предстает на страницах студенческих журналов 1780-х годов идеальный гражданин новой России, имевший явное сходство с его реальным прототипом — Н. И. Новиковым. «Собрание университетских питомцев, — гласила дарственная надпись М. Антонского,

Лабзина и их однокашников на форзаце первой части „Покоящегося трудолюбца“, — в знак признательности, яко почтеннейшему члену и благодетелю своему и яко верному сыну Отечества, которым посвящается книга сия, приносит экземпляр трудов своих его благородию Николаю Ивановичу Новикову»[23]. Трудно усомниться в искренности этих слов.

Патриотический энтузиазм Новикова побудил его предпринять издание нескольких капитальных трудов по истории России. Такие книги, по его мнению, не только расширяли интеллектуальный кругозор читателя, но и воспитывали в нем достойного гражданина, наглядно иллюстрируя абстрактные рассуждения о величии добродетели и пагубности порока.

Большой популярностью в разночинной среде еще с петровских времен пользовались сборники исторических и псевдоисторических анекдотов о замечательных людях прошлого, показавших миру достойные образцы мужества и добродетели. Учитывая читательский спрос на произведения этого жанра, Новиков напечатал в 1788 г. книгу «Разумная беседа, или Собрание важных, острых и замысловатых изречений», героями которой были гордые защитники народной вольности и прав человека.

Образцом просвещенного монарха, «чудом своего столетия», достойным уважения и подражания потомков, Новиков, как и многие его современники, по-праву считал Петра I. «Он был в России первый солдат, первый корабельщик, первый законоподвижник, первый справщик гражданской печати», — восторженно перечислял заслуги перед Отечеством царя-реформатора новиковский журнал «Утренний свет»[24]. Не удивительно, что фундаментальные работы о Петре I заняли центральное место среди книг по истории, напечатанных Новиковым. В 1787 г. он издал «Анекдоты о Петре Великом», собранные придворным историографом Екатерины II Я. Я. Штелиным, а через несколько месяцев предпринял публикацию 12-томных «Деяний Петра Великого» (1788—1789), впервые познакомив русских читателей с результатами многолетних трудов ученого-самоучки, курского купца И. И. Голикова.

Петровские реформы, открывшие дорогу интенсивному развитию отечественной промышленности и торговли, немало способствовали возвышению третьего сословия, продвижению по социальной лестнице людей незнатных за их деловые способности и заслуги перед государством.

Идеологи молодой русской буржуазии активно стремились закрепить эти завоевания, теоретически обосновать свое право на руководящую роль в жизни общества. Почетное место на книжных полках читателей-разночинцев заняло «Историческое описание российской коммерции» М. Д. Чулкова, являвшееся как ценным научно-практическим пособием, так и важным политическим документом. «Сия книга, — сообщала о выходе в свет третьего тома „Описания" газета „Московские ведомости", — удобна истребить в некоторых ложное и обидное понятие, якобы Россия до времени преобразователя своего, императора Петра Великого, была государство варварское, ибо читатели, любящие свое отечество, с радостью увидят, что еще до нашествия Батыева имела Россия торговлю через Черное море, на Волге, в древнем городе Болгарах, в великой Перми, на Каме, в Чердыне, усмотрят, что еще до начала славного и сильного великого княжения Новгородского упражнялись росияне в коммерции и, следовательно, были в дружелюбном и доверенном общении с иными народами, чего варвары не делают»[25].

Печатая книги Чулкова и его единомышленников, издатель горячо одобрял их стремление побудить соотечественников к активной общественно полезной деятельности. Потомственное дворянство давало, по мнению Новикова, право на привилегии только в том случае, если «благородное» происхождение подкреплялось личными заслугами человека. Жестокий, недальновидный помещик, тунеядец-петиметр и бездумный гуляка позорили славные имена предков, о которых напоминали потомству изданные Новиковым «Родословная книга князей и дворян российских» (1787), работы известного дворянского идеолога М. М. Щербатова «О старинных степенях чинов в России» (1784) и «Краткое историческое повествование о начале родов князей российских» (1785).

Огромным успехом у современников и потомков Новикова пользовалось второе «вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное» 12-томное издание «Древней российской вивлиофики» (1788—1791). 168 подписчиков в 42 городах и местечках России пожелали внести задаток за этот сборник, одинаково интересный для ученого-археографа Н. Н. Бантыша-Каменского и писателя-разночинца М. Д. Чулкова, вельможи И. И. Шувалова и епископа нижнегородского Дамаскина, тульского помещика А. Т. Болотова и воронежского купца Я. Я. Елисеева.

Продуманный подбор документальных материалов по истории России, многие из которых публиковались впервые, включение в «Вивлиофику» драматических сочинений Симеона Полоцкого и виршей Феофана Прокоповича, ясно выраженная просветительная и патриотическая позиция издателя принесли новиковскому сборнику заслуженную славу одного из наиболее ярких и значительных явлений русской историографии XVIII в. Характерно, что наряду с документами в последней части «Вивлиофики» была опубликована анонимная статья «Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России», автор которой (возможно, сам Новиков) сурово обличал помещичий произвол, варварский обычай продавать крестьян без земли, сдавать их в рекруты, «обременять несоразмерными силам их поборами и налогами».

Вовлечение в сферу капиталистических отношений патриархальной русской провинции, экономическая и культурная консолидация многонационального государства настоятельно требовали внимательного изучения природных ресурсов, исторических традиций и потенциальных возможностей отдельных его областей. Именно этой цели служили изданные Новиковым «топографические описания» Вологды — А. А. Засецкого (1780), Казани — Д. Н. Зиновьева (1788) и Харьковского наместничества — И. А. Переверзева (1788), а также «Новый и полный географический словарь Российского государства» в шести томах, составленный молодым преподавателем Московского университета Л. М. Максимовичем (1788—1789).

Большой раздел в новиковском книжном репертуаре составляли научно-популярные труды, посвященные знаменитым западноевропейским путешественникам, открывателям и покорителям новых земель. Переведенные на русский язык М. И. Веревкиным «Всеобщее повествование о путешествиях» (1779—1781) и «История о странствиях вообще» (1782—1783) А. Ф. Прево д'Экзиля, записки первого исследователя реки Миссисипи Ж. Б. Боссю «Новые путешествия в Западную Индию» (1783) и жизнеописание «славного французского морехода» Ж. Кассара (1789) соединяли в себе увлекательность остросюжетного романа с огромной познавательной информацией о малоизвестных русскому читателю странах и народах. Авторы этих книг, воздавая должное отваге и предприимчивости мужественных землепроход-

цев, отнюдь не идеализировали отношения европейских пришельцев с аборигенами Африки, Азии и Америки. Вслед за Мармонтелем и его не менее известным современником, философом-гуманистом Г. Т. Рейналем, они осуждали алчность и слепой фанатизм колонизаторов, их невежество и жестокость.

Сходные мысли мы встречаем на страницах изданных Новиковым «Приготовлений к истории для детей» А. Л. Шлецера (1788) и снабженной обширным библиографическим аппаратом «Истории о знатнейших европейских государствах» И. Г. Рейхеля (1788). Русская цензура снисходительно смотрела на критику в адрес католицизма и иноземных королей, пока она не затрагивала основополагающих устоев христианской религии и монархической формы правления. Совсем иной прием встретила у официальных кругов России книга французского священника-вольнодумца К. Ф. Милло «Древняя и новая история» (1785), переведенная на русский язык учеником Новикова М. И. Багрянским и напечатанная иждивением Типографической компании. Просматривая по приказу Екатерины II новиковские издания, архиепископ Платон отнес это сочинение к числу наиболее вредных, так как нашел в нем «выражения для истинной религии оскорбительные и соблазнительные».

Как просветители, так и масоны уделяли особое внимание изучению разных форм государственного устройства, стремясь выработать собственную политическую программу. Характерно,что все они единодушно приняли теорию о договорном происхождении государства. В 1782 г. Новиков переиздал большим тиражом русский перевод «Рассуждения о начале и основании неравенства между людьми» Ж.-Ж. Руссо и горячо рекомендовал эту книгу своим соотечественникам, отмечая «убедительность и тонкость доводов... славного писателя и проницательнейшего философа»[26]. Неукоснительное соблюдение «естественных» законов, стоящих на страже разумной вольности, было, по мнению единомышленников Руссо, лучшей гарантией народного благосостояния. Любая попытка насильственно отменить или исказить эти законы неизбежно вела общество к анархии либо отдавала его во власть жестоким тиранам.

В «Истории о правлении древних республик» Ф. А. Тюрпена (1788), трактате И. С. Рижского «Политическое состояние Древнего Рима» (1787), книге А. де Гевары «Золотые часы государей» (1781—1782) рус-

ские вольнодумцы находили подтверждение справедливости руссоистских идей. Древний Восток и Античная Греция, республиканский Рим и подчинившая себе десятки народов Римская империя наглядно продемонстрировали потомкам преимущества и недостатки чуть ли не всех известных им политических систем: от ничем не замаскированной тирании до уравнительного «социализма» восставших рабов. Просветители и масоны по самой своей природе тяготели к «золотой» середине. Их идеалом была просвещенная монархия либо республика, возглавляемая мудрыми законодателями.

Сразу после переезда в Москву Новиков напечатал три фундаментальные работы итальянского, английского и русского юристов, аргументированно, с привлечением большого исторического материала доказывавших необходимость перехода всех стран к умеренным, конституционным формам правления. Судя по дошедшим до нас сведениям, новиковские книги быстро нашли своих адресатов. «Славным» политическим писателем называл Л. А. Муратори, автора «Рассуждения о благоденствии общенародном» (1780), рецензент его книги Г. Л. Брайко[27]. Не меньшей популярностью в разночинной среде и у фрондирующего дворянства пользовался трактат У. Блэкстона «Истолкование английских законов» в переводе С. Е. Десницкого и А. М. Брянцева (1780—1782). Подчеркнуто академический тон этого сочинения не скрыл от читателей активной неприязни ученого-юриста к абсолютизму. Издавая книгу Блэкстона собственным иждивением, Екатерина II не ожидала, что она станет опасным оружием в руках ее самых непримиримых идейных противников — А. Н. Радищева и Ф. В. Кречетова[28].

Либеральный камуфляж первых лет екатерининского царствования позволил Новикову беспрепятственно выпустить в свет курс лекций профессора-масона Я. И. Шнейдера «Рассуждения на Монтескиеву книгу „О разуме законов“» (1782), а шесть лет спустя — острый политический памфлет давнего корреспондента русской императрицы И. Г. Циммермана «Народная гордость». Яркое выступление немецкого просветителя против национальной ограниченности и шовинизма несомненно встретило сочувственный отклик у русских читателей. Не мнимое благородство происхождения, не торжество грубой силы, а только успехи наук и искусств, гуманное и справедливое правление могли служить, по

их мнению, законным основанием для патриотического чувства. «Я почитаю за республиканца, — писал Циммерман, — такого человека, который всему предпочитает любовь к своему Отечеству, законам и безмерную имеет ненависть к деспотизму»[29]. Эта формулировка гражданских добродетелей была настолько емкой и привлекательной для каждого просвещенного человека, что сама Екатерина II в письме Циммерману от 29 января 1789 г. поспешила объявить себя «республиканкой»[30]. Прошли четыре года, и Новикову пришлось открещиваться перед грозным Шешковским от этой «мерзкой книги» и делать вид, будто бы он никогда не имел о ней никакого представления. Трудно поверить его словам, вспомнив сколь горячо рекомендовались на страницах «Московских ведомостей» философские рассуждения Циммермана[31]. Французская революция внесла серьезные коррективы в политику русского правительства.

Судя по характеру вопросов Шешковского, издание книги Циммермана, напечатанной без указания фамилии автора, притом в переводе с французского языка, первоначально инкриминировалось Новикову как одно из тягчайших преступлений. Дальнейшее следствие показало полную несостоятельность попыток обвинить издателя в сочувствии якобинцам, и Екатерина, как не раз уже бывало, постаралась забыть этот досадный для нее эпизод.

Поиски позитивной политической программы не ограничились у Новикова изданием сочинений историков и юристов. Воздавая должное мудрым законодателям прошлого, он понимал, как далеки были от идеала рабовладельческие республики и могущественные империи, где по прихоти судьбы на смену просвещенному монарху приходил жестокий деспот. Царство разума и добра казалось недостижимым в реальной действительности, и все-таки воображение мыслителей упорно искало пути к раскрепощению духовных и производительных сил общества. За четверть века своей издательской деятельности Новиков напечатал полтора десятка социально-философских утопий. Самыми интересными среди них по праву следует признать аллегорическую повесть немецкого писателя-масона Г. В. Бериша «Путешествие добродетели» (1782) и вымышленное жизнеописание афинского сенатора «Аристид, или Истинный патриот» (1785). Политические идеалы авторов этих книг на пер-

вый взгляд не отличались особой оригинальностью. Страстные филиппики против деспотизма, хвалы просвещенной монархии и «святой вольности» давно уже стали привычными русским читателям. Своеобразие общественной позиции Бериша и его анонимного единомышленника проявилось прежде всего в их отношении к официальной религии. Как истинные масоны, они гневно ополчились против двух самых страшных врагов человечества — атеизма и суеверия. Проповедь «внутренней» церкви и единобожия, нападки на алчных и невежественных «жрецов» явно пришлись не по нраву духовным цензорам. Екатерина не запретила «Аристида», как предлагал архиепископ Платон, однако стремление неизвестного автора противопоставить тружеников-крестьян тунеядцам в коронах и рясах едва ли осталось незамеченным властями и читателями[32]. «Человек, полезнейший в государстве, — писал философ-масон, — есть тот, который вместо одного произведет два колоса... Ты не сыщешь в целом свете единого земледельца, который бы когда-нибудь вредил своему Отечеству своими трудами, а тысячи государей, полководцев и жертвоприносителей обагрили мир своим примером и обременили своими действиями»[33]. Не удивительно, что человек столь радикальных взглядов в принципе признавал за народом право изгонять дурных царей.

Положение крестьянства и «умеренность» правления были основными критериями при оценке благосостояния той или иной страны в изданной Новиковым книге Л. А. Караччоли «Путешествие Разума в европейские области» (1783). «Порабощение (т. е. крепостное право — *И. М.*), — писал итальянский философ, — бывает источник скудности. Истребляя ревнование, оно истребляет земледелие и торговлю»[34]. Крепостническая Польша и нищая Испания, где еще не угасли костры инквизиции, кровожадные турецкие янычары и легкомысленный Людвиг XVI произвели на путешественника Люцидора удручающее впечатление. Только на севере Европы и среди Альпийских гор сохранились еще «оазисы» вольности: Швеция и Швейцария, населенные свободными от крепостной зависимости, богатыми и трудолюбивыми крестьянами. Отправляясь в Петербург, герой мечтал о встрече с просвещенной императрицей, даровавшей своему народу мудрые законы. Путешествие по России заставило его умерить первоначальные восторги. Русский перевод беседы Люцидора с екатерининскими

министрами изобиловал странными многоточиями, которые заменили по цензурным соображениям резкие высказывания итальянского гостя против крепостничества и фаворитизма[35].

Негативная критика отдельных пороков русской государственной системы давно уже стала для Новикова пройденным этапом. Утратив надежду на благотворные реформы «свыше», он обратился к самостоятельным поискам панацеи, которая могла бы исцелить социальные язвы его Отечества. В 1783 г. Новиков напечатал книгу немецкого ученого-экономиста Ф. В. Таубе «История о аглинской торговле, манифактурах, селениях и мореплавании». Последняя глава этого серьезного, хорошо документированного исследования была посвящена анализу причин, побудивших северо-американские колонии к войне за независимость. Все собранные педантичным ученым факты явно свидетельствовали в пользу повстанцев, однако он не мог и не хотел признать за ними права на бунт против законной власти. Насильственные методы борьбы с социальным злом в корне противоречили идеологии умеренных просветителей, а тем более учению масонов. Жестокие преследования властями деспотического государства инакомыслящих открывали перед жертвами произвола иной, менее радикальный путь к спасению. Именно его и избрал герой повести Ж. П. Рабо Сент-Этьена «Торжество немилосердия» (1782), несчастный гугенот, бежавший из своего Отечества. Для гуманиста и патриота Новикова и «бунт» и эмиграция были принципиально неприемлемы. Оставалось только мечтать о мирном преобразовании русского общества путем нравственного перевоспитания каждого из его сограждан.

Большая часть философской литературы, изданной Новиковым, была посвящена этическим проблемам, вопросам личной и общественной нравственности. Выросшему в патриархальной семье убежденному масону атеизм представлялся несовместимым с высокими моральными принципами. Стремление обратить на истинный путь «заблудшие души» побудило Новикова издать «Рассуждение против атеистов и неутралистов» Г. Гроция (1781) и апологию христианству Эразма Роттердамского «Христианин воин Христов и победоносное его оружие» (1783). Ополчаясь против безбожия, философы-гуманисты апеллировали не только к чувству, но и к разуму человека.

Категорически не преемля атеизм, Новиков сохранял независимость суждений, широту взглядов, уважение к мнению инакомыслящих. Идеологическая неоднородность русского масонства XVIII в. оставляла определенный простор для философской и политической полемики. Столкновения мистиков и деистов, консерваторов и фрондеров нашли отражение в новиковском книжном репертуаре. Признавая за каждым человеком право печатать книги по собственному выбору, Новиков явно предпочитал умеренность и терпимость слепому фанатизму «пустосвятов». Эту позицию просвещенных идеалистов четко сформулировал герой нравоучительной повести Вольтера «Энни, или Мудрец и Атеист». «Безбожие и суеверие, — утверждал он, — суть два полюса земли, исполненные смятения и ужаса; малейшая область добродетели лежит между сими полюсами»[36].

Ярким примером просветительных тенденций, существовавших в среде русского масонства, может служить напечатанная Типографической компанией книга И. Я. Бруккера «Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен» (1785). Горячий сторонник рационалистического учения Вольфа, Бруккер осуждал фанатизм и суеверие, под какой бы личиной они ни скрывались. Лжеучитель халдеев Зороастр и философ-мистик Пифагор, древние египетские жрецы и современные розенкрейцеры не внушали ему никакого доверия. Еще более резко немецкий ученый выступал против «тайных» наук, кабаллистики, магии и алхимии, видя в них лишь «бестолковые аллегории» или грубый обман. Высокую оценку получили в этой книге труды философов-материалистов Демокрита и Эпикура, Бэкона и Бруно, Гоббса и Лейбница. Заметим, что именно здесь русский читатель впервые познакомился с биографией Т. Кампанеллы, автора утопического трактата о о Городе Солнца.

«Сокращенная история философии» не была случайным явлением в новиковском репертуаре, о чем свидетельствуют многочисленные статьи, публиковавшиеся на страницах «Московского ежемесячного издания» (1781) и журнала «Покоящийся трудолюбец» (1784). «Причина всех заблуждений есть невежество», — провозглашали юные питомцы Новикова[37] и развивали эту мысль, наглядно показывая читателям истинное лицо ханжества и фанатизма. Искренняя приверженность религии не являлась для них оправданием злобной нетерпимо-

сти к любым проявлениям научного вольномыслия. Резкие выпады против безбожников-«натуралистов» не помешали Новикову напечатать панегирическое сочинение Ж. Ферри де Сен-Констана «Дух Бюффона» (1783), посвященное великому естествоиспытателю XVIII в., переиздать «Философское рассуждение о перерождении животных» первого русского эволюциониста А. А. Каверзнева (1781), выпускать в качестве платного приложения к «Московским ведомостям» естественнонаучный журнал «Магазин натуральной истории, физики и химии» (1788—1790).

Отстаивая философскую терпимость, московский издатель активно пропагандировал собственные убеждения, весьма далекие от рационализма Бруккера. Взгляды и вкусы Новикова нашли отражение в напечатанном его иждивением «Кратком описании жизней древних философов» Ф. Фенелона (1788). Известный французский моралист сознательно отобрал в учении Фалеса, Сократа и Эпикура именно те идеи, которые отвечали запросам просвещенных идеалистов, и постарался затушевать стихийный материализм античной философии. Наука познания самого себя, культ добродетели и житейский стоицизм, завещанные потомкам великими мужами Древней Греции и Рима, оказали огромное влияние на формирование масонской идеологии.

Поиски учителей и предтеч масонства побудили сотрудников Новикова критически проработать и сделать достоянием своих соотечественников ценнейшие памятники человеческой мысли всех времен и народов. Издавая «Описание жизни Конфуция, китайских философов начальника» (1780), моральный кодекс Манчжурского государства «Джунгин» (1788) и отрывок из священной книги индусов «Махабхарата» («Багуат-Гета», 1788), они не только выполняли идеологическое задание «ордена», но и решали проблемы большого общекультурного значения.

Интеллектуальный диапазон масонских теоретиков был необычайно широк, однако при отборе книг для перевода они отдавали явное предпочтение трудам неортодоксальных христианских моралистов. «Книга премудрости и добродетели» английского педагога Р. Додсли (1786) и «Естественное богословие» его соотечественника У. Дерема (1784)[38], нравоучительное рассуждение ученика Паскаля П. Ж. Брийона (1784) и трактат знаменитого протестантского проповедника И. И. Шпальдин-

га «Предопределение человека» (1779) имели большой успех у просвещенных читателей. Даже в этих абстрактно-моралистических сочинениях нередко встречались острые политические выпады против феодальных институтов и религиозной нетерпимости.

Масонская критика вольномыслия Руссо и его единомышленников носила скорее декларативный, чем принципиальный характер. Многое роднило женевского гражданина с вольными каменщиками, и не случайно из их рядов вышли самые активные и убежденные пропагандисты руссоизма. В 1781 г. Новиков напечатал морально-философский трактат Руссо «О блаженстве» в переводе одного из самых непримиримых обличителей атеизма И. В. Лопухина, затем, спустя несколько лет, переиздал «Рассуждение... на вопрос, способствовало ли ко исправлению нравов восстановление наук и художеств» (1787) и, наконец, почти накануне ареста, выпустил первый том «Сочинений» Ж. Л. Д'Аламбера (1790).

Русская читающая публика с одобрением встречала каждый новый труд философов-моралистов, однако самый большой и заслуженный успех выпал на долю «Плодов уединения» У. Пенна (1790). Основатель английской колонии Пенсильвания в Северной Америке и один из руководителей религиозной секты квакеров, Пенн остался в памяти потомков как тонкий знаток человеческих душ, мудрый и гуманный политик, поборник демократии и веротерпимости. Все эти свойства незаурядной личности американского государственного деятеля ярко проявились в его книге, где моральные наставления соседствовали с филиппиками против невежества, рассуждениями о внесословном братстве людей и уроками царям. «Ежели народ очень ограничить, — предостерегал Пенн, — то нравы оного испортятся, торговля разрушится или, по крайней мере, придет в слабость, и небо готово будет излить тягость своего гнева»[39].

Наряду с сочинениями зарубежных философов Новиков напечатал оригинальное «Рассуждение о истинном человеческом благе» русского руссоиста, студента Московского университета и активного сотрудника масонских журналов Л. Я. Давыдовского (1782). В том же году Дружеское ученое общество переиздало моральные наставления для юношества петербургского масона А. А. Артемьева «Душа добродетели», пользовавшиеся большой популярностью у читателей-разночинцев. Сла-

бость и подражательность этих первых попыток решения моральных проблем вне ортодоксальной православной догматики искупались горячим стремлением авторов послужить своим пером делу просвещения соотечественников.

Собственно богословская литература была представлена в новиковском репертуаре многочисленными сочинениями «отцов церкви». Первое время духовные власти Москвы не только не препятствовали, но даже помогали масонам готовить к печати основополагающие труды духовных наставников раннего христианства. «Касательно... переводов отеческих, изданных Новиковым, — вспоминал один из его единомышленников, орловский вице-губернатор П. И. Протасов, — это делалось в угоду митрополиту Платону с тою целью, чтобы жить в ладу с духовным начальством... Он сам с удовольствием назначал Новикову для переводов те или иные из отеческих сочинений»[40]. Публикация догматической литературы, а также нравоучительных проповедей современных столпов православия Антония (А. Г. Забелина), Аполлоса (А. Д. Байбакова) и Арсения (В. И. Верещагина) несомненно укрепляла союз официальной церкви и масонства, выявляя те общие идейные позиции, с которых они могли совместно выступать против атеистического вольномыслия.

Мировоззрение русских масонов при всей его эклектичности носило явно православную окраску. «Мудрый в молитвах, воссылаемых им к богу, — поучал читателей автор „Похвалы Сократу", — должен согласоваться с обрядами той земли, в которой он жизнь провожает»[41]. Именно этого принципа придерживался Новиков не только из тактических соображений, но и по внутреннему убеждению. Церковная идеология первых веков христианства, проникнутая духом внесословного братства людей, привлекала русского просветителя так же, как и некоторых его единомышленников в монашеских рясах.

Совместные издательские предприятия с высшим православным духовенством некоторое время позволяли Дружескому ученому обществу почти беспрепятственно пропагандировать масонские идеи. Зимой 1784 г. Новиков напечатал составленный Аполлосом «Христианский календарь», намереваясь в дальнейшем выпускать его регулярно. Помимо традиционных святцев читатели нашли здесь немало интересных сведений о прошлом и

настоящем греко-российской церкви, духовные стихи, а главное, рекомендательный список 60 назидательных книг, распространявшихся Новиковым по всей стране с помощью местных архиереев. Как видно из этого списка, вниманию покупателей предлагались не только труды ортодоксальных христианских писателей, но и чисто мистические сочинения, вроде трактата Д. Мейсона «Познание самого себя» (1783) или «Карманной книжки для вольных каменщиков» (1783). Первое время духовные власти снисходительно прощали масонам подобные вольности, однако с годами направление духовных исканий русских мистиков начало внушать православной церкви серьезную тревогу.

Широкая программа издания «душеполезных» книг была для руководителей вольных каменщиков всего лишь одним не самым важным этапом в их борьбе за умы и сердца соотечественников. Публикуя «Новую Киропедию» Э. М. Рамзая (1785) и другие труды по истории древних религий, они настойчиво напоминали читателям о том, что ключи от «храма Премудрости» всегда принадлежали узкому кругу посвященных. В системе взаимно сменявших друг друга тайных союзов — хранителей высшей истины — христианству отводилась почетная, но отнюдь не главная роль. Попытка московских масонов присвоить себе прерогативы духовенства встретила решительный отпор со стороны их покровителя архиепископа Платона. Прочитав книгу немецкого теософа И. А. Штарка «О древних мистериях и таинствах», переведенную учеником Новикова А. А. Петровым (1785), духовный цензор признал ее крайне «сумнительной», так как она «выхваляла языческие тайны, кои столько церквью найдены порочными, да еще при том утверждала, что аки бы христианство не только свои обряды, но и таинства оттуда заимствовало»[42].

С острой критикой масонского мистицизма выступили не только члены Синода, но и петербургские просветители. Сообщая о выходе в свет книги К. Ф. Кеппена «Крата Репоа, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов» (1779), журналист Г. Л. Брайко остроумно высмеял нелепое пристрастие вольных каменщиков к таинственным ритуалам, их увлечение заумной символикой и бессмысленными кабаллистическими «бреднями»[43].

Судя по воспоминаниям П. И. Протасова, Новиков не имел решающего голоса при выборе мистических

книг для перевода и публикации. Эту обязанность взяли на себя Шварц и Лопухин. Думается, что слова орловского масона заслуживают полного доверия, хотя и не без некоторых оговорок. Трудно, а, может быть, теперь уже и невозможно проследить год за годом эволюцию религиозных, философских и политических взглядов Новикова. В распоряжении исследователей имеются только письма одинокого, больного старика, впавшего на склоне дней в состояние мистической экзальтации. Энергичный 40-летний мужчина, один из наиболее деятельных и популярных участников Дружеского ученого общества, мало чем напоминал будущего авдотьинского отшельника. Загруженному до предела работой, издателю некогда было, подобно его друзьям из богатых семей, предаваться мистическим грезам. Естественно, что в этих условиях Новикову приходилось целиком полагаться на авторитет более образованных и не столь обремененных заботой о куске хлеба братьев по ордену.

Мистическая литература XVIII в., включавшая назидательные сочинения ученых-теософов, религиозные утопии и алхимические трактаты, была очень сложным и противоречивым явлением, при оценке которого следует прежде всего избегать поспешных выводов. Огромную роль в формировании масонской идеологии сыграли пятитомный труд немецкого моралиста И. Арндта «О истинном христианстве» (1784), рассуждение его французского последователя Л. К. де Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» (1785) и «Апология, или Защищение ордена вольных каменщиков» И. А. Штарка (1784). Эти книги далеко не являлись образцами политического свободомыслия и философской терпимости, однако именно они утвердили в сознании русских идеалистов идею внесословного равенства людей.

Если отбросить хитроумные аллегории, сущность масонского учения сводилась к двум основным идеям: деизму в философском плане и разработке проектов всемирной теократической республики. Мысль о моральной революции как единственном средстве для устранения социального зла лежала в основе анонимного трактата «Новое начертание истинной теологии», переведенного на русский язык Н. Н. Трубецким (1784). Крамольный смысл этой книги легко разглядел даже недалекий екатерининский чиновник А. А. Прозоровский. «В первом томе мистика, но противная проповедыванию церкви нашей, — доносил он императрице, — во втором касает-

ся уже до гражданского правительства, чтобы по заведении новой церкви подчинить оной и все государственное правительство и соединить все народы и законы вообще, а наконец, стараться завести республику»[44].

Стремление к мирному преобразованию общества на основах разума и справедливости было присуще в той или иной степени почти всем русским масонам, однако пути, ведущие к этой цели, каждый из них представлял по-своему. Будущая идеальная республика (скорее «царство божие» на земле, чем реальное государство) казалась им далекой, несбыточной мечтой, а потому все надежды возлагались на мудрого, просвещенного монарха, способного при поддержке вольных каменщиков осчастливить всех своих подданных. Важное место в этих преобразованиях отводилось философскому камню — волшебной субстанции, с помощью которой могли быть исцелены любые моральные и социальные недуги. Сложная масонская символика позволяла видеть в «камне мудрых» одним — христианское учение, очищенное от всех инородных наслоений, другим — высшую ступень самоусовершенствования, третьим — магическое средство, превращающее свинец в золото, а порочных людей в невинных праведников. Трезвый и практичный Новиков едва ли принадлежал к числу наивных искателей философского камня, однако напечатанные им с благословения орденского начальства «Божественная и истинная метафизика» Д. Порделжа (1787) и «Химическая псалтырь» Б. Ж. Пено (1784) приобрели огромную популярность среди русских масонов[45].

Неудовлетворенность сегодняшним днем искренне любимого им отечества побуждала Новикова уделять особое внимание его будущему — детям. Невежество, по мнению просветителя, было «гнуснейшим пороком, делающим человека скотом»; однако никакое, самое блестящее образование не могло заменить ребенку нравственного воспитания. Стремясь познакомить своих сограждан с лучшими достижениями европейской педагогики, Новиков издал один за другим трактаты Х. В. Геллерта «О нравственном воспитании детей» (1787), Д. Локка «О воспитании детей» (1788) и Р. Додсли «Учитель, или Всеобщая система воспитания» (1789). Наставники юношества находили немало полезного для себя и на страницах философских книг, напечатанных Дружеским ученым обществом, и в новиковских журналах «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец» и «Прибавления к Московским

ведомостям». Воспитание детей следует начинать с самоусовершенствования, — учил Новиков, предлагая вниманию наставников юношества целую серию практических руководств по педагогике: «Наставление отцам и матерям о телесном и нравственном воспитании детей» (1782), «Путеводитель юношества» (1786), «Юношеское училище» (1788). Абстрактные рассуждения о том, что «родители должны быть детям своим зерцалом честности», сопровождались разумными гигиеническими советами, хорошо продуманными программами нравственной, общеобразовательной и физической подготовки юношей и девушек к их жизни в обществе.

Талантливый педагог, Новиков глубоко понимал, насколько серьезна воспитательная и образовательная роль детского чтения и как пагубно почти полное его отсутствие. Эта тема неоднократно возникала на страницах сатирических журналов 1760-х гг., горячо обсуждалась в полемических статьях «Московского ежемесячного издания» и «Покоящегося трудолюбца». «Благоразумные родители, — писал Новиков осенью 1784 г., — и все старающиеся о воспитании детей признаются, что между некоторыми неудобствами в воспитании одно из главнейших в нашем отечестве есть то, что детям читать нечего. Они должны бывают такие читать книги, которые либо совсем для них непонятны, либо доставляют им такие сведения, которые им иметь рано»[46].

Стремясь восполнить этот пробел, московский просветитель приступил к изданию первого в России журнала для юношества. Редакторы «Детского чтения» (1785—1789) Н. М. Карамзин и А. А. Петров вели упорную борьбу с вредным влиянием на молодежь низкопробной литературы, рекомендовали лучшие книги классических и современных писателей, учили юных читателей сознательно относиться к прочитанному.

За 13 лет издательской деятельности в Москве Новиков напечатал около 40 книг для юношества. Основное место среди них занимала назидательная и нравоучительно-дидактическая литература, представленная «Детской философией» А. Т. Болотова (1779), двумя анонимными брошюрками «Детская логика» (1787) и «Детская риторика» (1787), сборником «душеполезных» пьес французской писательницы-моралистки С. Ф. Жанлис (1779—1780). Страстная вера в силу разума и доброго примера соединялась у авторов этих книг с неплохим знанием детской психологии, мастерством популяризаторов и талан-

том рассказчиков. «Предлагаемый нами почтенной российской публике „Детский магазин“ (1788), — справедливо писал его рецензент, — есть одно из таковых творений, доставляющих детскому возрасту вкусное и полезное чтение, а притом и расположенное таким привлекательным и заманчивым образом, что младой читатель не токмо не почувствует ни малой при упражнении своем в чтении оного скуки, но еще больше возбуждаем будет к продолжению сего своего времяпрепровождения»[47].

Все эти книги почти на столетие вошли в золотой фонд детской литературы.

Новиков широко издавал для юношества также научно-популярные очерки по самой разнообразной тематике: сборник занимательных рассказов о климате, геологическом строении и биосфере Земли «Достопамятности натуры» (1779), «Краткое описание образа жизни, нравов и обрядов в разных народах» (1782), «Открытие Америки» И. Г. Кампе (1787—1788) и «Детская книга, или Общие мнения и изъяснения вещей, коим детей обучать должно» (1780).

В период расцвета новиковских предприятий практически каждый третий русский школьник и студент занимались по учебникам, напечатанным арендатором Университетской типографии. Репертуар учебной литературы пополнился за эти годы несколькими десятками букварей и грамматик русского, латинского, греческого, французского и немецкого языков, пособиями по истории (И. М. Шрёкка), географии (Л. А. Баумана), математике (Д. С. Аничкова), пиитике (Аполлоса) и юриспруденции (Ф. Г. Дильтея). Доступность изложения, массовость и дешевизна этих учебников позволяли им успешно конкурировать с изданиями Академии наук и кадетских корпусов.

Русское общество высоко оценило вклад Новикова в дело просвещения юных сограждан, однако правительство не могло простить московскому издателю острых выпадов против абсолютизма и сословных предрассудков на страницах «Детского чтения», почти не замаскированной пропаганды масонских идей в книге Я. Ф. Феддерсена «Примеры мудрости и добродетели» (1787), антиклерикальной публицистики И. Г. Кампе. Стремясь оградить молодежь от «зловредного» влияния масонов, Екатерина II поставила издание книг для детского чтения под неусыпный надзор Комиссии об учреждении народных

училищ, укомплектованной абсолютно благонадежными, слепо преданными престолу чиновниками.

С каждым годом духовная и светская цензура все теснее сжимала кольцо вокруг новиковского издательства, изымая из его репертуара один за другим разделы религии, педагогики, политической экономии. Настало время, когда вне подозрений остались только практические наставления по домоводству, лечебники и письмовники.

Повышенный интерес к духовной сфере человеческой жизни не мешал Новикову быть трезвым реалистом, проявляющим постоянную заботу о здоровье и материальном благополучии своих соотечественников. Показательно, что новиковские издания естественнонаучной тематики: «Ботанический подробный словарь» А. К. Майера (1781—1783), «Словарь ручной натуральной истории» Ш. А. Ж. Леклерка де Монлино в переводе В. А. Левшина (1788) и студенческий журнал «Магазин натуральной истории, физики и химии» (1788—1790) использовались читателями в чисто утилитарных целях, например при сборе лекарственных растений. Настольными пособиями русских разночинцев и провинциального дворянства стали популярные «лечебники» Д. С. Самойловича («Нынешний способ лечения... от угрызения бешеной собаки и от уязвления змеи», 1780) и А. фон Шрёкка (1789), наставление по акушерству Ж. Л. Бодлока «Городская и деревенская повивальная бабка» (1780) и брошюра французского педиатра Н. И. Нера «Исследование причин, от которых большая часть детей умирает» (1790).

Поиски средств, способных увеличить доходы помещиков и одновременно поднять жизненный уровень всех податных сословий, нашли отражение в новиковском книжном репертуаре, где, наряду с трудами ученых-агрономов Т. Боудена и А. С. Самборского, были представлены многочисленные наставления С. В. Друковцова по отдельным отраслям домоводства: «Городской и деревенский садовник» (1779), «Экономический календарь» (1780), «Городской и деревенский коновал» (1783). Наглядным свидетельством популярности этих книг может служить список 388 подписчиков на издававшийся Новиковым болотовский «Экономический магазин» (1780—1789).

Издавая наставления по сельскому хозяйству, многотомную энциклопедию домоводства Х. Ф. Гермерсгаузена «Хозяин и хозяйка» (1789) и поваренные книги, Новиков

ориентировался на все категории русских читателей. Особое место среди справочных пособий занимали «Начертание полной купеческой системы» К. Г. Людовица (1789) и семитомный коммерческий «Словарь», скомпилированный В. А. Левшиным на базе французских и немецких первоисточников (1787—1792). Развитие капиталистических отношений в России, культурный рост купечества и мещанства порождали спрос на подобного рода литературу.

Купцам адресовалось «Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов» (1783).

В отличие от большинства современных русских издателей, Новиков принципиально отказывался печатать сонники, считая их не просто бесполезными, но и глубоко вредными рассадниками суеверий. Только тяжелые материальные обстоятельства вынудили его однажды нарушить этот принцип. Представляя вниманию читателей «Истолкование снов по астрономии» (1788), он настойчиво призывал их «употреблять» эту книжку лишь «для забавы» и не верить пустым предсказаниям новоявленных оракулов.

Сложный по своему составу новиковский книжный репертуар явно выделялся на фоне продукции других русских типографий конца XVIII в. подчеркнуто просветительной гуманистической направленностью. Ориентация на демократические круги читателей обеспечила изданиям Новикова определенный коммерческий успех, однако это никогда не было его основной а тем более единственной задачей.

Филантропический, миссионерский характер деятельности русского просветителя ярко проявился в многообразии внекоммерческих форм распространения изданных им книг. Характерно, что на допросах после ареста он неоднократно подчеркивал малотиражность и бесплатность масонских сочинений, отпечатанных в тайной типографии. По его словам, ни одно из них, кроме «Магазина свободно-каменщического» (1784), «за деньги не было отдаваемо» и в продажу не поступало[48]. Читатель может законно усомниться в искренности этих признаний узника Шлиссельбургской крепости, однако письма друга и единомышленника Новикова С. И. Гамалеи к казанским и сибирским масонам, написанные в пору успехов Типографической компании, подтверждают их правдивость[49].

Бесплатно распространялись не только труды вольных каменщиков. По свидетельству современников Новиков ежегодно посылал духовным училищам, московским и губернским, в Университет и Академию в подарок из своей типографии книги самой разнообразной тематики. Бесплатная рассылка книг провинциальным семинариям стала одной из важнейших филантропических кампаний, проводимых Дружеским ученым обществом. К ноябрю 1782 г. будущие духовные пастыри и учителя получили в дар от московских масонов сотни учебных пособий и назидательных сочинений на сумму 3000 руб. [50]

Естественно, что новиковские типографии не могли выпускать книги исключительно на филантропических началах. Рентабельность всякой типографии достигается в первую очередь за счет успешной реализации ее продукции. Поэтому от Новикова — крупнейшего русского типографа-издателя второй половины XVIII в. — потребовались поистине титанические усилия для создания в стране книжного рынка, способного поглотить год от года возраставшие тиражи книг с новиковской маркой. Начинать приходилось почти с нуля. «За двадцать лет пред сим, — писал в 1802 г. Н. М. Карамзин, — были в Москве две книжные лавки, которые не продавали в год (книг) ни на десять тысяч рублей» [51]. Средняя стоимость однотомного издания без переплета по ценам того времени составляла около 70 коп. Следовательно, к моменту переезда Новикова в Москву здесь ежедневно продавалось не более 40—50 книг. Цифра весьма незначительная для города с многотысячным населением!

Трудная судьба выпала на долю пионеров книжной торговли в Москве. Первые успехи старого новиковского знакомца X. Л. Вевера обернулись для него в конце концов полным финансовым крахом. Все его книги пошли с торгов, и он до самой смерти в феврале 1781 г. так и не смог оправиться от этого удара. Преемник Вевера — переплетчик X. Ридигер — за пять лет заведования Университетской книжной лавкой приобрел у покупателей репутацию дельного и предприимчивого человека. Немалые доходы от занятий основной профессией позволяли ему успешно выходить из финансовых затруднений, однако продажа книг доставляла Ридигеру одни лишь хлопоты. Не удивительно, что согласие Новикова взять на себя торговлю университетскими изданиями встретило с его стороны самую активную поддержку. Вместе с лавкой и двумя торговыми палатками у Воскресенских ворот

Ридигер передал Новикову в октябре 1779 г. 210 названий казенных книг на огромную сумму 48 585 р. 86 к.[52].

Новый содержатель Университетской книжной лавки поставил дело на широкую ногу. «Он торговал книгами, — писал о Новикове Н. М. Карамзин, — как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель, то есть с умом, с догадкою, с дальновидным соображением»[53]. Стремясь сделать книгу непременным атрибутом быта соотечественников, постоянной спутницей их трудов и досуга, Новиков неутомимо изыскивал все новые и новые способы удешевить ее. Этой цели прежде всего служила разумная издательская политика, предполагавшая более или менее точное определение тиража книги в зависимости от ожидаемого на нее спроса. Не менее существенным элементом цены на книгу, поддающимся регулированию, являлось ее внешнее оформление. Новиков раз и навсегда отказался от издания роскошных фолиантов, непомерно дорогих и малодоступных покупателю среднего достатка. Скромные, изящные новиковские книжечки карманного формата (в восьмую долю листа), отпечатанные на дешевой бумаге отечественного производства четкими и красивыми шрифтами, как правило, без иллюстраций, резко повышавших цену, пришлись по вкусу и «по карману» читателям. «Вы благодарите меня за присылку „Древней Российской вивлиофики“, — писал Новиков в первые месяцы пребывания в Москве своему смоленскому корреспонденту, — но замечаете, что бумага не так хороша. Всего сделать вдруг нельзя. Я стараюсь особенно о том, чтобы книги пускать как можно дешевле и тем заохотить к чтению все сословия»[54]. Трезвый, пунктуальный учет всех мелочей, связанных с производством книги, позволил Новикову сохранить сравнительно низкие цены в годы резкого вздорожания типографских материалов.

Многолетний опыт журналиста оказался неоценимым для Новикова — содержателя Университетской типографии. Не масонские трактаты и не ученые диссертации профессоров, а периодические издания, рассчитанные на массового читателя, и, прежде всего, одна из двух русских газет того времени — «Московские ведомости» — стали основой материального благополучия новиковского предприятия. Вряд ли нашелся бы в те дни покупатель, который назвал бы подписную цену на «Ведомости» — 3 р. 50 к. в год — неумеренной[55]. Абонентная книжка на любую иностранную газету обходилась в два-три раза

дороже[56], да и далеко не каждый знал немецкий или французский языки. Долгие годы «Московские ведомости» были бесцветны и скучны, почему и расходилось их не более 600 экз. Однако после того, как Новиков, по свидетельству Н. М. Карамзина, сделал газету «гораздо богатее содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи... число пренумерантов» резко возросло и «лет через десять дошло до 4000». Правда, просвещенные дворяне по-прежнему предпочитали получать информацию о событиях в мире из более солидных источников, однако реформированные «Ведомости» пришлись по вкусу основной массе новиковских покупателей — купцам и мещанам. «Самые бедные люди на них подписывались, — вспоминал Карамзин, — самые безграмотные желали знать, что пишут из чужих земель»[57].

Остроумнейшей находкой Новикова было издание популярных журналов «Экономический магазин» и «Детское чтение» в качестве приложений к «Московским ведомостям». Покупателю, пожелавшему купить «Магазин» отдельно, журнал обходился на рубль дороже[58]. Убедившись в эффективности этого психологического приема, издатель неоднократно пользовался им в самых разнообразных вариантах. Так, покупателям, выражавшим согласие приобрести комплект «Экономического магазина» за шесть лет и подписаться на новый 1787 г., предлагалась «уступка» в 7 руб.[59] Еще более щедрыми были посулы распространителям подписки на новиковские периодические издания. «Любитель наук», представивший в ближайшую почтовую контору или прямо в Университетскую книжную лавку собранную им подписную плату за 10 экз. «Московских ведомостей» и «Экономического магазина», получал 11-й экземпляр бесплатно, «во изъявление признательности типографии»[60].

Не менее выгодной формой капиталовложений являлись многотомные подписные издания, в первую очередь собрания сочинений русских классиков. Возраставший интерес читающей публики к творчеству Ломоносова и Сумарокова побудил издателей 1780-х гг. подготовить и выпустить первые фундаментальные публикации их литературного наследия. Широко разрекламировав в московских и петербургских газетах 10-томное Полное собрание сочинений Сумарокова, Новиков назначил «весьма умеренную» подписную плату — по 1 р. 25 к. за том, взял на себя расходы, связанные с пересылкой книг иногородним подписчикам, и обещал напечатать весь «увраж»

за год[61]. Результаты столь умело проведенной подписной кампании не замедлили сказаться. Об этом свидетельствуют списки 226 «пренумерантов» (243 экз.), помещенные в первом и последнем томах сумароковского собрания сочинений.

Издатель выполнил свое обещание. Печатание восьми основных томов собрания сочинений Сумарокова было завершено к марту 1781 г., а через 10 месяцев вышли в свет и два дополнительных тома. Все они не только рассылались подписчикам, но и поступали в розничную продажу, однако, по более высокой цене. Выгоды, полученные подписчиками сумароковского 10-томника, послужили лучшим доводом в пользу этой формы книжной торговли. Думается, что урок, преподанный Новиковым, был учтен покупателями второго издания сочинений Сумарокова (1787), 7-томного «Исторического описания российской коммерции» М. Д. Чулкова (22 части, 1781—1788)[62] и других книг, на которые принималась подписка.

Постоянно расширяя и обогащая ассортимент Университетской книжной лавки изданиями других русских типографий и последних новинок французской, немецкой и английской литературы, Новиков уделял особое внимание рекламе и пропаганде своего «душевнополезного» товара на страницах «Московских ведомостей». Росписи книг, продававшихся в Академической и Университетской книжных лавках, а также у купцов и переплетчиков, публиковались в этой газете чуть ли не с начала ее издания. Печатались они и отдельными брошюрками. Издатель-просветитель быстро оценил большие возможности, которые открывались перед владельцем одной из двух русских газет для рекламы печатной продукции его типографий. Однако он смотрел на дело не только с коммерческой, но и с просветительной точки зрения.

Так был организован критико-библиографический отдел «Московских ведомостей», который просуществовал под названием «Известия о новых книгах» 10 лет (1779—1789). За эти годы вниманию покупателей рекомендовалось 913 русских и 20 иностранных книг (в том числе почти все новиковские издания — около 850), продававшихся в Университетской лавке и у комиссионеров Новикова.

Библиографическая информация о новых книгах оказалась удобным и емким публицистическим жанром, позволяя издателю одновременно решать несколько задач: рекламируя свою печатную продукцию, он рекомен-

довал читателям газеты наиболее интересные и общественно значимые сочинения, а кроме того получал великолепную трибуну для пропаганды своих политических и эстетических взглядов.

Виды библиографической характеристики книжных новинок в «Ведомостях» применялись самые различные: от краткого библиографического описания и лаконичной аннотации до пространного критического отзыва. Определяющим фактором при выборе формы информации была общественная значимость книги, новое в ее содержании и стиле, актуальность затронутых вопросов. Рекламный характер отзывов о новых книгах не мешал Новикову и его сотрудникам высказывать свое мнение по тем или иным вопросам, затронутым в них, а иногда и остро полемизировать с авторами[63].

Путеводители и наставники в странствиях по книжному «морю» встречали покупателя уже на пороге новиковской лавки, где были расставлены столики с последними новинками, библиографическими каталогами и росписями. Новиков зачастую и сам, как рассказывают очевидцы, выступал в роли такого «путеводителя». Если он видел, что покупатель выбирает «пустые романы», то дарил ему связку назидательных книг. Столь неразумная, на первый взгляд, щедрость в конечном итоге немало способствовала процветанию новиковских предприятий, ибо покупатель, приохотившийся к чтению полезных книг, со временем становился его постоянным клиентом и постепенно возмещал Новикову стоимость подарка.

С 1 июня 1782 г. Университетская книжная лавка была переведена в более просторное помещение у Никольских ворот. Размещение ее в одном доме с типографией вело к снижению транспортных расходов. Торговля у Новикова шла бойко, однако, несмотря на все нововведения, он не мог реализовать печатную продукцию своих типографий с помощью одной Университетской книжной лавки. Поэтому сразу же по переезде в Москву он заблаговременно «сделал договоры» с несколькими книготорговцами, обязавшимися брать у него «каждой книги, какая ни напечатается, по известному числу» экземпляров[64]. Успешно конкурируя с Академической типографией, Новиков предоставлял книготорговцам большую «уступку» (15% вместо академических 10—14%) и рассрочку платежей на год, а также брал на себя накладные расходы по доставке книг иногородним купцам. В 1785 г. он подписал с московскими книготорговцами

новое, еще более выгодное для обеих сторон условие, согласно которому купцы должны были регулярно брать у Новикова на комиссию по 50 экз. книжных новинок, а изданий прошлых лет — сколько пожелают — с уступкою от 20 до 30%[65].

Исподволь, незаметно книжная торговля из «золушки» русской коммерции начала превращаться в прибыльное дело. Пример Новикова побудил московского купца второй гильдии Н. Н. Кольчугина, выходца из стародубских приверженцев «древлеправославной» веры, бросить москательную торговлю и заняться продажей книг. Вслед за ним к новому делу потянулись другие купцы: Т. А. Полежаев и И. А. Козырев, М. П. Глазунов в компании с П. А. Вавиловым, торговцы старопечатной и лубочной литературой И. Ферапонтов и П. Заикин, университетский переплетчик Н. Д. Водопьянов. В 1787 г. новиковские издания продавались уже в 27 книжных лавках[66].

Прочные дружеские и деловые отношения, установившиеся у Новикова с московским купечеством, не раз помогали ему в затруднительных ситуациях. Как дворянин он имел право продавать лишь товары, производимые его крепостными крестьянами. С отстранением от заведования типографией Московского университета в мае 1789 г. Новиков лишался привилегии на содержание книжной лавки для торговли своими изданиями и вынужден был пригласить в качестве ее фиктивных владельцев, а фактически — приказчиков, двух гильдейских купцов Н. Н. Кольчугина и И. И. Переплетчикова. «Как посредством книжного торга познакомился я с Новиковым и получал от него разные выгоды, — рассказывал об этой сделке Кольчугин, — то и перешел к нему в дом в приказчики, а в своей лавке оставил сидельцев. Принявши приказчичью должность и взяв в свое ведомство книжные лавки и книжные магазины, принимал от Новикова книги в продажу из его типографии»[67].

Одержав первые победы в борьбе за умы и сердца московских читателей, Новиков начал энергичное наступление на книжный рынок северной столицы с помощью своего старого друга и компаньона К. В. Миллера, петербургского купца Ф. Антамонова, у которого начинал службу сидельцем Т. А. Полежаев, и книготорговца-издателя М. К. Овчинникова. Прошло несколько лет, и новиковские издания, продававшиеся по московской цене, можно было найти практически в любом конце Петер-

бурга, будь то роскошный книжный салон Г. И. Клостермана на Невском проспекте или жалкая овощная лавочка купца А. Ирошникова на углу Апраксина переулка и Садовой улицы.

Оживление книжной торговли в столицах не замедлило благотворно сказаться на положении дел в провинции. Там, где потерпели поражение многие его предшественники, Новиков добился весьма впечатляющих успехов. Как свидетельствуют дошедшие до наших дней донесения провинциальных цензоров, к концу 1780-х гг. новиковские издания продавались в книжных лавках Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода (у П. И. Прокудина)[68], Казани, Симбирска (в лавке приказа общественного призрения, порученной попечениям И. В. Колюбакина)[69], Орла, Архангельска, Тобольска и Иркутска. Среди оптовых покупателей книг, напечатанных в Университетской и Компанейской типографиях, наряду с давними, времен «Утреннего света», идейными комиссионерами Новикова А. П. Петровым из Вологды и полтавским чиновником П. Ф. Паскевичем, можно было встретить вологодских, тверских, смоленских, коломенских и тульских купцов, людей весьма далеких от духовных исканий масонства, но хорошо разбиравшихся в конъюнктуре книжного рынка.

Предпочитая, как правило, иметь дело с оборотистыми купцами и вездесущими чиновниками почтового ведомства, Новиков при случае охотно доверял распространение своих изданий в провинции братьям по ордену и просто добрым знакомым. Многие десятки назидательных сочинений отобрал из «компанейских магазинов» для орловской и курской книжных лавок И. В. Лопухин. С немалой выгодой для Новикова выполняли обязанности его добровольных и бескорыстных комиссионеров бывший студент Московского университета, адъютант атамана Войска Донского Попов, директор Пермского приказа общественного призрения, местный меценат И. И. Панаев и его иркутский коллега, генерал-майор И. В. Ламб, вологодские и ярославские масоны. Характерно, что центрами книжной торговли в провинции стали города (Ярославль, Казань, Симбирск, Орел, Иркутск и др.), где существовали влиятельные масонские ложи.

Просветительные начинания Новикова встретили одобрение и поддержку у многих людей, далеких от масонства. Желание помочь Новикову, обещанные издателем 10% прибыли, а, главное, надежда «при сем случае...

пользоваться даровым чтанием» всех книжных новинок и не иметь нужды «в покупании оных» побудили А. Т. Болотова стать его комиссионером в Богородицке и «приискать охотника для продажи книг» в соседней Туле. «По недостатку любопытных» торговля новиковскими изданиями оказалась не слишком прибыльным делом, однако Болотов нашел выход из положения, отправив их весной 1782 г. на знаменитую Лебедянскую ярмарку[70].

В отличие от мелкопоместного Болотова, тамбовского губернатора Г. Р. Державина едва ли могли привлечь посулы и подарки московского «типографщика». И все-таки жизнь заставила поэта-вельможу обратиться за советом и помощью к Новикову, когда он задумал завести во вверенной его попечениям губернии одну из первых в России провинциальных типографий. Новиков оказался на редкость любезным и деятельным помощником, поэтому было бы просто невежливо не откликнуться на письмо членов Типографической компании, просивших Державина 11 декабря 1786 г. «потрудиться в собрании охотников» подписаться «по приложенным объявлениям на газеты и книги»[71]. В архиве поэта сохранились два реестра книг (296 названий), посланных Новиковым в Тамбов[72]. Среди них были не только новиковские издания («Живописец», «Экономический магазин» и др.), но и книги, полученные им в обмен из других типографий, в частности, несколько комплектов журнала Г. Л. Брайко и Я. Б. Княжнина «Санктпетербургский вестник» (1778—1781), на страницах которого впервые выступил со своими стихами молодой Державин.

Сотни людей во всех концах России, независимо друг от друга, работали на новиковскую компанию. Из года в год не мелели потоки книг, сходивших с ее печатных станков и почтовых переводов, нередко на весьма значительные суммы, вырученные от их продажи. Книги обращались в деньги, а те, в свою очередь, в новые книги, и, казалось, ничто не может разладить этот искусный механизм, запущенный в ход умелой рукой Новикова. И все-таки нашлась сила, которая сумела методично и неотвратимо уничтожить его просветительные предприятия. Этой силой было русское самодержавие.

Глава 5
ГОНИМЫЙ КОЛОВИОН

Екатерина II никогда не питала симпатий к масонам. Их ритуалы и обряды представлялись императрице смешными и нелепыми, а сами вольные каменщики — кучкой «недалеких и фанатичных ханжей» и хитрых авантюристов, стремящихся поживиться за счет легковерных. Первое из антимасонских сочинений русской императрицы так и называлось — «Тайна противо-нелепого общества, открытая не причастным оному» (1780). Шоры филистерского «здравого смысла» мешали ей увидеть за внешней масонской символикой серьезную систему философских и этических взглядов.

Сближение Новикова (мастера Коловиона, как называли его в масонском кругу) с вольными каменщиками насторожило императрицу. Что ищет ее старый недруг, велеречивый и опасный, в обществе московских толстосумов? «Взглянув на дело поближе, — писала она своему ученому корреспонденту И. Г. Циммерману 1 июля 1787 г., — нельзя не признать, что эти химеры [т. е. масонские ложи] суть измышление нескольких людей, которые придумали их, чтобы придать себе вес, так как иначе они были бы вовсе лишены значения»[1].

Забыв о печальном конце «Всякой всячины», Екатерина II попыталась сразиться с Новиковым в открытом литературном бою. Одна за другой на подмостках русских театров были разыграны ее комедии «Обманщик» (1785), «Обольщенный» (1786), «Шаман сибирский» (1786) и «Расстроенная семья» (1788). Зрители смеялись над злоключениями простаков, обманутых и обобранных коварными шарлатанами, однако это не мешало им покупать новиковские издания, а «несчастным жертвам» мастера Коловиона по-прежнему щедро финансировать его просветительные и филантропические предприятия.

Антимасонские настроения императрицы усиленно подогревали многочисленные враги и завистники Новикова. Первыми против русского просветителя выступили иезуиты. Черный орден, пригретый Екатериной II и ее сановниками, наводнил в конце XVIII в. всю Россию своими шпионами и соглядатаями. Угрозами и лестью, подкупами и шантажом они получили возможность через влиятельных покровителей активно влиять на русские государственные дела. Поэтому можно представить себе,

каким ударом была для иезуитов публикация статьи о тайной истории их ордена. Использовав все свои связи, иезуиты добились конфискации номеров новиковского журнала «Прибавления к Московским ведомостям» (1784, №№ 69—71), в которых она была напечатана. Несколько дней полиция обеих русских столиц изымала у подписчиков «Прибавлений» листки с «ругательной историей». Думается, что на этом инциденте «военные действия» между иезуитами и масонами не прекратились.

Зависть к успехам Новикова лишила покоя и сна куратора Московского университета И. И. Мелиссино. Ущемленное самолюбие этого вельможи, привыкшего считать себя неограниченным властителем местного Парнаса, побуждало его отдавать все силы интригам против масонов. В борьбе с Новиковым Мелиссино нашел верного союзника в лице другого интригана и честолюбца — протоиерея кремлевского Архангельского собора П. А. Алексеева. Не было, кажется, такого преступления, в котором не обвинили бы вольных каменщиков их враги. Трудно сейчас оценить моральный ущерб, нанесенный Новикову в результате происков Мелиссино и Алексеева. И все-таки для полного разгрома новиковских просветительных предприятий требовалось более серьезное оружие, чем сплетни и клевета. Таким оружием должна была стать, по их замыслу, православная церковь и ее высший орган — Святейший Синод.

Первые конфликты Новикова с Синодом возникли после появления в свете екатерининского указа о вольных типографиях. Восприняв этот указ, подобно большинству его современников, как закон о свободе печати, арендатор Университетской типографии предельно упростил процедуру цензурования своих изданий[2]. В новых постановлениях правительства ничего не говорилось о цензурных функциях Синода, однако большинство благонамеренных авторов и переводчиков книг, «до святости касающихся», по-прежнему посылали их туда для «апробации» и одобрения. Рассмотрение рукописей в Синоде, как правило, растягивалось на месяцы, а у московского издателя не было ни времени, ни желания так долго ждать благословления святых отцов. Поэтому Новиков, не нарушая закон, с чистой совестью игнорировал эту цензурную инстанцию.

В отличие от важных столичных чиновников московские цензоры были куда более расторопными и покладистыми. Те из них, кто служил при Университете (профес-

сора А. А. Барсов и Х. А. Чеботарев и архимандрит П. Пономарев), находились в определенной зависимости от Новикова, выплачивавшего им «пансионы», т. е. жалование. Не слишком много хлопот доставляла издателю полицейская цензура. Трудно было винить в отсутствии бдительности московского обер-полицмейстера Б. П. Островского, если его петербургский коллега Рылеев, не задумываясь, подписал к печати яркое антикрепостническое произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Не искушенному в книжной премудрости служаке пришлось иметь дело с заумными мистическими сочинениями. Мало того, что рукописи просматривал некомпетентный человек, он выполнял свои цензорские обязанности в спешке, небрежно. «Новиков, — рассказывал один из его сотрудников, — отсылал меня к московскому обер-полицмейстеру И. И. Лопухину (преемнику Островского — *И. М.*), который, среди суда и расправы, прочитывал при мне (?!) мою тетрадь и разрешал печатанием»[3].

Трудно найти другое, столь яркое подтверждение полной несостоятельности духовной и светской цензуры тех лет, чем дело, возникшее в связи с переизданием книги одного из учителей масонства Иоанна Арндта «О истинном христианстве». Напечатанная впервые на русском языке мистиком А. Г. Франке в городе Галле, эта страстная филиппика против официальной церковной обрядности больно задела членов Святейшего Синода и за год до рождения Новикова была изъята из обращения специальным указом императрицы Елизаветы Петровны. Прошло 40 лет, однако попытка петербургского литератора П. И. Богдановича выпустить новое, исправленное издание книги Арндта натолкнулась на решительное сопротивление Екатерины II. Легко вообразить себе ее негодование, когда через месяц, в январе 1785 г. она узнала, что рассуждение «О истинном христианстве» вторично переведено московским масоном И. П. Тургеневым и с одобрения местных цензоров напечатано большим тиражом в вольной типографии И. В. Лопухина. Императрица немедленно приказала конфисковать книгу, но было уже поздно. Все экземпляры сочинения Арндта успели разойтись среди покупателей[4].

Слухи о скандале, разыгравшемся вокруг книги Арндта, несомненно дошли до ушей протоиерея П. А. Алексеева, который хорошо понимал чувства императрицы, оказавшейся по милости масонов в смешном положении,

и не преминул при случае подлить масла в огонь. Отправляя в феврале 1785 г. своему другу, духовнику Екатерины II И. И. Памфилову донос на покровителя масонов, московского архиепископа Платона, он, между прочим, обвинил его в потворстве изданию книг, служащих к «соблазну немощных совестей»[5]. Ядовитые семена, как он и рассчитывал, упав на благодатную почву, дали обильные всходы. Екатерина не забыла масонам обиды. Пребывание императрицы в Москве летом 1785 г., где она могла убедиться в их могуществе и богатстве, укрепило ее решение покончить раз и навсегда с этой зловредной сектой. После того, как судьба масонов была решена, оставалось разработать план уничтожения новиковских предприятий, который не имел бы нежелательного для правительства резонанса в русском обществе, а главное, за рубежом. Тут-то Екатерине II и пригодились услуги П. А. Алексеева. Думается, что лишь в его изворотливом мозгу могла родиться поразительно циничная идея разгромить Новикова с помощью архиепископа Платона, человека, широко известного своей честностью и неподкупностью. Роль защитницы православной церкви от новоявленных еретиков, отводившаяся Екатерина II, пришлась ей по душе, и она, все обдумав и взвесив, приказала 23 декабря 1785 г. Платону проверить все новиковские книги, нет ли в них «каких-либо колобродств, нелепых умствований и раскола», а заодно «испытать» в вере самого издателя[6].

История взаимоотношений Платона с московскими масонами и Новиковым достаточно сложна и противоречива. Строгий ревнитель ортодоксального православия, он едва ли сочувствовал мистическим исканиям вольных каменщиков. В то же время набожность, политический консерватизм и активная филантропическая деятельность основного ядра Дружеского ученого общества явно импонировали просвещенному иерарху. Масонство, вероятно, представлялось Платону своего рода антидотом против вольтерьянства, покровительницей которого он считал Екатерину II. Поэтому не удивительно, что предстоящая расправа с масонами, менее вредными, по его мнению, чем бывшие в фаворе при дворе атеисты, иезуиты и старообрядцы, вызывала у московского архиепископа явное отвращение. «Императрица, — писал Платон 7 января 1786 г. в конфиденциальном письме к своему другу, казанскому архиепископу Амвросию (А. И. Подобедову), — предписала рассмотреть все новиковские книги, его са-

мого испытать в религии, а для печатания книг назначить мне цензоров, которые будут их рассматривать вместе с духовными лицами. Предвижу, что от этого много будет для меня затруднений, а, может быть, и опасностей, и ничего, что ободряло бы дух»[7].

Обыск в новиковских книжных лавках не оправдал ожиданий его врагов. Трудно теперь сказать, Новиков ли успел подготовиться к приходу полиции, или руководивший обыском московский прокурор А. А. Тейльс не захотел губить старого приятеля, однако ни одно издание, напечатанное в тайной масонской типографии, в руки властей не попало. Посылая 1 января 1786 г. графу А. А. Безбородко составленную Тейльсом опись книг, продававшихся у Новикова (все они, как выяснилось, прошли цензуру), московский главнокомандующий Я. А. Брюс ядовито, хотя и не очень грамотно, писал: «Ваше сиятельство из розписи книг изволите усмотреть, что величайшее число книг сенсированы духовными, но видитца мне, что наши духовные с вашими не единомыслены, и что из них один находит для просвещения, то другой — для розвращения»[8].

Приняв у полиции новиковские книги, Платон поручил их рассмотрение архимандриту Богоявленского монастыря Серапиону и проповеднику Славяно-греко-латинской академии Моисею (Гумилевскому), ученым богословам, «кои своим просвещением и честностию нравов сию доверенность заслужили». В середине января 1786 г. императрица получила от него донесение об «испытании» Новикова в вере. Московский архиепископ не скрывал свои симпатии к мастеру Коловиону. «Я одолжаюсь по совести и сану моему донести тебе, — писал он Екатерине II, — что молю всещедрого бога, чтобы не только в словесной пастве, богом и тобою мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков». Платон горячо одобрял похвальное стремление издателя содействовать просвещению своих соотечественников, откровенно признавался в том, что не берется судить о столь малознакомом ему предмете, как масонство, и в заключение письма гневно ополчался против высоко чтимых императрицей Вольтера и Дидро[9].

Такой поворот событий никак не устраивал Екатерину. Поняв, что строптивый архиепископ не хочет стать послушным орудием ее воли, она приказала 23 января 1786 г. московскому губернатору П. В. Лопухину допросить Новикова в губернском правлении. Вопреки ожиданиям

императрицы, грозные окрики полицейских чиновников не произвели впечатления на издателя. Он решительно отказался признать себя преступником и сеятелем «нового раскола», заявил, что «все печатанные книги» из «его типографии были представляемы им для рассматривания определенным от правительства цензорам, по дозволению коих и печатал, почитая, в рассуждении их одобрения, полезными, и при печатании книг другого никакого намерения не имел, кроме приобретения прибыли»[10].

Рассмотрение новиковских книг затянулось чуть ли не на два месяца. Все это время книжные лавки Новикова были запечатаны полицией. Казалось бы, Екатерине следовало дождаться отзыва Платона о книгах прежде, чем продолжать борьбу с Новиковым. Однако она предпочла не терять времени. 20 января по ее распоряжению Московская управа благочиния потребовала у всех владельцев вольных типографий подписку в том, что они обязуются под страхом сурового наказания не печатать никаких книг без одобрения духовной и светской цензуры[11]. Одновременно с этим правительство приняло экстренные меры по усилению цензурного надзора над петербургскими и провинциальными типографиями. Отныне каждая книга, издаваемая в столице, должна была получить одобрение одного из пяти духовных цензоров — архимандритов Воскресенского монастыря Аполлоса, Казанско-Спасского — Гедеона, Вяжицкого — Иннокентия, Кириллова — Николая и Сергиевой пустыни — Макария[12].

Перепуганное грозными указами правительства местное начальство всеми средствами препятствовало заведению новых типографий — этих потенциальных рассадников крамолы.

Екатерина II попыталась одним росчерком пера свести на нет все издательские планы Новикова. Так появился в свет подписанный ею 23 января 1786 г. указ Сенату, которым запрещалось «в какой бы то ни было публичной или частному человеку принадлежащей светской типографии печатать и издавать книги, касающиеся до веры, закона божия, толкования его и вообще духовные». Издателям, дерзнувшим нарушить это распоряжение, императрица угрожала «отобранием книг на истребление», штрафом в размере 200 руб. и, наконец, лишением «навсегда права содержания типографии»[13]. Как показали дальнейшие события, оснований для столь крутых мер против масонов не нашлось, и императрица вы-

нуждена была спрятать до поры до времени этот указ «под сукно».

Судя по донесению Платона в Синод, полученному из Москвы 4 марта 1786 г., просмотр новиковских книг подтвердил полную несостоятельность измышлений тайных осведомителей правительства. Внимательно проштудировав 397 оригинальных и переводных сочинений, изданных Новиковым и взятых им на комиссию в других типографиях, духовные цензоры признали подавляющее большинство из них «полезными и похвальными». К разряду «сумнительных» были отнесены только двадцать три книги, однако и они вышли в свет с соблюдением всех цензурных формальностей, установленных законом [14].

Екатерина II равнодушно встретила заключение цензоров. Уже к концу января 1786 г. она поняла, что ей и на сей раз не удается покончить с Новиковым. Правда, у издателя тоже не было причин для ликования, так как трехмесячные обыски и допросы нанесли ему серьезный моральный и материальный ущерб. Угроза разорения вынудила Новикова обратиться 12 марта 1786 г. с письмом к графу А. А. Безбородко, в котором он просит его ходатайствовать перед Екатериной о возобновлении торговли «несомнительными» книгами. Две недели спустя императрица приказала, наконец, московскому главнокомандующему графу Я. А. Брюсу распечатать новиковские лавки. Конфискации подлежали только первые шесть книг из 23, отнесенных Платоном к разряду «сумнительных». Архиепископ явно перестарался, предлагая запретить роман Вольтера «Человек в 40 талеров», 10-томную «Древнюю и новую историю» К. Ф. Милло и «Русские сказки» В. А. Левшина. «Ученице» энциклопедистов, дорожившей в те времена своей репутацией «просвещенной монархини», трудно было пойти на такой рискованный шаг. Поэтому она постаралась извлечь из донесения Платона максимальную выгоду, повелев «оставить за печатью» и не выпускать в продажу мистические сочинения масонов, и в то же время начисто игнорировала его отрицательные отзывы о книгах светского содержания. Эта незначительная тактическая уступка Новикову мало что меняла в дальнейшей судьбе издателя. Указом императрицы ему запрещалось впредь печатать масонские труды, «наполненные... странными мудрствованиями, или, лучше сказать, сущими заблуждениями, под опасением не только конфискования тех

книг, но и лишения права содержать типографию и книжную лавку, а притом и законного взыскания»[15].

Тем самым были созданы юридические предпосылки для дальнейших гонений на масонов. Новиков же, как выяснилось позднее, уже тогда сыграл на руку своим врагам, утаив от полиции часть тиражей запрещенных книг, хотя и дал 6 апреля подписку в том, что у него их больше не имеется.

Екатерининский указ способствовал значительному повышению роли духовной цензуры. Как свидетельствует дошедшая до наших дней цензурная ведомость за 1786—1787 гг., составленная московским игуменом Моисеем (Гумилевским), перепуганные издатели приносили на просмотр в духовную консисторию не только сочинения, «касающиеся до веры и закона божия», но и чисто светские книги: «Одиссею» Гомера, учебник математики Е. Д. Войтяховского, «Каталог растениям» В. Г. Вороблевского. Из 165 одобренных Моисеем к печати книг только одну треть (58 названий), да и то с большой натяжкой, можно назвать духовными[16].

Облеченные высокими полномочиями цензоры в монашеских рясах показали себя куда более компетентными и пристрастными «гасителями» крамолы, чем их полицейские коллеги. Немало русских авторов и переводчиков имели в те дни случай убедиться, что беспечальные времена «вольных мудрствований» миновали. Подлинной находкой для врагов масонов было новое периодическое сочинение «Беседы с богом», напечатанное в конце 1786 г. Типографической компанией без «визы» Моисея. Не успело оно появиться в свет, как вездесущие доносчики поспешили донести о нем Екатерине II. По распоряжению секретаря императрицы графа А. А. Безбородко, Новикова вызвали 3 декабря в московскую Управу благочиния, потребовав предъявить заключение духовных цензоров об этом журнале. Как выяснилось, Моисей действительно не цензуровал «Беседы с богом», однако и на сей раз полиция не нашла в действиях Новикова ничего противозаконного. Печатание «Бесед», издававшихся Н. М. Карамзиным (а не Новиковым!) и одобренных полицмейстером Б. П. Островским, началось задолго до вступления в силу новых цензурных установлений. Больше того, Новиков заблаговременно преподнес первую часть журнала архиепископу Платону, и она «удостоилась» его апробации. Не видя оснований для запрещения карамзинского издания, московский главнокомандующий

П. Д. Еропкин ограничился тем, что предписал цензорам иметь более «строгое наблюдение о подобных сему книгах»[17].

Позиция Платона и его единомышленников, занятая ими в деле об издании журнала «Беседы с богом», еще раз наглядно продемонстрировала императрице нежелание высшей церковной иерархии принимать активное участие в антимасонской кампании. Столкнувшись со столь серьезным препятствием на пути к осуществлению своих замыслов, Екатерина II решила во что бы то ни стало сломить сопротивление строптивого архиепископа. Повод для этого подвернулся довольно скоро.

Еще со времени никоновских реформ официальная православная церковь вела жестокую борьбу против старообрядчества. Около 100 лет духовные и светские власти неутомимо преследовали сторонников протопопа Аввакума. Однако в первые годы екатерининского царствования русское правительство стало относиться к ним значительно терпимее.

Грозным оружием старообрядческих миссионеров издавна была книга. В сотнях и тысячах списков расходились по всем концам России «жития» мучеников за «древлеправославную» веру. К середине XVIII в. спрос на «дониконианские» богослужебные книги настолько увеличился, что его не могли уже удовлетворить скудные запасы изданий первых русских типографов, сохранившиеся после бесчисленных погромов и обысков. Поэтому старообрядцы, не жалея ни денег, ни сил, стремились обзавестись собственными типографиями.

Появление первых «раскольничьих» типографий за рубежами России, в Польше и Литве, серьезно встревожило руководителей Синода. Последней каплей, переполнившей чашу их терпения, было появление в продаже на Макарьевской ярмарке старообрядческих изданий, напечатанных с дозволения местных властей клинцовскими купцами Д. Рукавишниковым и В. Я. Железновым. Сообщая в Синод 16 июля 1787 г. об этом, епископ Дамаскин решительно потребовал у правительства запретить деятельность клинцовской типографии и уничтожить ее издания, служащие «для простого народа великим соблазном»[18].

Можно не сомневаться, что Екатерина II внимательно прочитала донесение Дамаскина. Теперь, когда в ее руки попал столь примечательный документ, она могла смело, не опасаясь упреков со стороны духовенства, подписать

27 июля 1787 г. указ, запрещавший печатать в светских типографиях книги духовного содержания[19].

Итак, многолетний конфликт между духовными и светскими властями, казалось бы, разрешился к общему удовлетворению. Однако, как вскоре стало известно, каждая из высоких договаривающихся сторон постаралась истолковать положения этого указа в выгодном для себя направлении.

Власти, от уездного исправника до самой императрицы, проявили удивительную снисходительность к «раскольникам».

Получив в октябре 1787 г. указ Синода об освидетельствовании клинцовских типографий, епископ Иларион возложил эту миссию на трех образованных священников, однако светские цензоры, подкупленные старообрядцами, сделали все для того, чтобы помешать их работе. Только после долгих проволочек полиция в присутствии посланцев Илариона произвела обыски у клинцовских издателей. Как и следовало ожидать, купцы успели уже надежно припрятать станки, шрифты и богослужебные книги. В руки полиции попали вполне невинные буквари, но и они были возвращены владельцам на том основании, что издатели напечатали их с разрешения властей задолго до вступления в силу новых цензурных установлений.

Проявив в клинцовском деле столь необычную для нее приверженность к точному соблюдению духа и буквы закона, императрица начисто забыла об элементарной справедливости, как только жертвами полицейского произвола стали масоны. В отличие от многих секретных акций правительства, указ 1787 г. имел довольно широкий общественный резонанс. Трудно было провести повсеместное освидетельствование вольных типографий и книжных лавок с последующей конфискацией «сумнительных» книг, «не делая о сем никакой разгласки», как предписывалось в распоряжениях Синода[20]. Не прошло и полгода, как в сферу действия екатерининского указа оказались втянутыми в качестве соглядатаев или поднадзорных сотни людей во всех концах России.

Как и следовало ожидать, поиски издателей и распространителей старообрядческих книг велись полицией только ради проформы. Ни для кого не было секретом, что самыми опасными врагами веры и престола, с точки зрения императрицы, являлись московские масоны. Поэтому духовные и светские чиновники справедливо расценили екатерининский указ как необходимость изобли-

чить и сурово покарать этих новоявленных сеятелей смуты. Получив одним из первых предписание Синода об освидетельствовании типографий и книжных лавок, московский главнокомандующий П. Д. Еропкин тут же вызвал к себе духовных цензоров для передачи необходимых полномочий и инструкций, а через неделю, 9 августа 1787 г., назначил им в помощь, по рекомендации местного полицмейстера П. П. Годеина, самых опытных сыщиков — пристава уголовных дел Управы благочиния надворного советника Жилина и уездного стряпчего Кузьмина. Целых два месяца никто в Москве не торговал книгами. Лавку за лавкой, дом за домом тщательно обыскивали екатерининские цензоры. В Управу благочиния свозились горы конфискованных книг. Судя по отчету Еропкина, московская полиция изъяла в октябре 1787 г. из обращения более 300 изданий на общую сумму 106 237 руб.[21]

Материальный ущерб, нанесенный полицией Новикову и его комиссионерам, значительно превышал стоимость конфискованных по указу Екатерины II книг. Несколько месяцев московские типографии и книжные лавки практически не приносили никаких доходов своим владельцам, обязанным, невзирая на это, своевременно расплачиваться с кредиторами. Хаос и запустение царили в типографиях, книжная торговля пришла в упадок. «Вчерась, — сообщал приятелю о печальном положении дел у Новикова один из его активнейших сотрудников — М. И. Веревкин, — получил я письмо от бывшего у меня писца, что ныне корректором в Университетской типографии. Пишет он ко мне от имени командира своего г-на Новикова, между прочим, вот что... По именному указу всякие такие книги, где только есть слово „бог“, конфискуются, следовательно, и магазины с книгами в таковой сумятице, что никто не знает, где какую книгу сыскать. Почему и просит меня г-н Новиков дать ему время в рассчете со мною и в деньгах и в книгах, мне получить от него следующих»[22].

Как видно из слов Веревкина, московские цензоры отнеслись к своим обязанностям формально, занося в разряд «сумнительных» чуть ли не все светские издания сочинений духовного характера, попадавшие им в руки. Знакомство со списком изъятых полицией книг, посланным Еропкиным 28 октября 1787 г. в Синод, явно разочаровало императрицу. Ставленники Платона либо не поняли, либо не захотели понять смысла ее распоряже-

ний. Вместо того, чтобы организовать поиски запретных мистических сочинений и изданий тайной масонской типографии, они истратили массу времени и сил на конфискацию вполне невинных азбук и словарей, творений отцов церкви и сборников духовных стихов Ломоносова и Сумарокова.

Петербургские цензоры — архимандрит Юрьева монастыря Афанасий и ректор Александроневской семинарии Иннокентий — проявили еще более странную нерасторопность. «Тщательно» обыскав с полицейскими приставами книжные лавки давних новиковских комиссионеров К. В. Миллера, С. Бучина, М. Овчинникова и И. Глазунова, они обнаружили у них только одну (!) действительно мистическую книгу — трактат Д. Мейсона «Познание самого себя» (М., 1783)[23].

Вести с мест тоже не радовали Екатерину II. Провинциальным цензорам не удалось обнаружить ни одной запретной книги ни на Брянщине, ни в Олонецкой губернии. Столь же безрезультатными оказались поиски масонских сочинений в Вологде и Перми, Туле и Твери, Смоленске и Тамбове, хотя именно здесь новиковские издания получили наиболее широкое распространение.

Полную беспомощность и некомпетентность екатерининской цензуры продемонстрировали обыски в книжных лавках Поволжья. Среди десятков книг, конфискованных у костромских, ярославских, ростовских и нижегородских купцов, только одна — «Образ жития Енохова» (1784) — впоследствии была запрещена Синодом[24].

Отсутствие четких критериев в отборе «сумнительных» книг было характерно для работы И. Роговского и П. Дмитриева, обследовавших лавку орловского чиновника Н. И. Попова. Правда, на этот раз в руки полиции попало несколько мистических сочинений («Образ жития Енохова», «Остров Надежды» и поэма «Даниил во рве львином»), однако их находка скорее свидетельствовала о популярности масонских идей у жителей Орла, чем о проницательности духовных цензоров. В противном случае они несомненно не стали бы препятствовать свободной продаже богословских трудов Феофана Прокоповича, «слов» и поучений нижегородского епископа Дамаскина, печатавшихся под наблюдением самого автора[25].

Первая масонская книга, подлежащая конфискации по указу 1786 г., была обнаружена у купца И. Рюмина. Изымая в его лавке «Химическую псалтырь» Б. Ж. Пено (1784) вместе с третьим изданием «Велизария» Мар-

монтеля, «Илиотропионом» И. Дрекселя (1784) и «Диоптрой» (1785), казанские цензоры, возможно, даже и сами не знали об этом[26]. Еще более опасным рассадником «крамолы» оказалась книжная лавка Симбирского приказа общественного призрения. Собранных здесь изданий русских мистиков вполне хватило бы для комплектования нескольких масонских библиотек. Поэтому не удивительно, что среди них нашлись чуть ли не все запретные мистические книги («Братские увещания к некоторым свободным каменщикам» С. Эли, «Познание самого себя» Д. Мейсона, «Остров Надежды» и др.), а главное, 24 экземпляра трактата Ионна Арндта «О истинном христианстве» (1784)[27].

Много тревог и убытков принес екатерининский указ архангелогородским книготорговцам. Только у одного из них — купца С. Болотного — полиция конфисковала около 300 книг, оцененных в 242 р. 50 к. Давний комиссионер Новикова Болотный активно способствовал распространению масонского учения на севере России. У него можно было приобрести запретное сочинение Л. К. де Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» (1785), «Образ жития Енохова», «Илиотропион» и другие издания Типографической компании[28]. Судя по донесениям цензоров, интерес к масонской литературе проявляла не только верхушка архангелогородского общества, но и местные старообрядцы. Предлагая вниманию своих покупателей-начетчиков богатый ассортимент «дониконианских» изданий, рукописных трактатов «расколоучителей» и богослужебных книг, предприимчивый мещанин Е. Бозов существенно расширял и обогащал его за счет книжных новинок, напечатанных московскими масонами.

Благодаря энергии и предприимчивости старообрядцев, книги, изданные Новиковым, распространились по всей Сибири. Как показал обыск в тобольских книжных лавках, трое местных купцов — П. Мелков, Г. Дьяконов и С. Гунин издавна поддерживали деловые связи с арендатором типографии Московского университета, регулярно получая от него на комиссию по нескольку экземпляров всех вновь выходящих книг[29]. 35 мистических сочинений, большей частью запрещенных указом 1786 г., привезли за тысячу верст от Москвы в Иркутск вологодский купец В. Жуков и его приказчик М. Красногоров[30]. Нужно было хорошо знать вкусы покупателей и твердо верить в успех дела, чтобы решиться на столь дорогостоящее предприятие.

Полученный с эстафетой из Иркутска отчет об итогах осмотра местных книжных лавок знаменовал собой завершение многомесячной работы екатерининских цензоров. Казалось бы, гасители крамолы немало потрудились во славу церкви и трона, беспощадно искореняя масонскую заразу на необъятных просторах России. И все-таки, вопреки ожиданиям императрицы, им не удалось найти никаких серьезных улик против Новикова. Обыски в Москве оказались безрезультатными. Конфискация нескольких десятков запретных книг в Поволжье и Сибири тоже не давала оснований для антимасонских репрессий, так как Новиков явно не имел возможности остановить продажу этих изданий.

Полицейский ураган пронесся над книжными лавками России, оставив после себя хаос и смятение умов. Горы книг религиозного содержания, хранившиеся под семью замками в управах благочиния и местных консисториях, возбуждали вокруг себя немало кривотолков. Самым богобоязненным и законопослушным обывателям трудно было понять, почему правительство запрещает благочестивые сочинения и верноподданнические проповеди русских духовных пастырей. В этих условиях центральные и местные власти не могли бесконечно долго откладывать решение дальнейшей судьбы книг. Первыми на рассмотрение высших цензурных инстанций были представлены книги, изъятые у московских издателей и торговцев. Не доверяя Платону, Екатерина II поручила обязанности цензора митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому Гавриилу, человеку более покладистому, чем его московский собрат. Согласно предписанию императрицы от 2 ноября 1787 г., Гавриил должен был внимательно изучить все книги, запечатанные полицией в Москве с тем, чтобы «назначить к конфискации» только такие сочинения, «кои по собственному его мнению окажутся противными закону или соблазнительными обществу»[31].

Эта работа заняла чуть ли не целый год. Как и Платон, Гавриил счел нужным запретить лишь малую толику из книг, показавшихся подозрительными излишне рьяным архимандритам. 30 сентября 1788 г. Екатерина II послала московскому главнокомандующему П. Д. Еропкину указ, которым предписывалось все конфискованные книги, за исключением 14 (из запечатанных 313), возвратить владельцам, напомнив им о недопустимости в дальнейшем издавать духовные сочинения без санкции святейшего Синода[32]

В то время, как жизнь столичных книготорговцев постепенно начала возвращаться в привычную колею, их собратья в провинции еще дожидались решения своей участи. 28 апреля 1789 г. Сенат приказал местным полицейским властям распечатать дозволенные к продаже новиковские издания и семь Часовников, выпущенных в свет клинцовским купцом Я. К. Железниковым[33].

Однако, внимательно ознакомившись с докладами провинциальных цензоров, Гавриил обнаружил в них сведения о нескольких десятках изданий, отсутствовавших у московских книготорговцев, а потому не просмотренных им. Синод предложил местным благочинным взять на себя цензуру этих книг.

Иерархи православной церкви не оправдали доверия правительства. Присланные ими в Синод отзывы о масонских изданиях наглядно подтвердили нежелание ученых-богословов участвовать в травле Новикова. Как видно из доклада епископа Вениамина, архангелогородской благочинный не пожалел времени и сил на детальный разбор нескольких мистических сочинений, конфискованных полицией в лавке С. Болотного. Полностью разделяя мнение Платона о книге Л. К. Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» (М., 1785), он нашел ее «естественному познанию и священному писанию, а потому вере и гражданственным правам много противной». Зато другое новиковское издание — «Священные размышления, ведущие к настоящему исправлению в христианской жизни» (М., 1784) — встретило у него восторженный прием. Подтвердив необходимость запрещения знаменитой книги И. Арндта, «противной догмам святой православной церкви», епископ Тобольский и Сибирский Варлаам не мог не отметить «изрядства» этого богословского труда.

Только один благочинный, епископ Орловский и Севский Аполлос (А. Д. Байбаков), вольно или невольно сыграл на руку недругам своего старого знакомца и приятеля — Новикова. Правда, его отзыв о книге «Остров Надежды» трудно назвать безусловно отрицательным. Только отдельные сравнения и аллегории показались Аполлосу «не сходными со священным писанием». Однако Синод счел это замечание достаточно веским доводом в пользу уничтожения еще одного новиковского издания[34].

Явным скандалом закончилась попытка правительства заручиться в борьбе с Новиковым поддержкой одного из влиятельнейших духовных вельмож — архиепископа Казанского и Свияжского Амвросия (А. Н. Серебренникова).

Этот ученый-богослов не только не осудил масонские сочинения, но еще более рьяно, чем Платон, выступил в их защиту[35]. Так, в «Братских увещаниях к некоторым свободным каменщикам» С. Эли (М., 1784), по мнению Амвросия, ничего «противного вере христианской» не было видно, а «примечалось сильное побуждение к оной». «Сущность христианства, — писал он о книге Арндта, — изображается здесь во всей тонкости, и исполнение добродетелей христианских требуется по всей строгости»[36]. Не вызвали у него никаких сомнений «Химическая псалтырь» Б. Ж. Пено (М., 1784), «Остров Надежды» (М., 1785) и «Судьба религии» (М., 1785), запрещенные Синодом на основании отзывов Платона, Гавриила и Аполлоса. Высоко оценив новиковские издания, казанский благочинный нашел среди них лишь одну вредную и «слову божию противную» книгу — знаменитый роман Мармонтеля «Велизарий» (М., 1785). Переведенный на русский язык Екатериной II и ее приближенными во время путешествия двора по Волге, этот панегирик просвещенному абсолютизму был напечатан на счет Кабинета е. и. в. и посвящен будущему митрополиту Гавриилу. «Я в восхищении от вашей книги, — писала императрица Мармонтелю 7 мая 1767 г. — и не я одна»[37]. Можно не сомневаться, что Амвросий знал об участии Екатерины II в работе над переводом «Велизария», хотя она, по своему обыкновению, выступила анонимно. Тем не менее, суровый ревнитель православия, не страшась монаршьего гнева, резко выступил против деиста Мармонтеля, чьи герои — «добродетельные язычники получали спасение вне христианства»[38].

Отзыв казанского архиепископа о масонских сочинениях и «Велизарии» доставил правительству немало хлопот. Наконец, после долгого замешательства 19 октября 1789 г. Синод приказал конфисковать пять наиболее полезных, с точки зрения строптивого иерарха, книг и разрешить свободную продажу романа Мармонтеля, «изданного в печать по соизволению ее императорского величества». Интересна мотивировка этого указа, не встречающаяся больше ни в одном официальном документе тех лет. Основным аргументом в пользу своего решения запретить сочинения западноевропейских и отечественных мистиков правительство выдвигало тот факт, что они изданы «обществом каменщиков», которое в соответствии с пунктом 65 Устава благочиния 8 апреля 1782 г. было объявлено вне закона[39].

Итак, у Екатерины II уже давно, казалось бы, имелись все законные основания для ликвидации новиковских предприятий, однако она, как всегда, предпочла действовать окольными путями, избегая до поры до времени грубого насилия. Осторожная и расчетливая императрица долго не решалась на открытую расправу с масонами. Только убедившись в полном провале своих попыток натравить на них высшее духовенство, она сочла, наконец, необходимым напомнить членам Синода о существовании антимасонского закона семилетней давности.

Как показал дерзкий отзыв архиепископа Амвросия о «Велизарии», церковная иерархия не забыла Екатерине II вольнодумных увлечений молодости. Требуя усиления духовной цензуры, Платон и его единомышленники меньше всего думали о масонах. Мистицизм русских последователей Арндта и Сен-Мартена представлялся им куда менее тяжким грехом, чем атеизм энциклопедистов и фанатизм старообрядческих начетчиков. Более того, они и сами в полемике с врагами христианства нередко пользовались аргументами и риторическими приемами, почерпнутыми из сочинений знаменитых мистиков. Поэтому не удивительно, что масонские издания были широко представлены в библиотеках чуть ли не всех видных церковных ораторов конца XVIII в.: архиепископов Рязанского — Симона (Лагова) и Астраханского — Тихона (Малинина), епископа Воронежского Иннокентия (Полянского) и многих других. Поддержав на первых порах указ, запрещавший издание духовных книг светскими лицами, члены Синода вскоре поняли свою ошибку. Жертвой полицейских репрессий стал симпатичный им издатель «полезных и душеспасительных» сочинений, в то время как творения вольнодумцев и раскольников безнаказанно продолжали распространяться по стране.

Назревавший конфликт между правительством и церковной партией не на шутку беспокоил императрицу. 25 сентября 1787 г. она безапелляционно приказала всем «архиереям, архимандритам, игуменам и другим духовным чинам, упражняющимся в сказании проповедей и других сочинениях и переводах», печатать свои труды только в духовных типографиях после их «апробации» Синодом[40]. Судя по дошедшим до нас документам, правительство старалось избежать прямых столкновений с высшей иерархией православной церкви, однако антиновиковская кампания серьезно ущемляла интересы многих литераторов из среды духовенства. В этом отношении

весьма показательно прошение на имя московского главнокомандующего П. Д. Еропкина, поданное летом 1789 г. местным священником И. П. Алексеевым. Составитель «Краткого руководства по исчислению пасхалии» — сочинения вполне каноничного и одобренного духовной цензурой — потерял всякую надежду получить достойное «награждение» за свои «безвинно погибающие труды», так как печатание его книжки в новиковской типографии было приостановлено в июле 1787 г. Только после вмешательства архиепископа Платона и унизительного допроса ни в чем не повинных издателей полицейские власти Москвы наконец разрешили свободную продажу этого церковного календаря[41].

Хитроумно задуманный Екатериной II план удушения масонства с помощью официальной церкви провалился. Более того, обострение отношений с Платоном и его единомышленниками грозило обернуться серьезными неприятностями для самой императрицы[42]. Разочаровавшись в духовенстве, она вплоть до 1792 г. не прибегала к его помощи в борьбе с масонами и полагалась уже исключительно на светские власти.

Не успели духовные цензоры закончить отбор «сумнительных» книг, как императрица нанесла по новиковским предприятиям поистине сокрушительный удар. 21 августа 1788 г. Московский университет объявил торга для заключения очередного четырехлетнего контракта на аренду Университетской типографии. Казалось бы, все преимущества были на стороне Новикова, доказавшего свои недюжинные административные и финансовые способности. Однако в дело вмешалась Екатерина, и под ее нажимом шансы бывшего арендатора упали до нуля. 17 октября 1788 г. она послала к московскому главнокомандующему письмо, в котором подтверждала свое «прежнее повеление», категорически запрещавшее кураторам Университета продлевать контракт с Новиковым.

Стремление покончить с ненавистным издателем было настолько велико, что императрица постаралась не оставить ни малейшей лазейки, через которую он снова мог бы проникнуть под защиту университетских привилегий. Об этом свидетельствует особое «условие», заключенное канцелярией Московского университета с новым арендатором Университетской типографии коллежским асессором А. А. Светушкиным 5 ноября 1788 г. Согласно последнему он, получая типографию в аренду на 4 года 8 месяцев, обязался «в содержание» ее «как господина

Новикова, так и из его Типографической компании» никого в товарищи не принимать под угрозой подвергнуть себя «всей строгости законов» и «заплатить денежную пеню в размере десяти тысяч рублей»[43].

Власти не случайно подозревали Светушкина. Он был давним приятелем Новикова. Они, по-видимому, познакомились еще во времена работы екатерининской Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, где публичный нотариус Светушкин представлял город Епифань. Впоследствии, находясь «в доле» со своим родственником — арендатором Московской Сенатской типографии В. И. Окороковым, — он имел немало случаев ближе узнать и полюбить опального издателя. Однако риск подвергнуться суровому наказанию был слишком велик, чтобы Светушкин мог пойти на двойную игру.

Открывая подписку на «Московские ведомости» в январе 1789 г., старый и новый арендаторы Университетской типографии впервые широко известили читающую публику о перемене ее хозяина[44]. Передача дел от Новикова к Светушкину проходила, по-видимому, в полном мире и согласии обеих сторон, хотя уходящему «в отставку» типографу горько было расставаться с любимым детищем. 25 апреля 1789 г. Светушкин сообщил читателям о предстоящем перемещении Университетской типографии в бывший дом Межевой канцелярии на Тверской улице, а через три дня Новиков навсегда распростился с подписчиками «Московских ведомостей», выразив «почтенной публике чувствительнейшую свою признательность за одобрение, какового удостаиваемы были все предпринимаемые им в течение десятилетнего содержания типографии к доставлению как почтенным читателям сих листов, так и любителям полезного чтения книг труды». Отныне он становился частным лицом. Бывшая Университетская книжная лавка на Никольской улице у нового каменного моста номинально переходила к купцам Н. Н. Кольчугину и И. И. Переплетчикову. В непосредственном подчинении Новикова осталась только его собственная вольная типография, куда он перевел из Университета печатание всех своих периодических («Магазин натуральной истории», «Экономический магазин» и «Детское чтение») и подписных («Деяния Петра Великого», «Древняя российская вивлиофика», «Географический словарь Российского государства» и др.) изданий[45].

Узнав о расторжении контракта с Новиковым, недруги масонов возликовали. 30 августа 1789 г. куратор

И. И. Мелиссино радостно доносил И. И. Шувалову о том, что он и его единомышленники ничуть не обеспокоены «типографскими обстоятельствами», так как бывший арендатор якобы «лишил» Университет на «несколько лет» прибыли от печатания книг[46]. Действительно, постоянные обыски в типографиях и книжных лавках не только нанесли немалый ущерб Новикову, но и пагубно отразились на университетских доходах. Однако была ли в том его вина! Честно соблюдая дух и букву контракта на протяжении 10 лет, талантливый реформатор русского книгоиздательского дела сделал все от него зависящее для умножения этих доходов, превратив нерентабельную, кустарную мастерскую в современное, прибыльное предприятие. Самые пристрастные чиновники, стремившиеся уличить Новикова в казнокрадстве, не смогли найти в его действиях ничего противозаконного. К моменту ареста он сполна расплатился с Университетом, если не считать мизерного долга в 219 руб. 60 коп.[47].

Закат эпохи «просвещенного абсолютизма» ознаменовался радикальным пересмотром всех важнейших законоположений в области печати. Опрометчиво издав архилиберальный указ о вольных типографиях, Екатерина II вплоть до 1796 г. не прекращала попыток максимально сузить сферу его действия. Характерна резолюция императрицы на словесный доклад, представленный ей Сенатом в 1791 г.: «Просят вновь заводить вольные типографии, которых уже есть семь (в Москве). Заводить оные указом позволено, но какому роду людей не именовано; по силе же 29 статьи Дворянского положения и 105, 111 и 117 статей Городского положения, кажется, всякий торг и заведения, к каковым присовокупляются и типографии, принадлежат в городе купцам и мещанам, в чем и ее императорское величество согласна»[48]. Конечно, все эти поправки и разъяснения к указу 1783 г. не могли иметь обратной силы, однако косвенно они несомненно подрывали юридический статус новиковских издательских предприятий.

После увольнения из Университета дела издателя с каждым днем шли все хуже и хуже. «Новиков, — записал осенью 1789 г. в своем дневнике А. Т. Болотов, — находился тогда в весьма критическом положении. Учиненное ему запрещение, опечатание его книжной лавки и, наконец, отнятие у него Университетской типографии сделало ему ужасный подрыв, и состояние его было очень хило... Оставался он мне за целый почти год должным,

и все тамошние московские знакомцы советовали мне, чтоб я старался получить с него деньги как можно скорее, дабы он не обанкрутился». Некредитоспособность Новикова «уменьшала» в Болотове «охоту» продолжать «Экономический магазин» — его последнее рентабельное издание[49].

Болотова связывали с Новиковым прежде всего деловые отношения, и, естественно, что издатель не мог ожидать от этого расчетливого и педантичного сотрудника никакого снисхождения. Иное дело — компаньоны из масонского лагеря. Поддержав морально и материально просветительные и филантропические предприятия брата Коловиона в период их расцвета, масонские начальники поспешили отречься от него при первых же неудачах. Страх за свой кошелек оказался сильнее мистических уз братства и даже элементарной человеческой порядочности.

Немалый ущерб делам Типографической компании нанес недалекий и мстительный эмиссар немецких масонов барон Шредер. По его вине на плечи Новикова свалилась дорогостоящая и невыгодная покупка Гендрикова дома. Вслед за этим, нисколько не считаясь с интересами компаньонов, Шредер изъял из общей кассы свой пай. Постепенно компанейские предприятия пришли в упадок. Осенью 1789 г. Компания вынуждена была продать бывший дом Шварца в Банковском переулке и прекратить выплату дотаций масонским стипендиатам за границей. Два года спустя долги Новикова и его компаньонов достигли 300 тыс. руб. Казалось, ничто уже не могло их спасти от полного финансового краха. Однако и на этот раз судьба пришла на помощь издателю в лице его младшего друга и ученика, потомка уральских заводчиков-миллионеров Г. М. Походяшина. Богатый меценат предоставил Типографической компании беспроцентный заем в 50 тыс. рублей, а затем, после ее самороспуска в ноябре 1791 года, помог Новикову сохранить за собой типографию и книжные склады.

«Компания наша, — писал 20 ноября 1791 г. в Берлин к А. М. Кутузову в перлюстрированном полицией письме член Типографической компании князь Н. Н. Трубецкой, — приходила долгами до такого состояния, что мы накануне были сделаться банкрутами, да Бог помог нам, и Коловион с тем человеком, который достал тебе третьего, помнится, году или прежде кредит (т. е. с Походяшиным — *И. М.*), расчевшись с нами с нашего доброволь-

ного согласия, взяли как долги, так и дела все на себя, и наш положенный капитал нам возвратили... Возблагодарим Бога, что он избавил нас от стыда и сущего разорения, ибо мы, не имев капитала, достаточного для необходимого оборота по Компании, подвержены были и стыду и сущему разорению, а теперь, избавясь от оного, избавившему и купившему наши дела и имеющему большой капитал не только не сделали разорения, но и доставили еще случай с большим прибытком для себя и пользою для других употребить свой капитал. А наипаче сие утушило между многими из бывших наших членов дух ропота и от того происходящей нелюбви и подозрений, которые было уже между нами зачали являться. Словом, мой друг, надобно было быть с нами последние годы, чтобы восчувствовать во всей цене милость, которую нам оказал Бог, подав нам случай дело нашей Компании так продать и окончить, как мы кончили, ибо сего описать я не в силах, да и не хочу, ибо я хочу сие предать вечному забвению, но скажу, ко утешению нашему, что сей случай прекратил все неудовольствия, и теперь царствует между всеми нами та любовь и согласие, которые были прежде и которые зачали было совсем исчезать»[50].

Восстановив «любовь и согласие» братьев-каменщиков, мастер Коловион остался один на один с долгами, полицейскими репрессиями, тяжкими заботами. Дело, столь блистательно начатое, фактически закончилось катастрофой.

Кем же был на самом деле Новиков: опытным, расчетливым предпринимателем или неудачливым издателем-дилетантом? Пытаясь найти ответ на этот непростой вопрос, мы сталкиваемся с самыми противоречивыми мнениями не только его врагов, но и друзей. «Новиков... всячески старался приохотить публику к чтению, — писал Н. М. Карамзин, — угадывая общий вкус и не забывая частного»[51]. Эта панегирическая характеристика Новикова — книгоиздателя, издавна ставшая хрестоматийной, опровергается свидетельствами других его компаньонов и единомышленников. Получив от Н. Н. Трубецкого известие о прекращении деятельности Типографической компании, А. М. Кутузов весьма критически отзывался о деловых способностях брата Коловиона. «Известие ваше, — писал он, — причинило мне немалую радость... Без сомнения [Г. М. Походяшин], имея великий капитал, может исправить и привести все в хорошее состояние, но подлежит ему быть осторожну и ограничить планы Коло-

виона. Я всегда думал и ныне твердо уверен, что дело сие есть купеческое и, следовательно, надлежит поступать купечески. Небрежение сего правила было источником нашей расстройки. Купец не думает никогда быть метафизиком. Вот ошибка Коловиона. Сберегая будущие, и, может быть, никогда не случащиеся расходы, он лишал нас настоящих выгод. Я говорю здесь о пространных изданиях. Легче продать 300 книг, нежели 1500. Второе правило: надлежит располагаться по вкусу читателей»[52].

Вполне возможно, что Кутузов из берлинского далека лучше, чем непосредственные участники событий, видел многие ошибки и промахи Новикова. И все-таки никаким критикам и советчикам не по плечу было то непосильное бремя, которое добровольно взвалил на себя этот неутомимый труженик. Разраставшиеся с каждым годом вглубь и вширь новиковские предприятия требовали постоянного притока новых капиталов; не менее значительные суммы поглощала его многообразная филантропическая деятельность. Доходов же от продажи книг едва хватало на то, чтобы возместить их себестоимость. Книжная торговля еще только зарождалась в России и не сулила скорого и верного обогащения отважным пионерам книжного дела. Поэтому, несмотря на все ухищрения книгоиздателя, сотни тысяч рублей оседали мертвым капиталом в горах нераспроданных книг. Приходилось залезать в долги, обращаться за помощью к чужим, ненадежным людям. В конечном счете, с помощью Походяшина и других просвещенных меценатов Новикову, возможно, и удалось бы справиться с финансовыми трудностями. Однако постоянное противодействие властей, обыски, конфискация книг, травля сводили на нет все попытки издателя сделать свое предприятие доходным. Как показал опыт, политика экономического удушения русских просветителей при всей своей эффективности не способна была окончательно парализовать их волю к борьбе. Поэтому Екатерина II исподволь подготовила последний, решающий удар, навсегда вычеркнувший Новикова из списка активных общественных деятелей.

Неожиданное возвышение старого фронтового генерала князя А. А. Прозоровского, назначенного в феврале 1790 г. московским главнокомандующим вместо либерального Еропкина, вызвало немалое удивление у всех знакомых этого недалекого, но ретивого служаки. Надменный и грубый Прозоровский никогда не пользовался благосклонностью Екатерины II. Однако императрица

оказалась хитрее и дальновиднее всех. Ее расчет как раз и строился на непопулярности Прозоровского. В случае чего, кровь невинных жертв падает на голову палача, и его всегда можно будет обвинить в превышении полномочий. Так Екатерина и поступила впоследствии.

Появление в свет знаменитой книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», посвященной одному из членов Типографической компании А. М. Кутузову, вызвало у императрицы новую вспышку ненависти к масонам. Дерзкий автор тут же был объявлен их единомышленником[53], хотя братья-каменщики и пытались отмежеваться от него.

Очень сомнительна искренность масонов, которые, по словам И. В. Лопухина, «не только не знали ничего» о книге Радищева, «но даже не читали ее»[54]. Не случайно в своем письме к С. И. Шешковскому управляющий Кабинетом Екатерины II В. С. Попов упоминал о найденной среди бумаг Новикова радищевской оде «На вольность» с многочисленными «приправками»[55]. Как бы то ни было, даже твердо установленный факт знакомства московских масонов с «Путешествием» или его фрагментами не давал еще властям никаких оснований видеть в них «сочувственников», а тем более «соучастников» Радищева. Однако Екатерину II меньше всего интересовали подлинные философские взгляды мастера Коловиона.

После ареста автора «Путешествия» антимасонская кампания с каждым днем начала набирать силу.

Весной 1791 г. Екатерина II послала в Москву графа А. А. Безбородко с деликатной миссией разведать на месте, как ведут себя масоны и, если подозрения об их злокозненных замыслах подтвердятся, принять против Новикова и его единомышленников решительные меры. Хитрый вельможа не захотел впутываться в это сомнительное, сулящее мало чести предприятие и постарался переложить всю ответственность на Прозоровского[56].

Итак, Безбородко уклонился от вынесения окончательного приговора Новикову. Но это была только отсрочка. Императрица и сама не спешила сказать свое последнее слово, сознавая необходимость подготовить общественное мнение к столь суровым политическим репрессиям.

Ждать добровольных помощников долго не пришлось. Вслед за Екатериной II на масонов дружно ополчились рептильные литераторы. Многочисленные списки

антимасонских сатир в стихах и прозе ходили по рукам, порождая в обывательской среде самые невероятные слухи и фантастические вымыслы. Постоянные обыски в новиковских домах подогревали нездоровый интерес к «масонским козням», распаляли воображение невежд. «Однажды, — вспоминал впоследствии питомец московских масонов Д. П. Рунич, — при Новикове, не зная его, светская сплетница кричала, что видела как он „на камне плывет вверх по Москве-реке“»[57]. Чего только не приписывала людская молва масонам! Говорили, что они продали души дьяволу, вызывают мертвых с того света, оскверняют церкви, печатают фальшивые деньги и еще много подобных нелепостей.

Грозные события во Франции — арест изменника-короля, участившиеся акты индивидуального террора против роялистов и иноземных вдохновителей контрреволюционной интервенции — породили новую волну подозрений. «В народе была тогда молва, — писал один из современников Новикова, — что якобинцы и франк-масоны, соединясь, умыслили отравить государыню ядом... Эта молва распространилась по всей России...»[58] В этой атмосфере страха и насилия трагический финал деятельности великого русского просветителя был неизбежен.

Роль масонства и даже его наиболее радикального крыла — иллюминатов — во Французской революции явно преувеличена. Тем меньше оснований подозревать в сочувствии революционным идеям богатых московских вельмож. Напомним, что новиковские стипендиаты В. Я. Колокольников и М. И. Невзоров зимой 1790 г. поспешили покинуть Францию, не дожидаясь распоряжений правительства и своих начальников[59]. Узнав о готовящемся покушении на жизнь Екатерины II, князь Н. Н. Трубецкой и И. В. Лопухин тут же предложили правительству свои услуги в борьбе с агентами якобинцев и иллюминатов[60]. И все-таки, легенде о масонах как предтечах и организаторах первых революционных обществ в России, суждена была долгая жизнь.

Влияние масонства на декабристское движение несомненно[61]. Однако оно носило скорее моральный, этический, может быть, организационный, но не политический характер. Даже императрица едва ли считала Новикова и его единомышленников революционерами. «Десятью годами раньше, — писал А. И. Герцен, — Екатерина послала бы за Новиковым и увидела бы, что он вовсе не участник тайного заговора против династии»[62].

Глава 6
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЕ ЗАТОЧЕНИЕ

Зимой 1792 г. из перлюстрированной полицией переписки руководителей русских масонов правительству стало известно об их связях с немецкими братьями по ордену. С трудом продираясь сквозь чащу туманных мистических символов и аллегорий, императрица и ее приближенные тщетно ломали головы над тем, куда ведут нити масонского заговора. Страшные видения дворцового переворота и «бунта черни» всю жизнь преследовали Екатерину. Она не забыла ни июньского утра 1762 года, когда русская армия по мановению руки отважной авантюристки повернула штыки против законного монарха, ни «крестьянского царя» Пугачева, собравшего под свои знамена легионы недовольных. Екатерине мерещились то страшные иллюминаты — союзники якобинцев, злоумышляющие на ее жизнь, то ненавистный сын, с помощью пруссаков и масонов возвращающий себе отцовский престол.

У русской императрицы были причины опасаться покушений и заговоров. 1 марта 1792 г. скоропостижно и при загадочных обстоятельствах умер австрийский император Леопольд II. Через несколько дней в Петербург приехал из Стокгольма курьер с известием о том, что на балу смертельно ранен офицером-республиканцем один из активнейших организаторов интервенции против революционной Франции — шведский король Густав III. Ужас, обуявший европейских монархов, был так велик, что чувствительная португальская королева сошла с ума от страха. Екатерина II изо всех сил пыталась сохранить хотя бы внешне присутствие духа. Однако с каждым днем ей все труднее это удавалось. В мрачном безмолвии застыли у дворцовых ворот усиленные караулы, опустели приемные залы, разом одряхлевшая Екатерина подозрительно вглядывалась в привычные лица и чуть ли не в каждом видела заговорщика. «Я боюсь одуреть по милости событий, которые так сильно потрясают нервы, — жаловалась она своему давнему заграничному агенту барону Гримму. — Якобинцы всюду разглашают, что они меня убьют, и даже отправили троих или четверых людей для этой цели. Мне с разных сторон присылают их приметы... Мэр [Парижа] Петион уверял, что к первому июня я уже буду на том свете»[1].

В минуту слабости она, «смирясь» с судьбой, составляла на «закапанных» слезами бумажках мелодраматические проекты завещания... и тут же отдавала полиции строгие приказы о розыске таинственного кандидата в цареубийцы Бассевиля.

Итак, все возможные меры были приняты: пограничные заставы усилены, караулы в дворцовых городах утроены, все трактиры и гостиницы для приезжих наводнены шпиками и полицейскими. И все-таки Екатерина II не знала ни минуты покоя. Ее страшила измена...

Императрица ненавидела и боялась сына. Убив отца Павла руками фаворита, преступная мать узурпировала права восьмилетнего сына на престол и навсегда постаралась отстранить его от государственных дел. Полуузник, полусюзерен игрушечного «царства» — Гатчины, полководец «потешной» армии, истеричный цесаревич к сорока годам растерял все лучшее, что было заложено в его ум и душу учителями. Любая не санкционированная Екатериной попытка проникнуть сквозь невидимую стену, которой она окружила Павла, приравнивалась к государственному преступлению. Поэтому очередной донос П. А. Алексеева о попытках масонов найти себе покровителя в лице цесаревича окончательно решил судьбу Новикова.

13 апреля 1792 г. Екатерина II отдала распоряжение Прозоровскому произвести обыск в московских домах издателя и в его подмосковном имении. Формальным основанием для того послужило появление в продаже популярного старообрядческого сочинения Андрея Денисова «История о отцах и страдальцах Соловецких», напечатанного в неизвестной типографии. Подозрение, якобы, пало на Новикова. Трудно было найти более смехотворный предлог для расправы с неугодным издателем. После ареста Новикова Екатерина даже не пыталась выяснить, кто же на самом деле напечатал книгу Денисова.

Нет, не приверженцы древлеправославной веры беспокоили Екатерину! Ее указ был всего лишь сигналом для Прозоровского, что давно разработанный план «уловления» Новикова вступает в силу. «Найдется ли у него такая книга [т. е. «История»] либо другие, ей подобные, — гласило распоряжение императрицы, — и то и другое будет служить достаточным обвинением... и в таком случае не только лишается он права содержания типографии, как преступивший изданные от нас повеле-

ния... но подвергается конфискации всех таковых книг и литер, а сверх того и должному по законам ответу и взысканию; чего ради и подлежит самого взять под присмотр и допросить о причине такового запретного поступка»[2].

Шпионы Прозоровского поработали на славу. Как и следовало ожидать, полицейские чиновники не нашли у Новикова «Истории о отцах и страдальцах», зато почти во всех его книжных лавках, на складах и в библиотеках обнаружены сотни экземпляров запретных мистических сочинений. Одно это могло служить достаточным основанием для придания издателя суду.

Утром 25 апреля в тихое село Авдотьино на полном скаку ворвался отряд гусар, предводительствуемый майором Жеваховым. Нежданные гости нагло вломились в дом, до смерти перепугав детей Новикова, вытащили из постели больного хозяина и повезли на расправу к московскому главнокомандующему. Служебного рвения у Прозоровского хватало в преизбытке, а вот умом и интуицией природа его явно обделила. Пока ретивый следователь руководствовался инструкцией, полученной от императрицы, допрос шел гладко, но как только он пытался проявить собственную инициативу, на бледных губах измученного Новикова появлялась насмешливая улыбка. Уж слишком груб и прямолинеен был этот неотесанный солдафон. Убедившись в том, что «орешек» явно ему не по зубам, Прозоровский жаловался в письме к Екатерине: «Такового коварного и лукавого человека я, всемилостивейшая государыня, мало видал; а к тому ж человек натуры острой, догадливой, и характер смелый и дерзкий: хотя видно, что он робеет, но не замешивается; весь его предмет только в том, чтобы закрыть его преступления». «Я признаться должен пред вашим величеством, — продолжал он, — что один его открыть не могу»[3].

Екатерина, по-видимому, не собиралась передавать дело мастера Коловиона в суд[4]. Найденные в Авдотьине бумаги, подтвердив многие ее подозрения, все-таки не годились для организации сенсационного политического процесса. Прямых доказательств связей московских масонов с иллюминатами и якобинцами обнаружить не удалось. Пусть чутье и подсказывало императрице, куда «клонились» мудрствования Новикова и его единомышленников, однако она понимала, что даже на основе пристрастного толкования туманных масонских

рассуждений о «равенстве людей» перед богом серьезного обвинения не построишь. В то же время дело Коловиона оказалось слишком «нежным» для гласного разбирательства. На суде могли «всплыть» нежелательные для правительства подробности о контактах Павла с Новиковым, а вместе с ними и щекотливый вопрос о том, что побудило «законного наследника престола» искать сочувствия и поддержки у гонимых масонов. Поэтому Екатерина охотно поддержала просьбу московского главнокомандующего избавить его от «коварного и хитрого» пленника и передать дальнейшее следствие в руки опытного «заплечных дел мастера» С. И. Шешковского.

Майской ночью Николая Ивановича вместе с его домашним врачом — масоном Багрянским и крепостным слугой подняли с постелей, разрешили взять только самые необходимые в дороге вещи и посадили в закрытую коляску. Коляска покатила по Владимирской дороге, конвоируемая эскадроном гусар. Арестованным строго-настрого запретили разговаривать с конвоем, ехали почти не останавливаясь, а во время недолгого отдыха в придорожных трактирах стража бдительно следила за каждым их шагом. Только много лет спустя в архивах был найден секретный указ императрицы Прозоровскому, объяснивший странное поведение палачей русского просветителя. «Повелеваем Новикова отослать в Слесельбургскую крепость, — писала она 10 мая 1792 г., — а дабы оное скрыть от его сотоварищей, то прикажите везти его на Владимир, а оттуда на Ярославль, а из Ярославля на Тихвин, а из Тихвина в Шлюшин, и отдать тамошнему коменданту; везти же его так, чтоб его никто видеть не мог»[5]. Одновременно с этим Екатерина приказала Шлиссельбургскому коменданту срочно подготовиться к приезду нового безымянного узника, а секретарь Храповицкий получил крупный нагоняй за то, что передал ей «сверхсекретные» бумаги «по делу» Новикова на подпись через камердинера Захара. Слава еще богу, что преданный слуга «не знал грамоте»[6].

Зачем же понадобилась эта таинственность? В отличие от Прозоровского, Екатерина II прекрасно понимала, что ни иноземные якобинцы, ни отечественные масоны не станут с пистолетами и шпагами отбивать Новикова у рубак Жевахова. Может быть она боялась общественного мнения, заточая его без суда в одну из самых страшных тюрем? Едва ли! Более того, у императрицы

имелись законные основания для ареста Новикова. Издатель запрещенных книг одним этим уже навлек на себя наказание. И все-таки сама Екатерина в указе Прозоровскому «проговорилась» об истинных мотивах своих поступков. «Сие Новикова отправление, — писала она, — должно на подобных ему наложить молчание»[7]. Как видно уже на самой ранней стадии следствия императрица приняла решение сделать мастера Коловиона «козлом отпущения» за грехи всех масонов. Не время было восстанавливать против себя родовитое дворянство суровыми репрессиями против отпрысков «лучших семей», а по сему их включили в разряд «обольщенных». Лопухины, Трубецкие, Тургеневы не страшили Екатерину. Что они могли сделать, потеряв самого энергичного и предприимчивого собрата? К тому же печальная судьба строптивого издателя навсегда должна была отбить у них охоту играть в высокую политику. В этих условиях таинственное, бесследное исчезновение Новикова оказалось гораздо эффектнее, чем самый жестокий приговор. Такое решение его судьбы, дезориентируя общественное мнение, оставляло богатый простор для всевозможных домыслов и вымыслов о «винах» книгоиздателя и каре, постигшей его.

Слухи, один фантастичнее другого, расползались по России. «Дело Новикова решилось, — писал известный историк Н. Н. Бантыш-Каменский князю А. Б. Куракину. — Все, что в вину приписывается по молве, есть переписка с якобинцами»[8]. Для крупнейшего археографа России, казалось, не было тайн в давно минувших веках, однако он гораздо хуже разбирался в современной политической «кухне». «Был секретный пакет от князя Прозоровского. — читаем мы запись в дневнике Храповицкого этих дней, — меня заставили прочесть из него одну только французскую пьесу, чтобы не выбирать в гранприоры [масонского ордена] его высочество государя цесаревича по обстоятельствам политическим, и что он еще не масон. Замешан в сие дело Александр Борисович Куракин»[9]. Итак, приближенные Павла строили догадки о связях Новикова с якобинцами в то время, как над их головами уже был занесен карающий меч. Лучше других оказался осведомлен об истинном положении дел поэт и царедворец Д. И. Хвостов. Однако и в его письмах правда причудливо переплеталась с вымыслом. «Внутреннее благодарение богу (т. е. масонство) утихло, — сообщал он А. В. Суворову 14 мая. — Кончено,

разорением гнезда мартинистов в Москве и удалением их начальника Новикова в Соловки. К(нязю) Р(епнину) (масону-военачальнику, близкому к Павлу — *И. М.*) явление у двора может быть, но нуль навеки. Никому, не вельможе, вы изволите догадаться, не позволено мешаться в дела (престола), и по сему отторжение принцовых полков к Военной коллегии»[10]. Как известно, Екатерина заточила Новикова не в Соловки, а в Шлиссельбургскую крепость, да и расформирования гатчинской «армии» не последовало.

Все говорили о Новикове, но никто не осмелился сказать ни слова в его защиту. Братья-масоны, высланные в свои родовые имения, радовались тому, что отделались столь легким наказанием за несуществующие «преступления». Тоскливое смирение, «ипохондрия», мистическое самоуглубление овладели сердцами былых сподвижников мастера Коловиона.

Только один Карамзин сразу же после ареста своего наставника и друга попытался воззвать к гуманным чувствам императрицы.

«Блажен певец, тебя поющий,
В жару, в огне души своей!
Доколе Милостию будешь,
Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден», —

писал он в стихотворении «К милости», напечатанном в майском номере «Московского журнала» за 1792 г.[11] Но его слова остались «гласом вопиющего в пустыне». Даже А. Т. Болотов, который встретил с «сожалением» первое известие об аресте «всегда благоприятствовавшего» ему издателя, впоследствии отрекся от ««злоумышленника» против «государыни»[12].

Хуже всех пришлось лишенным громких титулов и сиятельных покровителей купцам, в чьих лавках были найдены запретные масонские сочинения (20 книг, изъятых из продажи в 1786—1787 гг., и 48 — напечатанных позднее «без указного дозволения»). Весной 1792 г. полиция, по приказанию Прозоровского, арестовала крупнейших московских книготорговцев. Их место заняли новые, случайные, а может быть, и «подставные» лица. Они преспокойно торговали дозволенными к продаже новиковскими изданиями, получая их неизвестно какими путями из запечатанных полицией оптовых складов. На свободе остался единственный книжник-ветеран Х. Ридигер, однако и у него несколько раз производили

обыски, разыскивая «вредные и непозволительного содержания» книги.

Остальных новиковских комиссионеров[13] судили и многих из них, возможно, ожидала каторга, если бы за несчастных купцов не вступился опытнейший юрист, профессор правоведения Московского университета З. А. Горюшкин. Он один не побоялся вступить в борьбу со всесильным князем Прозоровским, добившись в Московской уголовной палате значительного смягчения приговора, вынесенного судом низшей инстанции.

После ареста Новикова полиция запечатала лавки не только московских, но и петербургских книготорговцев. Более того, столичный обер-полицмейстер Глазунов потребовал, чтобы все книги были свезены в полицейские участки для просмотра. Выполнение этого приказа грозило купцам неисчислимыми убытками, и они обратились к Екатерине II с просьбой одернуть зарвавшегося чиновника. Не желая без нужды обострять отношения с «третьим сословием», императрица повелела «пересмотреть и переписать книги и эстампы в домах и лавках»[14]. Обыски у хозяев столичного книжного рынка едва ли серьезно отразились на состоянии их дел, однако чуть ли не каждый петербургский книготорговец имел в Москве родственников, компаньонов или приказчиков, лишившихся, по милости Прозоровского, имущества и свободы.

Летом 1792 г. в канцелярию московского главнокомандующего поступило письмо директора Академии наук, княгини Е. Р. Дашковой. Как выяснилось из него, столичный купец И. П. Глазунов отказался платить Академии долг за взятые на комиссию книги и эстампы ввиду того, что большая их часть «запечатана и остается без всякой продажи» в московских лавках. Попытка княгини вступиться за проштрафившихся братьев Глазуновых и ее просьба разрешить торговлю «ни малейшему запрещению и сомнению не подверженными» книгами успеха не имела[15]. Два года спустя, 12 апреля, императрице снова напомнили о судьбе опальных книготорговцев. На этот раз ходатаем за них выступил петербургский компаньон Полежаева Г. К. Зотов. «В разные времена, — писал он, — переслал я в Москву отсюда академических и прочих книг, купленных мною как на мои собственные деньги, так и на кредиторские, более нежели на 25 000 руб. Но в начале 1792 г., противу чаяния моего и без сомнения по неведению, оказался Полежаев в про-

даже некоторых запрещенных книг, по поводу чего тогда ж Московскою управою благочиния опечатаны его лавки, а в них и пересланные от меня книги, в каком состоянии и поныне они находятся, приходя в гнилость и превращая капитал мой в ничтожность, а чрез то безвозвратно разорясь, лишаюся моих заимодавцев и честного имени»[16]. Дальше затягивать решение судьбы запечатанных московской полицией книг было невозможно, и Екатерина II удовлетворила просьбу Зотова, разрешив их свободную продажу. Незадолго до своей смерти, 2 июля 1796 г., императрица, по случаю рождения великого князя Николая Павловича, подписала указ, которым все новиковские комиссионеры освобождались от наказания. К сожалению, действие этих распоряжений не распространялось ни на Новикова, ни на имущество Типографической компании.

Заточив издателя в Шлиссельбургскую крепость, мстительная Екатерина II поручила Прозоровскому довершить его разорение. Первым делом все новиковские лавки и склады были очищены от книг, запрещенных указами 1786—1787 гг. Эта работа не составила особого труда для простых полицейских чинов, достаточно хорошо знавших, где и что искать. Гораздо более «твердыми орешками» оказались библиотека Новикова в Авдотьине и огромное книгохранилище Дружеского ученого общества в Гендриковом доме. Не полагаясь на познания полиции в вопросах теологии, А. А. Прозоровский обратился 16 мая 1792 г. к московскому митрополиту Платону с просьбой «назначить из духовных чинов двух персон, учением и разумом известных», которые могли бы со знанием дела просмотреть все книги и рукописи и «сделать замечания, в чем они не согласуют православной вере нашей и уставам церкви». Платон поручил обязанности цензоров ректору Заиконоспасской академии Мефодию (М. А. Смирнову) и протопопу церкви трех святителей Василию Прокопиеву[17].

Более полугода понадобилось цензорам на просмотр русских книг из лавок, складов и авдотьинской библиотеки[18], пока очередь, наконец, не дошла до главного книгохранилища московских масонов. «По реляциям моим вашему императорскому величеству известно, — писал Прозоровский Екатерине II, — об отобранных книгах по следствию Новикова в лавках и в его деревне, прежде запрещенных 3000, да вновь без позволения по секретным станам напечатано около 3000. Последние пере-

сматриваются Заиконоспасской академии ректором и церкви Трех святителей протопопом. И хотя не могли они кончить всех осмотром, но между тем попалась книга под названием «Новое начертание истинныя теологии». В первом томе мистика, но противная проповедыванию церкви нашей, во втором касается уже до гражданского правительства, чтобы по заведении новой церкви подчинить оной и все государственное правительство и соединить все народы и законы вообще, а наконец стараться завести республику. Я при сем всеподданнейше оную книгу и цензорово замечание подношу... Когда и прочим книгам окончится цензура, то я по одному экземпляру от каждого сочинения с замечаниями цензоров поднесу вашему величеству, а прочие, как и прежде отобранные и находящиеся в конторе Святейшего Синода истребить... Домы Новикова запечатаны как о сем по моим реляциям ваше величество известны. А в одном из оных две иностранных книг библиотеки; хотя каталоги сделаны, но неосновательны. То не угодно ли будет повелеть их рассмотреть и годные, принадлежащие до богословия, отдать в Заиконоспасскую академию, а прочих материй в Университет, а вредные тож истребить»[19].

11 февраля 1793 г. Екатерина II приказала «предать огню все без изъятия» запрещенные книги, «не взнося и к нам экземпляров», а остальные передать духовной академии и Университету[20]. Распоряжениями А. А. Прозоровского директору Московского университета И. И. Мелиссино и епископу Дмитровскому Серапиону предписывалось назначить пять цензоров для рассмотрения книг в библиотеках Гендрикова дома, людей «способных к тому и надежных, которые бы не были заражены сектой так называемых мартинистов»[21]. Казалось бы, кандидатуры профессора всеобщей истории Иоганна Виганда, университетского библиотекаря И. А. Гейма, протоиерея Никитской церкви на Басманной Иоанна Иоаннова, священника Мароновской церкви в Старых Панех, в прошлом учителя греческого и еврейского языков в Заиконоспасской академии Симеона Григорьева и преподавателя той же Академии Николая Иоаннова вполне отвечали этим требованиям. Однако, на всякий случай, Прозоровский поручил 24 марта 1793 г. надзор за ними специально выделенному полицейскому офицеру капитану Ивану Дессеньеру[22].

Московский главнокомандующий торопил цензоров: ему не терпелось поскорее донести императрице об унич-

тожении крамольных книг. Малопочтенное занятие, необходимость в запущенном доме разбирать горы книг тяготили цензоров, и они работали спустя рукава. Едва ли по душе была роль инквизитора профессору Виганду, судя по отзывам современников, мягкому, доброжелательному человеку. В июне 1793 г. он оставил Московский университет и избавился от обязанностей цензора. По-видимому, неловко себя чувствовали в роли пособников палачей Новикова и его бывшие сотрудники — Иоанн Иоаннов и назначенный вместо Виганда профессор А. М. Брянцев. Не случайно Прозоровскому пришлось напомнить цензорам об их обязанностях: «От господина полицмейстера уведомляюсь я, что вы, окончив разбор книг в двух горницах, более разбирать отказываетесь тем, что я предписал разобрать только две библиотеки; то я весьма удивляюсь, что ученые и умные люди таковое делают толкование слову, будто две библиотеки значут две горницы, ибо и одна библиотека может занимать несколько горниц. В рассуждении чего предписываю вам разбирать все книги в том доме, не только в горницах, но и в погребах, какие есть, не исключая из них ничего, даже и манускриптов, на основании данных вам инструкций, а которые разобраны, оным реестр представить ко мне, а прочим представить по окончании вашего разбора»[23].

К осени 1793 г. цензоры с горем пополам закончили работу. Реестры книг, подлежащих как сожжению[24], так и передаче в Заиконоспасскую академию и Университет[25], составлены ими на крайне низком даже для того времени библиографическом уровне. А ведь среди них был высококвалифицированный библиотекарь И. А. Гейм, да и остальные цензоры несомненно умели работать с книгой. Московский главнокомандующий остался очень ими недоволен. Когда в апреле 1794 г. в Гендриковом доме была найдена новая палата с книгами, которая при первом осмотре не была отперта, Прозоровский, призвав снова цензоров, обратился к ним с грозным предупреждением: «Я при сем случае долгом поставляю напомянуть вам цензировать книги с всеприлежнейшим вниманием, как от каждого требует верноподданический долг. Из книг, вами непризнаных за непозволенные, трагедия (Вольтера) „Смерть Кесарева“ (М., 1787) весьма недостойна существования»[26]. Вслед за тем, 23 апреля 1794 г., главнокомандующий предписал, «чтобы в число вредных книг отложили книгу под

названием «Размышления о делах божиих» (Ч. 1—4. М., 1787—1788), также и две трагедии под названием: первая «Смерть Цесарева» и вторая «Юлий Цесарь» (трагедия В. Шекспира. М., 1787) [27]. Так, в годы, когда слово «цареубийство» приводило в трепет монархов, был уничтожен один из лучших переводческих опытов Карамзина. Больше повезло религиозно-назидательному журналу «Размышления о делах божиих». Об этом свидетельствует распоряжение Прозоровского, направленое им 22 июня 1794 г. Д. А. Олсуфьеву и А. П. Курбатову: «По причине, что цензоры, разбиравшие книги в доме Новикова, книгу под названием „Размышления о делах божиих" в одной палатке поместили в число мистических книг, то отдана она была, как вам известно, прежде назначенному для рассматривания книг цензору церкви Трех святителей Прокопиеву для лучшего о содержании ее удостоверения, и сей протоиерей одобряет ее, яко книгу, к пользу относящуюся; почему и предписываю вам сию книгу, сколько у кого отобрано было, возвратить хозяевам»[28].

От судей крамольные книги перешли в руки палачей. Эта роль была отведена управляющему Московским приказом общественного призрения А. П. Курбатову и адъютанту Прозоровского С. С. Кушникову. Екатерина II предпочитала вершить черные дела под покровом тайны. Еще за несколько лет до ареста Новикова она со столь характерным для нее лицемерием писала в Сенат об одной из безымянных жертв своего царствования: «Мне о книге говорил Шешковский, что она сумнительна; понеже в ней государские имена и о боге много написано, так довольно будет, отобрав, в Сенате истребить — не палачем» [29]. В этом же духе была составлена 31 октября 1793 г. инструкция Прозоровского А. П. Курбатову:

«...Хранившиеся в Синодальной конторе [30] книги мною отданы под смотрение ваше так, как все в лавках и в деревне Новикова забранные непозволительные книги в вашем же смотрении находятся, а ныне докладывали мне определенные к разбору помянутых библиотек цензоры, что ими все книги в тех библиотеках разобраны, а остается только небольшая часть связок рукописных и печатных, то я и предписал им, отобрав все запрещенные и вредные книги в особый покой, отдать оные вам.

Вам же предписываю... согласясь с адъютантом моим Кушниковым, начинайте неприметным образом все

прочие книги истреблять, предавая огню на каменных кирпичных заводах, начиная первоначально (ежели всех сжечь удобности не найдете) полученные из Синодальной конторы, потом хранящиеся в вашем смотрении, а, наконец, и состоящие в доме Новикова. Вывозить оные из города должно попозже в вечеру или поутру до света. Какое для сего пособие вам потребно будет от стороны полицмейстера, об оном с ним изъясниться, и исполнено будет, как я о том и предписание ему дал. А на чем сии книги вывозить я адъютанту Кушникову приказал, который будет иметь и одного офицера из ординарцев моих для препровождения. Вам же предписываю не поверять никому, а лично самим вам и адъютанту Кушникову смотреть, чтобы при вас книги для перевозу в фуры вложены были и все при вас же обоих вынуты и сожжены были. И стараться все со всевозможной скромностью исполнить и по исполнении мне репортовать»[31].

18 500 книг были брошены в огонь[32]. В печах кирпичных заводов сгорели не только труды известных мистиков и алхимиков, но и политический трактат Вольтера «Набат на разбуждение королей» (1779), написанный и переведенный на русский язык по заказу Екатерины II. Единственной светской книгой на иностранном языке, обреченной на сожжение, оказалось собрание сочинений Николы Макиавелли. Было что-то символическое в уничтожении трудов теоретика политического цинизма циниками-практиками! Весть о «подвигах» Курбатова и Кушникова, «несколько ночей сряду» занимавшихся истреблением новиковских книг, разнеслась по всей Москве и вызвала новые насмешки над генералом-инквизитором[33].

Екатерина II проявила черную неблагодарность к Прозоровскому. Советник Московской уголовной палаты Д. А. Олсуфьев, «выискавший» в Авдотьине компрометирующие масонов бумаги, получил в награду орден, гусары Жевахова — годовое жалование. Еще щедрее было вознаграждение Шешковскому. 5 мая 1793 г. императрица пожаловала главному палачу Российской империи из «кабинетской суммы» 10 тыс. руб. и тысячу — на нужды его канцелярии, а после смерти Шешковского, в апреле 1794 г., вручила такую же сумму вдове «за ревностную службу» покойного супруга[34]. Только заслуги организатора «дела Новикова» остались без воздания. «Князь Прозоровский, приехавший из Москвы, — записал в дневнике 26 января 1793 г. А. В. Храповицкий, —

помешал читать газеты. (Императрица) спросила у меня: Знает ли он сам, зачем приехал? — Я промолчал. — Он приехал, сиречь, к награде за истребление мартинистов»[35]. Вместо награды Прозоровского за ненадобностью «по собственному желанию» уволили «от главного начальства в Москве».

К началу 1793 г. Новиков был полностью разорен. «Мистические» книги сожгли, остатки библиотеки передали Московскому университету и Заиконоспасской академии, а все остальное движимое и недвижимое имущество просветителя — дома, орловскую деревню, типографское оборудование, бумагу, книжный склад и аптеку — решили продать с аукционных торгов для расплаты с его многочисленными кредиторами.

Судя по «Описи имению Новикова», составленной 14 июня 1795 г. Московским приказом общественного призрения, к продаже назначались «разного звания» книги на общую сумму в 690 тыс. руб.[36] Особое место среди них занимали незаконченные новиковские издания, которые, по согласованию с местной полицией, переходили к «покупщикам с правом допечатания»[37]. Распродажа имущества шлиссельбургского узника справедливо представлялась начальникам Приказа делом чрезвычайно хлопотным и не слишком прибыльным. «Единственная выручка денег может быть за книги, — писали они в сентябре 1795 г. новому московскому главнокомандующему М. М. Измайлову, — но и сия продажа, если будет продолжаться порознь каждого сочинения по одному экземпляру, то кроме того, что не скоро получится предназначенная за оные сумма, а особливо ежели не учредить оной на точном положении лавочной продажи, но притом статься может, что по выкупе лучших сочинений большая часть останутся не проданы; ежели же продавать целыми каталогами, то никто оных купить не может, кроме книгопродавцев, которые и все вместе едва ли десятую долю могут наличною суммою заплатить противу того, чего оные стоят. Притом же и книги подвержены немалой порче из-за бесхозяйственного за оными присмотра... Немалое число книг сгнило от течи комнат, когда оные были заперты; а как некоторые книги составлены из нескольких частей, то за повреждением одной или двух из оных или некоторого числа из них листов не могут быть проданы и остальные части, чего и предупредить нельзя, не имея на то особой суммы, чтоб повреждения Никольскому дому, где ныне книжный ма-

газин и лавка, исправить, и без определения способных к содержанию книг в должном порядке людей, которым производить должно пристойное жалованье»[38].

В этих условиях первоначально назначенная устроителями аукциона уступка 20% с продажной цены каждой новиковской книги показалась им недостаточной, и они сбавили еще по 10 копеек с рубля[39]. Оптовым покупателям, берущим товару на 150—1000 руб., предоставлялась скидка в 35%, на 1110 руб. и больше—40%; тем же, кто покупал книги, «не обходя ни одного звания», по одному или по 10 экз., их уступали за 50 и даже 40% номинальной стоимости[40].

Перечеркнув раз и навсегда все планы и свершения русского просветителя, враги Новикова постарались накрепко забыть о его существовании. Но мастер Коловион был жив и даже в тюремных стенах выиграл свое последнее сражение с могущественной императрицей.

Прошло всего несколько дней после заточения Новикова в Шлиссельбургскую крепость, и он еще не успел толком прийти в себя после длинной, тяжелой дороги, а на пороге его камеры уже появился с «допросными листами» в руках известный всей России государственный инквизитор С. И. Шешковский. Сын пройдохи-канцеляриста, плоть от плоти «приказной» среды, смертельным врагом которой был издатель «Трутня» и «Живописца», он прошел высшую школу «кнутобойных наук» у незаурядного мастера этого кровавого ремесла — бироновского палача А. И. Ушакова.

Новиков не был тем человеком, у которого можно вырвать признания грубой силой. Это сразу же понял Шешковский, почувствовав большую нравственную силу в изможденном узнике. И старый ханжа избрал роль духовного пастыря, «исповедника» заблудшего еретика. Однако при допросе вопросы религиозные отошли на задний план. Екатерину интересовало только одно: участвовал ли Новиков и его единомышленники — масоны в каком-либо антигосударственном заговоре с целью свержения монархии либо возведения на престол Павла.

Мастер Коловион держался на допросах с большим достоинством, отвечал на вопросы следователя честно, подробно и вразумительно. «Я всегда всякими изменами, бунтами, возмущениями гнушался», — твердо заявил Новиков в начале допроса, сразу же отметая попытки Шешковского нарядить его в «кафтан» Пугачева[41]. Вся жизнь просветителя подтверждала его слова. «Под име-

нем истинного масонства разумели мы то, которое ведет посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению»[42], — этот краеугольный принцип действительно лежал в основе идеологии и практической деятельности русских масонов. Стоило следователю обратиться к книгам, изданным Новиковым, и он нашел бы там сотни положений, в которых развивалась мысль о преимуществах мирной, нравственной революции перед насилием и бунтом. Попытка насильственного уничтожения крепостного права по законам того времени естественно должна была расцениваться властями как «бунт», «мятеж», «возмущение»; стремление же словом, убеждением, собственным примером доказать недопустимость варварского обращения с себе подобными — оставалось личным делом каждого гражданина.

Обвинение Новикова «в употреблении разных способов к уловлению в свою секту известной особы», то есть Павла, тоже оказалось явно несостоятельным. Мастер Коловион даже никогда не встречался с предполагаемой «жертвой» своих «козней». Самый пристрастный суд не мог бы найти состава преступления в передаче наследнику престола через вторые руки нескольких книг религиозного содержания. А ведь только эти факты, судя по сохранившимся материалам, находились в руках следствия. Кроме того, о каком «уловлении» вообще могла идти речь, когда Павел первым проявил интерес к масонским сочинениям и охотно откликнулся на предложение архитектора В. И. Баженова помочь ему в комплектовании «мистической» библиотеки. Составленная при национализации Гатчинского дворца опись книг из кабинета Павла (здесь были и «Карманная книжка для вольных каменщиков», и «Избранная библиотека для христианского чтения», и сочинение Иоанна Арндта «О истинном христианстве») свидетельствует о серьезном и вполне самостоятельном интересе наследника престола к учению мартинистов[43]. Скорее всегда не столько масоны возлагали какие-то надежды на гатчинского узника, сколько сам Павел искал сочувствия и моральной поддержки у Новикова и его единомышленников, когда же связь с гонимыми сектантами показалась трусливому цесаревичу слишком опасной, он поспешил отмежеваться от них.

Следствие над Новиковым зашло в тупик. Екатерина была разгневана упорством давнего недруга и горь-

ко жаловалась петербургскому полицеймейстеру Н. П. Архарову на то, «что всегда успевала управляться с турками, шведами и поляками, но, к удивлению, не может сладить с армейским поручиком»[44]. Словно еще на что-то надеясь, она полмесяца не подписывала приговора. Однако Новиков не собирался оговаривать себя и своих единомышленников. Не дождавшись покаяния Коловиона, Екатерина указом от 1 августа 1792 г. решила его участь. На основании бумаг, изъятых при обыске, и «допросных листов» Новикова признали «вредным государственным преступником», достойным «тягчайшей и нещадной казни». В вину ему ставились организация «тайных сборищ», тайная переписка с иноземными врагами России, «совращение» в масонство великого князя Павла Петровича и издание запрещенных книг. Понимая, как в сущности шатки доводы обвинения, лицемерная императрица поспешила проявить «гуманность». Как и в случае с Радищевым, «следуя сродному ей человеколюбию и желая оставить (Новикову) время на принесение в своих злодеяниях покаяния», она распорядилась «запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость» [45].

«Дело» мастера Коловиона показало современникам и потомкам подлинное лицо «ученицы» Монтескье и Вольтера. Через 26 лет после этого позорного процесса Карамзин писал: «Его заключили в Шлиссельбургской крепости не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях, вредных для благоустройства гражданских обществ... Новиков как гражданин, полезный своей деятельностью, заслуживает общественную признательность; Новиков как теософический мыслитель, по крайней мере, не заслуживает темницы»[46].

Жизнь Новикова в заключении была тяжелой. Обострились старые болезни, появились новые. Скудных «кормовых» денег не хватало даже на тюремную похлебку. Одежда узника обветшала, но заменить ее было нечем. Иссохший, обросший бородой мастер Коловион производил столь тягостное впечатление, что комендант крепости несколько раз пытался добиться хотя бы некоторого облегчения его участи. «Что же касается до Новикова, — рапортовал начальству чиновник Тайной канцелярии Ф. Крюков, обследовавший положение заключенных в апреле 1796 г., — то он, будучи одержим разными припадками и не имея никакого себе от того посо-

бия, получил, наконец, ныне внутренний желудочный прорыв, от чего и терпит тягчайшее страдание, то и просит к облегчению судьбы своей человеколюбивейшего милосердия, а притом страждут они с Багрянским и от определенного им к содержанию малого числа кормовых, в рассуждении нынешней во всем дороговизны»[47]. Однако все просьбы Новикова остались без внимания: ни права на продолжительные прогулки, ни лекарств, ни прибавки «кормовых» денег он не получил.

Монотонной чередой тянулись бесконечные дни заточения. Единственной книгой, которой разрешали пользоваться заключенным, была Библия, но ее Николай Иванович и так знал наизусть.

Оставалось искать покоя и бодрости только в своей душе, в воспоминаниях о невозвратимом прошлом, о милых сердцу друзьях, о несчастных детях. Каждый новый восход напоминал узнику о том, что он может стать последним в его жизни. И все-таки Новикову суждено было пережить своих палачей.

6 ноября 1796 г. скоропостижно скончалась Екатерина II, а через три дня Новиков покинул Шлиссельбургскую крепость. Полторы тысячи мрачных дней и ночей провел он в ее стенах. 87 узникам, брошенным в застенки ненавистной матерью, возвратил свободу дождавшийся часа отмщения Павел. Тоска по родным и близким людям гнала Коловиона домой. «Он прибыл к нам 19 ноября, поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе, — вспоминал друг Новикова С. И. Гамалея. — Доктор и слуга крепче его. Некоторое отсвечивание лучей небесной радости видел я на здешних поселениях, как они обнимали с радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при этом, что они в голодный год великую через него помощь получили; и не только здешние жители, но и отдаленных чужих селений... Сын в беспамятстве побежал, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что он ее отец» [48].

Поток благодеяний, излившийся на русских масонов с воцарением нового императора, казалось бы, должен был возродить к новой жизни недавнего шлиссельбургского узника. Однако милостивая аудиенция Павла не слишком обрадовала Новикова. Он уже сполна испытал на себе справедливость любимой в юности поговорки: «близ царя — близ смерти». Да и милость царя была недолгой. Ни государственной службы, ни возмещения ог-

ромных убытков, понесенных по вине правительства, Новиков не получил. Правда, указом императора от 11 ноября 1796 г. ему вернули остатки движимого и недвижимого имущества (дома и книги), ранее переданного Московскому приказу общественного призрения[49], однако согласно новому царскому распоряжению от 10 апреля 1797 г. все это пошло на уплату казенных и частных долгов издателя[50]. Вскоре выяснилось, что деньги поступают кредиторам слишком медленно. Рассмотрев их жалобы, Павел распорядился 9 июля 1797 г. «не освобождать от поручительства тех, которые в исправном платеже занятой Новиковым из Воспитательного дома суммы с процентами поруками подписались, и в случае недостатка на платеж того долгу одного Новикова имения употребить в продажу на недостающее число имение поручителей»[51]. Угроза разорения вновь пробудила угасшее с годами чувство неприязни к мастеру Коловиону его былых компаньонов[52].

Как показали дальнейшие события, они напрасно волновались, к 5 октября 1797 г. долг Новикова Воспитательному дому был полностью выплачен, а спустя полгода — и ростовщические проценты, возросшие до 70 тыс. руб. за время шлиссельбургского заточения издателя[53].

Покончив расчеты с казной, Новиков поручил удовлетворить претензии частных кредиторов своему старому другу и компаньону Г. М. Походяшину. Это оказалось далеко не простой задачей. После многих мытарств, испробовав чуть ли не все способы к скорейшей распродаже новиковских книжных «залежей», оценивавшихся в 400 тыс. руб., предприимчивый купец задумал организовать в Москве беспроигрышную лотерею. Приобретая билет стоимостью в 10 рублей, каждый из 35 тысяч ее участников имел шанс стать счастливым обладателем огромной библиотеки. Нам неизвестно точное число искателей «фортуны», поддавшихся на уговоры Походяшина, однако его предприятие, по-видимому, имело успех. Не случайно сразу же по завершении лотереи Новиков в последний раз попытался вернуться к активной общественной деятельности, предложив на торгах за содержание Университетской типографии ежегодную плату в 11 тыс. руб.[54] К сожалению, его конкуренты оказались богаче и влиятельнее.

Распростившись навсегда с любимым делом, владелец разоренной усадьбы и полутораста крепостных душ

доживал свои дни в борьбе с долгами, нищетой, болезнями. Редкие гости, заезжавшие в Авдотьино «на поклон» к патриарху русского масонства, удивлялись его стоическому смирению и мистической самоуглубленности[55]. Обстоятельства сложились так, что задолго до смерти Новикова, мирно скончавшегося на 74-м году жизни, русское просвещение потеряло одного из деятельнейших своих тружеников.

Заточая мастера Коловиона в Шлиссельбургскую крепость, Екатерина II считала себя победительницей, однако посеянные им семена дали обильные всходы совсем в иную эпоху, при иных обстоятельствах. Свято уверовав в идеалы добра, гуманизма и социальной справедливости, служению которым посвятил свою жизнь Новиков, сыновья масонов — декабристы — первыми вышли на открытый бой за превращение этих идеалов в основной закон русского общества. Друзья человечества и свободы не забыли его нравственного подвига. «Новиков, — писал А. И. Герцен в статье „О развитии революционных идей в России" — был одной из тех великих личностей истории, которые творят чудеса на сцене, по необходимости погруженной во тьму... Каким огромным делом оказалась его смелая мысль — объединить во имя нравственного интереса в братскую семью все, что есть (у нас) умственно зрелого»[56]. Именно это позволяет благодарному потомству, нисколько не преуменьшая сложности и противоречивости идейных позиций и практической деятельности Новикова, видеть в нем одного из крупнейших книгоиздателей-просветителей, страстного провозвестника и энергичного проводника новых, более гуманных и справедливых отношений между людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I
САТИРИК И УЧЕНЫЙ

[1] Сатирические журналы Н. И. Новикова. — М.; Л., 1951, с. 345.

[2] Новиков Н. И. Избранные сочинения. — М.; Л., 1951, с. 606.

[3] Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. — М.; Л., 1959, т. 2, с. 91.

[4] Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1: 1756—1764. — М., 1960, с. 122.

[5] После смерти Ивана Васильевича для Новиковых настали трудные дни. Летом 1764 г. его вдова Анна Ивановна вынуждена была продать родовые имения в Коломенском уезде и московский дом в Замоскворечье (Московские ведомости, 1764, № 70, 31 августа).

[6] Болотов А. Т. Записки. — Спб., 1871, т. 2, стб. 6.

[7] Русская старина, 1872, т. 5, с. 560.

[8] Печатание этой книжечки на бумаге заказчика обошлось в 13 руб. 50 коп. (Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 314, оп. 1, д. 3302, л. 32; д. 3389, л. 22).

[9] Дух Пифагоров, или Нравоучения его. — Спб., 1766, с. 4.

[10] Книжка обошлась Новикову в 31 руб. 82 коп., была выкуплена им из типографии в начале декабря (Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР — далее: ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 301, л. 6—8, 180) и продавалась в Академической книжной лавке в пять раз дороже ее себестоимости — по 25 коп. за экз. (Санктпетербургские ведомости, 1766, № 101, 19 декабря).

[11] Всякая всячина, 1769, с. 136.

[12] В. П. Семенников в работе «Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании» (Пг., 1921, с. 9) называет одну книжку В. И. Майкова, изданную Новиковым в 1768 г. — пролог «Торжествующий Парнас». Новейшие архивные разыскания в ЛО ААН (ф. 3, оп. 1, д. 314, л. 153 об., 156; д. 678, л 43) свидетельствуют о том, что им были напечатаны в Академической типографии еще две майковские книжки — сборник стихов (13 сентября) и «Сонет» по случаю выздоровления от прививной оспы Екатерины II и Павла Петровича (22 декабря).

[13] Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 111—112.

[14] Собеседник любителей российского слова, 1783, ч. 3, с. 166.

[15] Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 69; Всякая всячина, 1769, с. 174.

[16] Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 112.

[17] Смесь, 1769, л. 20, с. 153—156.

[18] Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. — В кн.: Разыскания об издателях их и сотрудниках. Спб., 1914, с. 80—81.

[19] Недельный выпуск «Всякой всячины» стоил 1,5 коп., «И то и сио» — 2 коп., «Ни то ни сио» и «Смеси» — по 2,5 коп.

[20] См., например, выписки из «Трутня» среди других произведений народной сатиры в рукописном сборнике 1787 г., принадлежавшем вытегорскому мещанину В. Д. Федотову. — Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, оп. 24, № 73. В Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, далее: ОРРК БАН (Тимоф. 37) сохранился более ранний сборник, составленный в конце 1760-х гг. неизвестным любителем сатирической поэзии, со списком листа VI «Трутня».

[21] ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 540, л. 176—177, 181.

[22] Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), ф. 10, оп. 1, д. 581, л. 28 об., 42.

[23] Санктпетербургские ведомости, 1770, № 6, 19 января. Характерно, что за печатание полугодового комплекта «Трутня» на 1770 г. с Академической типографией расплачивался некий «аноним» (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 541, л. 234 об.).

[24] Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 236. В 1770 г. тираж «Трутня» упал до 750 экз.

[25] Продажная цена двух номеров журнала «Пустомеля» (июнь — июль 1770 г.) — 30 коп. — в 8 раз превышала их себестоимость (Новиков заплатил 18 р. 28 к. за 500 экз.); «Живописец» стоил намного дороже — по 1 руб. за полугодовой комплект (его себестоимость составляла 12 коп.). Выручка за три новиковских издания составила, по-видимому, весьма значительную для того времени сумму (Семенников В. П. Русские сатирические журналы, с. 85; Санктпетербургские ведомости, 1772, № 33, 24 апреля; № 35, 1 мая; № 99, 11 декабря; ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 543, л. 179 об., 210 об, 232, 243 об.). В Отделе рукописной и редкой книги Куйбышевской областной библиотеки (инв. № 282370) сохранилась ч. 2 четвертого издания «Живописца» (М., 1781) с владельческой записью «села Унилова жителя» Петра Григорьевича Середянкина (1801 г.) и его читательским отзывом: «Сие сатирическое сочинение к пользе Отечеству и для исправления развращенных умов, которые себе подобных содержат в крайнем притеснении и с небрежением. Каждому человеку иметь ко ближнему ласки и всякое удовлетворение».

[26] Словарь был напечатан в 1768 г. в Лейпциге в журнале «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und freyen Künste».

[27] Именно за это Екатерина II пожаловала издателю «Опыта» 3 августа 1772 г. 200 руб. (Центральный государственный исторический архив СССР — далее: ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3887, л. 118).

[28] Древняя российская идрография... — Спб., 1773, с. 1.

[29] Среди рукописных книг, конфискованных в 1793 г. в московской библиотеке Новикова, были три списка «Русского летописца», «Книга Большому чертежу», «Казанская история», «Сказание о Мамаевом побоище», «Записки» А. А. Матвеева и несколько сборников исторических материалов (Центральный государственный архив г. Москвы — далее: ЦГАМ, ф. 16, оп. 29, д. 64, лл. 241, 244 об., 253, 254 об., 255).

[30] Санктпетербургский вестник, 1778, ч. 1, январь, с. 59.

[31] Древняя российская вивлиофика... — Спб., 1773, ч. 1, с. VI.

[32] Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 441.

[33] Там же, с. 442.

[34] 27 февраля 1773 г. новиковское общество приобрело у Академии наук нераспроданные экземпляры первой (361 экз.) и второй (351 экз.) частей «Путешествий Гулливеровых» (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 544, л. 100 об. — 101).

[35] Ла Порт Ж. де. Всемирный путешествователь, или Познание Стараго и Новаго света... — Спб., 1778, т. 1, с. III, V.

[36] Зульцер И. Г. О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение. — Спб., 1774, с. 15.

[37] Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1941, т. 2, с. 282.

[38] Полонская И. М. Новые материалы об издательской деятельности Н. И. Новикова. — Зап. отдела рукоп. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1977, вып. 38, с. 215—223.

[39] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 606.

Глава 2
УТРЕННИЙ СВЕТ

[1] Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. — М., 1867, с. 99.

[2] Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 299.

[3] Березайский В. С. Письмо Любоведа к Словохоту. — В кн.: Анекдоты древних пошехонцев. Спб., 1798, с. 1—2.

[4] Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основании документов архива Конференции имп. Академии наук. Спб., 1914, с. 75.

[5] См. сборник, составленный подпрапорщиком лейб-гвардии Измайловского полка И. Я. Томаковским. — ОР ГБЛ, ф. 299 (Н. С. Тихонравова), № 241, л. 167—185.

[6] Экземпляр «Опыта» продавался в 5 раз дороже его себестоимости, составлявшей 32,5 коп.

[7] Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 441—442.

[8] Русский архив, 1864, № 7/8, стб. 740.

[9] Подписчикам «Древней российской вивлиофики» на 1773 г. (4 р. в год на «любской» бумаге) предоставлялась скидка с розничной цены в размере стоимости двух ее ежемесячных выпусков (40+40 коп.). Розничная цена одного выпуска «Вивлиофики» в 4—5 раз превышала его себестоимость (ЛО ААН, ф. 3., оп. 4, д. 28/29, л. 1—23; Санктпетербургские ведомости, 1772, № 99, 11 декабря). В 1774 г. подписная плата за «Вивлиофику» значительно возросла: 8 р. на «александрийской», 6 р. на «любской» и 4 р. 80 к. на простой бумаге. В розничную продажу поступали только экземпляры на простой бумаге (6 р. годовой комплект). «Сие издание помесячно книжками продаваться не будет, — извещал читателей Новиков, — ибо от сего в нынешнем (1772 г.) годе немалый претерпел убыток по причине разбивки целых экземпляров, а продаваться будет по окончании каждой части, из трех месяцев состоящей; особы же, соблаговолившие подписаться на сие издание, получать будут помесячно» (Санктпетербургские ведомости, 1773, № 89, 5 ноября).

[10] «Древняя российская идрография» и «История о невинном заточении Артемона Матвеева» предлагались подписчикам по цене 5 коп. за лист (вместо 7 коп. в розничной продаже), притом на хорошей бумаге (Санктпетербургские ведомости, 1773, № 20, 8 марта). Подписка на эти издания шла очень плохо, не лучше расходились они и в розничной торговле. 26 февраля 1780 г. наборщик Академической типографии В. Митропольский, заплатив Академии, вместо Новикова, 248 р. 94 к., выкупил у нее почти весь тираж (600 экз.) «Истории» (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 551, л. 111).

[11] Там же, ф. 21, оп. 3, д. 6, л. 39.

[12] Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым, 1862, т. 4, отд. 3, с. 41—44. Дотации эти были не столь велики, если учесть, что Новиков заплатил Академии наук только за три номера «Вивлиофики» (февраль — апрель 1773 г.) 347 р. 22 к. (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 544, л. 92, об., 109, 137).

[13] Летописи русской литературы и древности, с. 41.

[14] 27 сентября 1774 г. Екатерина II по ходатайству Г. В. Козицкого распорядилась выдать из средств Кабинета е. и. в. «издателю Российской вивлиофики Новикову на издание оной в будущем году» 600 р. (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3889, л. 144 об.). Тем не менее подписная плата на «Вивлиофику» на 1775 г. возросла в $^1/_5$ раза: 12 р. на

«александрийской», 9 р. на «любской» и 7 р. 50 к. на простой бумаге (в розничной продаже 9 р.) «Великие трудности и неудобства» издания ежемесячного журнала побудили Новикова в два раза сократить его периодичность (Санктпетербургские ведомости, 1774, № 82, 14 октября, объявление).

[15] Летописи русской литературы и древности, с. 46.

[16] Новиков назначил сравнительно невысокую, «одинакую» в Петербурге и Москве, подписную плату за этот сборник: 8 руб. на «александрийской», 7 руб. на «любской» и 6 руб. на простой бумаге (в розничной продаже 8 руб.) (Санктпетербургские ведомости, 1775, № 43, 29 мая.) Несмотря на это читатели холодно встретили новый журнал, и он прекратил свое существование на первом же номере. Попытка переиздания «Сокровища» в 1789 г. натолкнулась на противодействие духовной цензуры (Долгова С. Р. «Сокровище российских древностей» Н. И. Новикова. — Книга. Исследования и материалы, 1975, вып. 21, с. 141—147).

[17] Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы, с. 76. Именно в эти дни брат издателя — секунд-майор А. И. Новиков назначил к продаже еще одно их родовое поместье: село Уст и деревню Бортную в Сухиницком стане Мещевского уезда (259 крепостных «душ мужеска полу»), с «господским домом, садом плодовитым, четырьмя прудами с рыбою» и мельницей.

[18] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 96.

[19] ОР ГБЛ, ф. 384, ед. хр. 14, № 13 (2).

[20] Санктпетербургские ведомости, 1777, № 20, 10 марта, прибавление.

[21] Санктпетербургские ученые ведомости, 1873, с. 5—6. Думается, что нежелание наживать себе врагов побудило Новикова тщательно скрывать свое участие в издании «Ведомостей» даже от самых близких друзей (Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени: XVIII век. Сб. 11. — Л., 1976, с. 17).

[22] Утренний свет, 1777, ч. 1, сентябрь, с. VIII. Еще в 1776 г. Новиков жертвовал часть прибыли от своих изданий Воспитательному дому (Московские ведомости, 1776, № 17, 26 февраля, известие).

[23] Там же, ч. III, 1778, август, с. 386—387. Впоследствии число подписчиков несколько сократилось (492 подписчика на 624 экз. в 1778—1779 гг. и 309 подписчиков на 327 экз. в 1779—1780 гг.), однако все три года издательско-филантропическое предприятие Новикова оставалось рентабельным.

Глава 3
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ТИПОГРАФЩИК

[1] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 635.

[2] Книга. Исследования и материалы, 1974, вып. 28, с. 152—156.

[3] Печатание книг в Академической типографии обходилось частным лицам в 2—3 раза дороже, чем собственные издания Академии (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 328, л. 24, 243). Сведений о ценах на типографские работы в новиковских типографиях не сохранилось. Из показаний Новикова явствует только, что за «печатание посторонних книг» он «тотчас получал всю сумму с великою выгодою» (Новиков Н. И. Избр. соч., с. 596).

[4] Русский архив, 1864, № 7/8, стб. 738.

[5] Судя по описи, составленной 12 июня 1789 г. при передаче Новиковым Университетской типографии ее новому арендатору

А. А. Светушкину, здесь было 10 печатных станов «со всею слесарною и столярною принадлежностию», 1 фигурный стан, 17 видов русских шрифтов, 14 — латинских, 7 — немецких, 4 — греческих и 1 — китайский, русские, немецкие и латинские «титулярные (т. е. заглавные) литеры», а также большой запас всевозможных виньеток, математических и нотных знаков (Отдел письменных источников Государственного Исторического музея СССР, ф. 1, оп. 1, д. 145, лл. 7—20).

[6] Русский архив, 1864, № 7/8, стб. 741.

[7] Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. — Пг., 1916, с. 342—343.

[8] Там же, с. 343.

[9] Там же, с. 347.

[10] Об этом свидетельствует и сам Новиков, указывая, что «от типографии получал первые годы доходы он один» (Новиков Н. И. Избр. соч., с. 594).

[11] Купленный на деньги, занятые в долг у И. В. Лопухина, дом (первый налево по выходе из Никольских ворот, в неприятном соседстве с Тайной экспедицией) обошелся Новикову в 13 тыс. руб. и был немедленно заложен им в казну (Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты, с. 187; Новиков Н. И. Избр. соч., с. 595—596; Русский архив, 1878, кн. 1, с. 156, 159).

[12] Русский архив, 1863. 2-е изд., стб. 616—617; 1884, т. 1, с. 16.

[13] «В бывшей под именем моим типографии, — писал впоследствии И. В. Лопухин, — распоряжался Новиков». Это показание подтверждается свидетельством князя Н. Н. Трубецкого (Летописи русской литературы и древности, с. 54, 68). Характерно, что некоторые масонские сочинения, напечатанные в Университетской типографии (например, знаменитый «Хризомандер»), маскировались под издания вольных типографий (ОР ГПБ, ф. 658, № 12, л. 15—16).

[14] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 594.

[15] Там же, с. 594, 618, 663; Лонгинов М. Н. Указ. соч., с. 239—242.

[16] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 596, 597. По свидетельству приказчика Новикова Н. Н. Кольчугина, Компания продавала в год книг на 25 тыс. руб., барыш с которых составлял всего лишь 15 тыс. руб. Однако купец, по-видимому, знал далеко не все источники дохода Компании (Летописи русской литературы и древности, с. 19).

[17] Русский архив, 1864, № 7/8, стб. 742.

[18] ОРРК БАН, Тек. пост., № 1119, л. 73 об., 74 об.

[19] См. указ Екатерины II от 25 октября 1776 г. о печатании за счет Кабинета е. и. в. сочинений и переводов М. И. Веревкина (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3891, л. 179).

[20] ОР ГПБ, F. XVIII. 35, л. 20, 41 об.

[21] ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3879, л. 54 об; д. 3896, л. 24 об. 127; д. 3898, л. 83, 137; д. 3900, л. 245, об., 305; д. 3901, л. 328; д. 3903, л. 89; д. 3905, л. 209.

[22] ОР ГПБ, F. XVIII. 35, л. 51 об.

[23] Мартынова М. И., Мартынов И. Ф. Петербургский книгоиздатель и книготорговец XVIII в. Е. К. Вильковский и издание учебных пособий для народных училищ. — В кн.: История книги и издательского дела: Сборник научных трудов. — Л., 1977, с. 70.

[24] ЦГИА, ф. 730, оп. 1, д. 67, л. 18. М. Н. Лонгинов ошибался, считая, что Новикову пришлось «поплатиться за доброе намерение, поддержанное высшим местным начальником» (Указ. соч., с. 229).

[25] Чистович И. А. История С.-Петербургской духовной академии. — Спб., 1857, с. 81.

[26] Шашков С. С. Литературный труд в России: (Исторический очерк). — Дело, 1876, № 9, отд. 1, с. 19; ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 328, л. 260. Академия наук платила переводчикам по 4—8 руб. за печатный лист (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 535, л. 101, 197; д. 536, л. 108).

[27] Библиограф, 1885, № 10, с. 50.

[28] Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. — М., 1866, с. 47, 276; Евгений. Словарь светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. — М., 1845, т. 2, с. 105.

[29] Историк и архивист XIX столетия П. А. Безсонов в книге «Типографская библиотека в Москве» (М., 1859, с. 32) сообщает о том, что книги из библиотеки Дружеского ученого общества выдавались как «адептам» (т. е. членам масонских лож), так и «всем приближавшимся», и называет имя ее заведующего — М. И. Невзорова. К сожалению, исследователь не указал источник, откуда им почерпнуты эти сведения.

[30] Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, 1871, кн. 3, отд. V, с. 24—46; ЦГИА, ф. 735, оп. 10, д. 1; ЦГАМ, ф. 16, оп. 29, д. 64, л. 216—221,222—224, 230—233, 225—229, 234—247 а, 262—274, 258—261, 247б — 251, 252—257; В мире книг, 1976, № 3, с. 80—82.

Глава 4
ИЗДАНО ИЖДИВЕНИЕМ НОВИКОВА

[1] В 1783 г. Академия наук приняла решение четко разграничить собственные и заказные издания, установив для них разную форму титульных листов.

[2] Отметим, что Новиков перепечатывал некоторые книги, не встречающиеся в списках его первоизданий, например комедию Л. Ансома «Два охотника» (Спб., 1779).

[3] См., например, в ОРРК БАН (Тек. пост. 450, л. 44—164) рукописный конволют конца 1780-х гг. со списками нравоучительных сочинений Л. А. Караччоли «Загадочный мир» (1788), Ш. Роллена «Прямая слава и истинное величество» (1783) и поэмы А. фон Галлера «О происхождении зла» в переводе Н. М. Карамзина (1786).

[4] Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века: 1780—1792 гг. — Пг., 1915, с. 36. Заметим, что среди «побасок», напечатанных Новиковым в 1790 г., были первый том собрания сочинений Ж. Л. Д'Аламбера и «Плоды уединения» У. Пенна.

[5] Московское ежемесячное издание, 1781, август, с. 285.

[6] Литературное наследство, 1933, т. 9/10, с. 205.

[7] Друковцев С. В. Бабушкины сказки. — М., 1781, с. 31.

[8] Санктпетербургский вестник, 1781, апрель, с. 295.

[9] Н. И. Новиков и его современники: Избранные сочинения. — М., 1961, с. 416—417.

[10] Московские ведомости, 1780, № 29, 8 апреля, с. 231—232.

[11] Там же, 1783, № 87, 1 ноября, с. 694.

[12] В предисловии к повести ее переводчик впервые сообщил русским читателям о находившейся тогда еще в рукописи драматической поэме Гете «Фауст» (Библиотека немецких романов. Ч. 1. — М., 1780, с. 96).

[13] Покоящийся трудолюбец, 1784, ч. 4, с. 69.

[14] Московские ведомости, 1782, № 100, 14 декабря, с. 799—800.

[15] 20 октября 1773 г. Екатерина II подарила весь тираж «Велизера» (1200 экз.) и право на его переиздание новиковскому «Обществу, старающемуся о напечатании книг» (ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, д. 544, л. 125, 292; ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3888, л. 178).

[16] Московские ведомости, 1784, № 21, 13 марта, с. 197.

[17] Московское ежемесячное издание, 1781, август, с. 307.
[18] Московские ведомости, 1786, № 94, 25 ноября, с. 823.
[19] Брук Г. Перечень аглинской книги, называемой Слабоумный вельможа. — М., 1782, с. 29.
[20] Московские ведомости, 1780, № 3, 8 января, с. 22—24.
[21] Пиксанов Н. К. Масонская литература. — В кн.: История русской литературы. Т. 4. Литература XVIII в. Ч. 2. — М.; Л., 1947, с. 67.
[22] Покоящийся трудолюбец, 1784, ч. 1, с. II.
[23] Отдел редких книг Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, инв. № 20767.
[24] Утренний свет, 1777, ч. 1, с. 207.
[25] Московские ведомости, 1786, № 100, 16 декабря, с. 879.
[26] Московские ведомости, 1782, № 57, 16 июня, с. 455.
[27] Санктпетербургский вестник, 1780, май, с. 388.
[28] Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1938, т. 1, с. 259; Кулакова Л. Н., Западов В. А. А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву: Комментарий. — Л., 1974, с. 90—91.
[29] Циммерман И. Г. Народная гордость. — М., 1788, с. 111.
[30] Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. — Спб., 1807, с. 124—127.
[31] Московские ведомости, 1788, № 63, 5 августа, с. 578.
[32] Прочитав «Аристида» в 1798 г., читатель-масон Петр Сафронов записал на последней странице книги: «Мысли прекрасны, перевод плох» (ГПБ, шифр: 18.261.644).
[33] Аристид, или Истинный патриот. — М., 1785, с. 72, 73—74.
[34] Караччоли Л. А. Путешествие Разума в европейские области. Ч. 1. — М., 1783, с. 11.
[35] Там же, с. 16. См.: Дмитриев В. «Чтоб... чтоб... чтоб...». — В мире книг, 1976, № 7, с. 84.
[36] Городская и деревенская библиотека, 1786, ч. 12, с. 164.
[37] Московское ежемесячное издание, 1781, ч. 1, с. X.
[38] Судя по спискам подписчиков (131 подписчик в Москве, Новгороде, Угличе и других городах), книга Дерема вызвала интерес не только у духовенства, но и в разночинной среде.
[39] Пенн У. Плоды уединения, основанные на рассуждениях и правилах о перемене человеческой жизни. — М., 1790, с. 81.
[40] Русский архив, 1897, № 9, с. 117.
[41] Похвала Сократу... — М., 1783, с. 29—30.
[42] Лонгинов М. Н. Указ. соч., с. 0158.
[43] Санктпетербургский вестник, 1779, ноябрь, с. 369—373.
[44] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725—1800. Т. 1. — М., 1962, с. 313.
[45] Большая часть тиража этих книг раздавалась бесплатно членам масонских лож, однако спрос на них был так велик, что, по словам П. И. Протасова, книга Порделжа шла в то время «рублей по пятисот» (Русский архив, 1897, № 9, с. 114).
[46] Московские ведомости, 1784, № 92, 16 ноября, с. 822.
[47] Там же, 1788, № 64, 9 августа, с. 585—586.
[48] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 597, 598, 633.
[49] БАН ОРРК, 1.4.44, л. 6, 7 об.; ИРЛИ РО, РII, оп. 1, № 62, л. 95.
[50] Русский архив, 1863, изд. 2-е, стб. 616—617.
[51] Н. И. Новиков и его современники, с. 415.
[52] Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР, ф. 1, оп. 1, д. 145, л. 1—5.
[53] Н. И. Новиков и его современники, с. 415.

[54] Глинка С. Н. Записки. — Спб., 1895, с. 16.

[55] Подписная плата на «Московские ведомости» с «Прибавлениями» и «Дополнениями» составляла 6 руб. в год на простой и 7 р. на белой бумаге, с надбавкой в 1 р. за пересылку в другие города.

[56] Подписка (без пересылки) на венскую газету обходилась русскому читателю в 1789 г. в 17 р., на амстердамскую — в 15 р., гамбургскую — в 10 р., штеттинскую, эрлангенскую и берлинскую — по 8 р. (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 4026, л. 369).

[57] Н. И. Новиков и его современники, с. 415. Деятельнейшим помощником Новикова был редактор политического отдела «Московских ведомостей», полиглот и эрудит В. П. Иванов (Вестник Европы, 1810, ч. 50, № 6, с. 154—155).

[58] «Московские ведомости» с «Экономическим магазином» впридачу обходились подписчику в 10 р. на простой бумаге и в 12 — на белой; отдельный комплект «Магазина» стоил 5—6 р. «Детское чтение» на простой бумаге раздавалось подписчикам «Ведомостей» бесплатно, а на белой — за дополнительную плату в 1 р. Подписка на один детский журнал не принималась, и в розничную продажу он не поступал.

[59] Родословная книга... Ч. 2. — М., 1787, с. 450.

[60] Московские ведомости, 1782, № 91, 12 ноября, прибавление, с. 4.

[61] Московские ведомости, 1780, № 3, 8 января, с. 22—24.

[62] Подписная цена на 22 части книги Чулкова составляла в Москве 30 руб. без переплета и 42 р. 60 к. в переплете (в провинции на 3 руб. дороже). В розницу они продавались чуть ли не вдвое дороже: за 52 р. 50 к. без переплета и 65 р. в переплете (Московские ведомости, 1786, № 100, 16 декабря, с. 877—879).

[63] Мартынов И. Ф. Библиографическая информация в периодических изданиях Н. И. Новикова. — Советская библиография, 1974, № 3, с. 43—56.

[64] Русский архив, 1864, № 7/8, стб. 739.

[65] Симони П. К. Материалы к истории русской книжной торговли в XVIII—XIX столетиях: Вып. 1. Н. И. Новиков и книгопродавцы Кольчугины. — Спб., 1907, с. 14—15.

[66] ЦГАМ, ф. 16, оп. 1, д. 357, л. 9, 22—23. Новиковские книги продавались на Спасском мосту в лавках московских купцов И. Ферапонтова, братьев В. и М. Глазуновых, П. А. Вавилова, Т. А. Полежаева, Т. Семенова и С. Трифонова, у дмитровского купца П. А. Толченова, столичных мещан И. Данилова, Ф. Мушникова, П. Рышкова и переплетчика Синодальной типографии П. П. Лебедева; на Никольской улице (у московских купцов Н. Н. Кольчугина, Т. А. Полежаева и Л. Никонова); на Ильинской улице (у монетчика И. Иванова, И. И. Переплетчикова и в Университетской иностранной книжной лавке Х. Ридигера); на Козмодемьянской улице во французской книжной лавке Г. Бибера и И. Л. Утгофа; у переплетчика К. Зандмарка на Кузнецкой улице; в лавке университетского переплетчика Н. Д. Водопьянова на Кузнецком мосту — близ Заиконоспасского монастыря и, наконец, в собственной книжной лавке Новикова у Никольских ворот.

[67] Летописи русской литературы и древности, с. 18—19. Впоследствии Н. Н. Кольчугин до конца своих дней активно распространял сочинения, исходившие из масонских кругов.

[68] Сослуживец Новикова по Измайловскому полку, богатый помещик (500 крепостных «душ мужеска пола») П. И. Прокудин, пробыв много лет в отставке «для излечения от болезней», с ноября 1782 г. был назначен нижегородским директором экономии.

[69] Отставной майор артиллерии, советник Палаты уголовных дел И. В. Колюбакин был тесно связан с семьями Дмитриевых и Карамзиных.

[70] Болотов А. Т. Жизнь и приключения, стб. 935—936, 952, 954—956, 962, 1029, 1034. Впоследствии правительство, опасаясь распространения масонской «заразы», запретило торговлю «по ярмаркам» новиковскими изданиями (Новиков Н. И. Избр. соч., с. 631).

[71] Державин Г. Р. Сочинения. Т. 5. — Спб., 1869, с. 645—646.

[72] Новиков выслал в Тамбов книг на 555 р. 82 к., с «уступкой» 20% их стоимости (ОР ГПБ, ф. Г. Р. Державина, т. 12, № 2, л. 102—107).

Глава 5
ГОНИМЫЙ КОЛОВИОН

[1] Русская старина, 1887, № 8, с. 289.

[2] В 1780—1782 гг. Новиков регулярно отдавал цензуровать печатавшиеся у него книги и журналы духовного содержания члену Московской Синодальной конторы архимандриту Дамаскину и архиепископу Платону (ЦГАДА, ф. 1183, 1781 г., д. 179; д. 185; д. 188; 1782 г., д. 73; д. 175). Только один раз за все это время Платон приказал «некоторые места отменить или переправить» в книге Аполлоса «Вера, надежда и любовь» (там же, 1782 г., д. 175, л. 2).

[3] Отечественные записки, 1840, т. 8, смесь, с. 7.

[4] Библиографические записки, 1861, т. 3, № 2, стб. 44—45. Запретную книгу обнаружил в типографии Лопухина давний недруг масонов пристав 5-й части Москвы секунд-майор И. К. Санцыперов (ЦГАМ, ф. 105, оп. 7, д. 507, л. 3).

[5] Русский архив, 1871, кн. 1, с. 218.

[6] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 578—579.

[7] Осмнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 1. 2-е изд. — М., 1869, с. 491.

[8] ЧОИДР, 1867, кн. 4, отд. V, с. 43.

[9] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 579—580.

[10] Там же, с. 580—582.

[11] Осмнадцатый век. Кн. 1, с. 491—492.

[12] ЦГИА, ф. 796, оп. 67, д. 110, л. 36.

[13] ЧОИДР, 1864, кн. 4, отд. V, с. 49—50. В ПСЗ этот указ не был включен.

[14] Из 23 «сумнительных» книг 10 — цензуровал полицмейстер Б. П. Островский, 6 — профессор А. А. Барсов и одну — архимандрит Павел; три переиздания не подлежали по закону вторичному цензурному просмотру; и, наконец, за содержание романа Вольтера «Человек в 40 талеров» и «Божественных наставлений» Лактанция, напечатанных иждивением П. И. Богдановича, и «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» несли ответственность петербургские цензоры.

[15] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 585—588.

[16] Осмнадцатый век, с. 493—502.

[17] ЧОИДР, 1867, кн. 4, отд. V, с. 56—57, 62; ЦГАЛИ, ф. 1270, оп. 1, д. 1, л. 1.

[18] Русский библиофил, 1912, № 1, с. 57.

[19] ПСЗ, т. 22, с. 875—876, (№ 16555).

[20] ЦГИА, ф. 796, оп. 68, д. 290, л. 3.

[21] ЦГАМ, ф. 16, оп. 1, д. 357, л. 12 об. С 3 августа по 8 октября 1787 г. в Москве были запечатаны полицией все типографии и 27 книжных лавок (там же, л. 9, 15—18, 22—23).

[22] ОР ГПБ, F. XVIII. 35, л. 75 об. — 76.

[23] Ленинградский государственный исторический архив (далее: ЛГИА), ф. 19, оп. 1, д. 13627, л. 7—9, 17—21.

[24] ЦГИА, ф. 796, оп. 68, д. 290, л. 185—188, 192—193, 201.

[25] Там же, л. 202—205. Полиция запечатала в лавке Попова 43 издания (110 экз.), в том числе 38 — новиковских.

[26] Там же, л. 153—155. Полиция конфисковала у Рюмина 124 экз. книг (5 — новиковских).

[27] Там же, л. 156—157.

[28] Там же, л. 161—172.

[29] Там же, л. 220. Цензоры нашли в книжной лавке Мелкова трактат И. Арндта «О истинном христианстве».

[30] Там же, л. 207—210.

[31] Там же, л. 1.

[32] Западов В. А. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII века. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. — Л., 1971, с. 115—116.

[33] ЦГИА, ф. 796, оп. 70, д. 139, л. 44—45. Конфискации подлежали 20 мистических сочинений, а также трактат И. Арндта «О истинном христианстве» (там же, л. 19).

[34] Там же, оп. 70, д. 139, л. 162 об. — 163, 141 об., 116 об. — 117 об., 153 об., 155; 128 об. — 129.

[35] Судя по дошедшей до нас переписке Амвросия с И. П. Тургеневым, он в самые трудные для московских масонов дни 1789 г. неизменно выражал им свою «благосклонность и приязнь» (ЦГАДА, ф. 359, оп. 1, д. 10, л. 2).

[36] ЦГИА, ф. 796, оп. 70, д. 139, л. 134.

[37] Русский архив, 1896, № 10, с. 425—430.

[38] ЦГИА, ф. 796, оп. 70, д. 139, л. 134.

[39] Там же, л. 138, об. — См.: ПСЗ, т. 21, с. 467 (№ 15379).

[40] ЛГИА, ф. 19, оп. 1, д. 13667, л. 1. Характерно, что этот указ никогда не предавался широкой огласке.

[41] ЦГАМ, ф. 16, оп. 1, д. 247, л. 1—9.

[42] Опасаясь новых разоблачений, Екатерина II приказала 25 сентября 1789 г. московскому главнокомандующему П. Д. Еропкину любыми способами воспрепятствовать появлению в свет на русском языке своей конфиденциальной переписки с «еретиком и безбожником» Вольтером. (Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. — Л., 1978, с. 103—106).

[43] ОР ГБЛ, ф. 298/IV, картон, 1, № 46, л. 7.

[44] Московские ведомости, 1789, № 5, 17 января, с. 41.

[45] Там же, № 34, 28 апреля, с. 354.

[46] Исторический архив. — М.; Л., 1950, т. 5, с. 319—320.

[47] ЦГАМ, ф. 16, оп. 30, д. 118, л. 8.

[48] ЦГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2797, л. 6. Оба положения были обнародованы 21 апреля 1785 г.

[49] Болотов А. Т. Записки. Т. 4: 1785—1795. — Спб., 1873, с. 524—525.

[50] ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 1392, л. 186—187.

[51] Н. И. Новиков и его современники, с. 415.

[52] Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. — Пг., 1915, с. 175—177. Получив от своих осведомителей донесения о финансовых затруднениях Новикова, Екатерина II поспешила объявить его «плутом» и с нескрываемым злорадством ожидала краха Типографической компании. «Я бы хотела, — писала она П. А. Зу-

бову, — чтобы [Шредер] обратился ко мне за уплатою [новиковских долгов]». См.: Сборник Русского Исторического общества. Т. 42. — Спб., 1885, с. 315.

[53] Лонгинов М. Н. Указ. соч., с. 302.

[54] Русская старина, 1896, № 10, с. 326.

[55] ОР ГПБ, ф. 609, оп. 1, № 64, л. 1.

[56] Русский архив, 1892, № 1, с. 95.

[57] Русская старина, 1896, № 11, с. 318.

[58] Там же, 1887, № 1, с. 88.

[59] Там же, 1896, № 11, с. 323.

[60] Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века, с. 202—203.

[61] Пиксанов Н. К. Масонская литература. — В кн.: История русской литературы. Т. 4. Литература XVIII века. Ч. 2. — М.; Л., 1947, с. 51—84; Пугачев В. В. Новиков и декабристы. — Ученые записки Горьковского университета, 1961, вып. 52, с. 291—306.

[62] Герцен А. И. Собрание сочинений. — М., 1956, т. 7, с. 190.

Глава 6
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЕ ЗАТОЧЕНИЕ

[1] Русский архив, 1878, № 10, с. 200.

[2] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 590.

[3] Там же, с. 599—600.

[4] Сборник Русского Исторического общества. 1885, т. 42, с. 224—227.

[5] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 601.

[6] Храповицкий А. В. Памятные записки, с. 267.

[7] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 601.

[8] Балабанов М. С. Россия и европейские революции в прошлом. Вып. 1. — 2-е изд. Киев, 1924, с. 61.

[9] Храповицкий А. В. Памятные записки, с. 267.

[10] ОР ГПБ, ф. 755, т. 8, л. 85—86.

[11] Карамзин Н. М. Избранные сочинения. Т. 2. — М.; Л., 1964, с. 31. Подробнее о первой, еще более смелой, редакции этого стихотворения см.: Kochetkova N. Nikolay Karamzin. — Boston, 1975, p. 50—51.

[12] Болотов А. Т. Записки. Т. 4, стб. 924.

[13] Суду были преданы Н. Н. Кольчугин, И. И. Переплетчиков, М. и В. Глазуновы, Т. А. Полежаев, И. А. Козырев, П. А. Вавилов, Н. Д. Водопьянов, П. И. Заикин, И. Луковников и С. Иванов, а заодно с ними переплетчик К. Зандмарк, французский купец Г. Бибер и его компаньон И. Л. Утгоф.

[14] Книга. Исследования и материалы. 1970. Вып. 21, с. 102—103.

[15] Русский архив, 1864, № 6, стб. 580—582.

[16] ЦГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2822, л. 1.

[17] Летописи русской литературы и древности, изданные Николаем Тихонравовым. Т. 3, ч. 2, М., 1861, с. 9.

[18] 67 книг (26 иностранных и 41 русская) и 9 рукописей из авдотьинской библиотеки Новикова были признаны достойными сожжения (ЧОИДР, 1871, т. 3, отд. V, с. 17—23). М. Н. Лонгинов называет в своей монографии «Новиков и московские мартинисты» (с. 062—063) еще шесть запрещенных книг.

[19] Летописи русской литературы и древности, с. 92—93.

[20] Там же, с. 93—94.

[21] ЦГАМ, ф. 16, оп. 29, д. 64, л. 94, 95, 100.

[22] Там же, л. 97—98 об.

[23] Там же, л. 160.

[24] ЧОИДР, 1871, т. 3, отд. V, с. 24—46.

[25] См. каталоги книг, передавшихся в Заиконоспасскую академию из 1, 2, 3—4 и 5 палат Гендрикова дома: ЦГАМ, ф. 16, оп. 29, д. 64, л. 216—221, 222—224, 225—229, 230—233. Каталог книгам 1 палаты, передававшимся в Университет, был составлен И. Вигандом и И. А. Геймом, 2 и 3 палат — И. А. Геймом, 4 и 5 палат — А. М. Брянцевым; там же, л. 234—247 а, 247б—251, 252—257, 258—261, 262—274.

[26] Летописи русской литературы, с. 10.

[27] Там же. — См. письмо директора Московского университета П. И. Фонвизина к А. А. Тейльсу от 30 апреля 1794 г. — ЧОИДР, 1871, т. 3, отд. V, с. 47—48.

[28] ЦГАМ, ф. 16, оп. 29, д. 64, л. 202.

[29] ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 431, л. 1.

[30] 26 августа 1793 г. А. А. Прозоровский затребовал у Московской Синодальной конторы ранее конфискованные новиковские книги, хранившиеся здесь в архивной палате под надзором синодального регистратора И. Ястребцова. 7 сентября Ястребцов передал 14 названий книг для сожжения А. П. Курбатову (ЦГИА, ф. 796, оп. 68, д. 290, л. 274, 275, 277 об.).

[31] ЦГАМ, ф. 16, оп. 29, д. 64, л. 167.

[32] Согласно донесению А. А. Прозоровского Екатерине II от 12 декабря 1793 г., число «истребленных» книг составило 18 656 экз. 1964 книги духовного содержания были переданы в Заиконоспасскую академию, а 5194 — Московскому университету (Русская мысль, 1885, № 11, смесь, с. 208—209).

[33] Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь, с. 276; Русская старина, 1881, № 12, с. 767.

[34] ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, д. 6; ф. 468, оп. 1, д. 4027, л. 236—237; д. 4028, л. 362, 381.

[35] Храповицкий А. В. Памятные записки, с. 281.

[36] ЦГАМ, ф. 16, оп. 225, д. 63, л. 57, 61, 66. В объявлении Московского губернского правления о начале аукционной распродажи новиковского имущества с 1 июля 1795 г. (еженедельно по понедельникам, средам и пятницам) вниманию покупателей предлагался раздаваемый «безденежно» каталог его книгам (Московские ведомости, 1795, № 51, 27 июня, разные известия, с. 1084).

[37] Вниманию покупателей предлагались словари «библейный», «церковный», «ботанический» и «коммерческий» (7 частей), «Наставление от отца детям» и две части книги Р. Додсли «Учитель, или Система воспитания», пособие по домоводству Х. Ф. Гермерсгаузена «Хозяин и хозяйка» (8 частей), «Полный латинский лексикон» И. М. Геснера, описания «важнейшего посольства князя Збаряжского к турецкому султану в 1621 году» и «Турецкой империи в XVIII веке», «История американская» и 21-я часть «Древней российской вивлиофики».

[38] ЦГАМ, ф. 16, оп. 225, д. 63, л. 89.

[39] Характерно, что розничная цена некоторых, наиболее популярных у читателей новиковских изданий была оставлена прежней. К их числу устроители аукциона отнесли «Полное собрание всех сочинений» А. П. Сумарокова в десяти томах, «Опыт о человеке» А. Попа и «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» Ж.-Ж. Руссо, журналы «Детское чтение» и «Размышления о делах божиих», «Деяния Петра Великого», «Древнюю и новую историю» К. Ф. Милло и некоторые другие книги.

[40] ЦГАМ, ф. 16, оп. 30, д. 119, л. 36—37.

[41] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 606.
[42] Там же, с. 609.
[43] Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ф. 8810, оп. 1, д. 30, л. 41.
[44] Русская старина, 1872, т. 5, с. 146.
[45] Новиков Н. И. Избр. соч., с. 671—672.
[46] Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. — Спб., 1862, с. 225.
[47] Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX—XX в. Вып. 8. — М., 1950, с. 765.
[48] Исторический вестник, 1882, № 12, с. 499—500.
[49] Орловская деревня Новиковых (село Вышневец Мценской округи, 98 душ) была продана с аукционных торгов в августе — октябре 1796 г. (Московские ведомости, 1796, № 65, 13 августа, разные известия, с. 1209).
[50] Долг Новикова Московскому Воспитательному дому составил к 1 июля 1797 г. огромную сумму — около 150 тыс. руб.
[51] Русский вестник, 1859, т. 22, август, кн. 1, с. 381.
[52] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. — Спб., 1866, с. 79.
[53] На уплату долга ушли 15 969 р. 40 к., вырученные за продажу орловской деревни Новикова, арендная плата «за отдачу в наем покоев в его домах» и выручка за проданные книги (3082 руб. 89 к.), 15 990 р., взысканные по векселю с должницы Типографической компании — графини А. Р. Чернышевой, и облигация А. Ф. Ладыженского на 50 тыс. руб. (ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 54741, л. 1). В апреле 1798 г. была продана за 10 870 р. знаменитая масонская аптека, в июле — за 50 тыс. руб. — Гендриков дом, кроме того 21 500 руб. принесла Приказу оптовая торговля новиковскими книгами.
[54] Лонгинов М. Н. Новиков и Шварц: Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века. — М., 1857, с. 41.
[55] Иванчин-Писарев Н. Д. Нечто о Н. И. Новикове. — Отечественные записки, 1840, т. 8, смесь, с. 6—7.
[56] Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 7. — М., 1956, с. 189—190. Еще в середине XIX в. новиковская Типографическая компания была для русских журналистов непревзойденным образцом просветительного предприятия (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. — Спб., 1891, с. 244).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Иван Федорович Мартынов

КНИГОИЗДАТЕЛЬ
НИКОЛАЙ
НОВИКОВ

Редактор Г. Н. Куйбышева
Художник А. Е. Цветков
Художественный редактор Н. Д. Карандашов
Технический редактор А. З. Коган
Корректор Л. В. Назарова

Сдано в набор 8.05.80. Подписано в печать 12.12.80. А08375.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1.
Гарнитура литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,765. Уч.-изд. л. 10,40.
Тираж 11 000 экз. Заказ № 1836. Изд. № 2803. Цена 80 к.
ИБ № 918

Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10
Московская типография № 4 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129041 Москва, Б. Переяславская ул., д. 46.

Лубянская площадь
(теперь площадь Дзержинского).
В доме, который виден правее церкви.
находилась типография Н. И. Новикова.
Рис. Ф. Алексеева, конец XVIII в.

80 к.